

ОТ БАЛТИКИ ДО УРАЛА: ИЗЫСКАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ КАМЕННОГО ВЕКА

Сыктывкар 2014

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
КОМИ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

**ОТ БАЛТИКИ ДО УРАЛА:
ИЗЫСКАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ
КАМЕННОГО ВЕКА**

Сборник научных статей

Сыктывкар 2014

УДК 902/904“631/634”(470.1/.5)

ББК 63.4 (235)

О-80

От Балтики до Урала: изыскания по археологии каменного века. Сыктывкар, 2014.
232 [24] с., с илл. (ИЯЛИ Кomi НЦ УрO РАН).

ISBN 978-5-906394-10-1

Статьи сборника посвящены различным аспектам археологии каменного века Балтии, Карелии, севера Русской равнины и Среднего Урала. Вводятся в научный оборот и анализируются многочисленные новые материалы. Сделаны глубокие обобщения, такие как, например, выделение отдельного периода каменного века (поздний мезолит) в Прибрежной полосе восточной части Балтии, выдвинута и обоснована гипотеза о единстве западноевропейского и уральского пещерного палеолитического искусства.

Издание приурочено к 60-летию Александра Васильевича Волокитина – исследователя палеолита Ангары и мезолита северо-востока Европы.

Для археологов, историков первобытного общества, студентов и преподавателей ВУЗов, культурологов, краеведов и любителей археологии.

From the Baltic to Urals: Essays on the Stone Age Archaeology. – Syktyvkar, 2014. – p. (ILLH Komi SC, UD, RAS).

This collection of articles is devoted to various aspects of the Stone Age archeology of Eastern Baltic, Karelia, the northern part of Russian Plain and the Cis-Ural. New archaeological materials and their analysis are published. The authors present some new challenging ideas, such as 1) the definition of the particular archaeological period (Late Mesolithic) for the eastern Baltic and 2) the hypothesis about the unity of Western European Paleolithic cave art and that of the Urals.

The publication is arranged to coincide with the 60th anniversary of Alexander V. Volokitin, who has contributed a lot to our understanding of the Angara River Paleolithic and the Mesolithic of northeastern Europe.

The studies are addressed to archaeologists, anthropologists, students and university lecturers as well as to amateurs of archaeology.

УДК 902/904“631/634”(470.1/.5)

ББК 63.4 (235)

Ответственный редактор
В.Н. Карманов (ИЯЛИ Кomi НЦ УрO РАН, Сыктывкар)

Рецензент:
П.Ю. Павлов (Коми НЦ УрO РАН, Сыктывкар)

Перевод на английский
К.В. Истомин (ИЯЛИ Кomi НЦ УрO РАН, Сыктывкар)

На обложке: Вид на археологический памятник Вылыс-Том 2, р. Ижма. Фото А.Волокитина

ISBN 978-5-906394-10-1

© ФГБУН Институт ЯЛИ
Коми НЦ УрO РАН, 2014
© Коллектив авторов, 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Статьи, включенные в настоящий сборник, посвящены различным аспектам археологии каменного века Балтии, Карелии, севера Русской равнины и Среднего Урала. Вводятся в научный оборот и анализируются многочисленные новые материалы.

Непременно обратит на себя внимание статья В.Н. Широкова о параллелях в пещерном искусстве Урала и Франко-Кантабрии. Автор отстаивает гипотезу о граветтийском единстве на огромной территории, глубоких культурных связях, выразившихся в сходстве изобразительной деятельности древних коллективов на значительном удалении друг от друга.

Неоднозначный, дискуссионный и поэтому интересный результат получен в ходе исследования творческого дуэта А. Крийска и Д.В. Герасимова. Авторы выделяют в археологической периодизации Восточной Балтики особый период – поздний мезолит. Это время характеризуется особенностями в расщеплении камня, системе расселения и жизнеобеспечения первобытного населения региона. Ими проработан корпус новейших источников, добывших, прежде всего, самими исследователями, получен репрезентативный массив радиоуглеродных датировок. Поэтому обсуждение результатов их исследования обещает быть интересным и плодотворным для археологии европейского мезолита.

Большая часть статей посвящена публикации источников. Это открытые и/или исследовавшиеся как А.В. Волокитиным памятники (Керос на Вычегде, Вылыс-Том 2 на Ижме, Огурдино в Прикамье), так и его коллегами в области изучения мезолита Русской равнины (Хетую 1, Петрозаводск 1 в Карелии, Фёдоровское в Костромском Поволжье, Эньты III на Вычегде). Особо следует остановиться на работе Э.С. Логиновой. Она вводит в научный оборот материалы компактного, но возможно по этой причине, очень показательного мезолитического комплекса Эньты III. Работа была написана в конце 1980-х гг., но оставалась в рукописи. В то же время этим источником оперировали претендующие на обобщения публикации (напр.: Археология Республики Коми. М., 1997. С. 115). Теперь это недоразумение устраняется.

Результаты удачных разведок публикует М.М. Шахнович. С осторожностью он заявляет об открытии писаницы на берегах оз. Пизанец (Западная Карелия) и совсем уверенно с группой соавторов впервые публикует материалы мезолитической стоянки Хетую I, где удалось обнаружить не только остатки жилища, но и уникальный для Карелии артефакт – косо-лезвийный наконечник стрелы из кварца.

Как всегда интересны оригинальные наблюдения Ю.Б. Серикова, который вводит в научный оборот материалы мезолитических мастерских по изготовлению рубящих орудий в Среднем Зауралье.

Возможно, возникнут определенные трудности с освоением массива информации, представленной А.Н. Сорокиным. Его работа – каталог костяных и роговых изделий стоянки и могильника Минино 2 (Подмосковье) – открывает публикацию, как стоит надеяться, полного свода этой интересной и пока еще редкой категории изделий. А трудности связаны с неразработанностью номенклатуры описания таких изделий, к тому же зачастую сохраняющих морфологию исходной кости или рога.

В своем исследовании М.Г. Жилин приходит к выводу о существенной роли рыболовства в экономике мезолитического населения Волго-Окского между-речья. По его словам оно было высоко развито, и «уже в раннем мезолите здесь были известны практически все способы рыбной ловли, применявшиеся населением внутренних районов лесной зоны Восточной Европы в каменном веке».

Проблемам установления культурной и хронологической атрибуции комплексов раннего неолита с геометрическими микролитами поселения Вёкса III (Верхняя Сухона) и торфяниковой стоянки Карваиха 4 (оз. Воже) посвящены статьи Н.Г. Недомолкиной и Н.В. Косоруковой. Об особенностях научных связей столичного ГИМа и региональных музеев Череповца и Вологды мы можем узнать из статьи Н.Б. Васильевой, публикующей переписку между А.Я. Брюсовым и директорами краеведческих музеев.

Статьи в этом сборнике приурочены к юбилею Александра Васильевича Волокитина – исследователя палеолита Ангары и мезолита северо-востока Европы. Родился юбиляр 24 апреля 1954 г. на станции Оловянная Читинской области, в 1971 г. окончил среднюю школу в г. Могоча Забайкальского края, в 1976 г. – Иркутский госуниверситет. А.В. Волокитин – яркий представитель иркутской школы археологии (Иркутск), впитавший все прелести музейной работы в Братском историко-краеведческом музее (Братск, 1976–1978 гг.), прошедший теоретическую «шлифовку» в аспирантуре при кафедре археологии ЛГУ (Ленинград, 1978–1981 гг.) и закаленный работой в отделах археологии Института ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН (Сыктывкар, 1984–1990 гг., с 1994 г.) и Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, 1990–1994 гг.). Насколько обширна география жизнедеятельности А.В. Волокитина, настолько обширна и география участников сборника. В нем представлены исследования по различным проблемам каменного века от восточного побережья Балтийского моря до Урала (Среднего Зауралья). К сожалению, не удалось «дойти» до родины юбиляра – Сибири, но впереди еще не один юбилей... Тематика статей сборника заранее не определялась и была отдана на усмотрение авторов. Получился он, как говорится «без затей», но очень информативный. И, несомненно, будет востребован специалистами.

B.H. Карманов

Айвар Крийска¹, Д.В. Герасимов²

¹ Университет Тарту, Эстония,

² МАЭ /Кунсткамера/ РАН, Санкт-Петербург

ПЕРИОД ПОЗДНЕГО МЕЗОЛИТА В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ: ФОРМИРОВАНИЕ БЕРЕГОВОГО РАССЕЛЕНИЯ ОТ РИЖСКОГО ЗАЛИВА ДО ВЫБОРГСКОГО

В статье рассматриваются известные к настоящему времени материалы по мезолиту Карельского перешейка, побережья и островов Эстонии и Ингерманландии, относящиеся ко времени после завершения анциловой трансгрессии Балтики и до распространения на этих территориях традиции производства керамики (VIII–сер. VI тыс. до н.э.). Приведён обзор результатов раскопок 22 археологических памятников, где были выявлены археологические комплексы, относящиеся к указанному периоду. Большинство работ было выполнено в последние два десятилетия, многие под руководством и при участии авторов. Приведено 39 радиоуглеродных дат из рассмотренных археологических контекстов.

На основании анализа каменной индустрии, системы расселения и жизнеобеспечения древнего населения в сравнении с более ранними материалами, относящимися ко времени первоначального заселения региона Восточной Балтики, приводятся собственно археологические основания для выделения позднего мезолита в отдельный археологический период для рассматриваемой территории.

Ключевые слова: Поздний мезолит, археологическая периодизация, Восточная Балтика, Эстония, Карельский перешеек, каменные индустрии, система расселения, приморская адаптация, система жизнеобеспечения.

Aivar Kriiska¹, D.V. Gerasimov²

¹ University of Tartu, Estonia

² Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) Russian Academy of Sciences,
Saint-Petersburg

LATE MESOLITHIC PERIOD IN THE EASTERN BALTIC: THE FORMATION OF THE COASTAL SETTLEMENT SYSTEM FROM THE RIGA BAY TILL THE VYBORG BAY

Available data on the Mesolithic of Karelian Isthmus, coastal and archipelago Estonia and Ingermanland, which relate to the period of time between the end of the Ancylus transgression of the Ancient Baltic Sea and spreading of pottery making tradition on this territory (8000–5500 cal BC), are considered in the article. A review of results of excavations on 22 sites, where archaeological contexts of the study period were revealed, is presented. Main part of those projects was conducted during the last two decades; many were leaded or participated by the authors. A list of 39 radiocarbon dates from the reviewed archaeological contexts.

Definition of the Late Mesolithic as a particular archaeological period for the territory of the study is suggested basing on analysis of stone industries, settlement system and

subsistence strategy of the ancient population, in comparison with the earlier archaeological materials from the time of the initial inhabiting of the region of the Eastern Baltic; so, basing on archaeological criteria itself.

Key words: *Late Mesolithic, archaeological periodisation, Eastern Baltic, Estonia, Karelian Isthmus, stone industries, settlement system, coastal adaptation, subsistence strategy*

Введение

В представленной работе рассматриваются имеющиеся на настоящее время основания для выделения позднего мезолита как отдельного периода в каменном веке восточной части Балтийского моря.

Территориальные рамки исследования ограничены Рижским и Выборгским заливами, и включают острова и побережье Эстонии, Ингерманландии, а также Карельский перешеек (рис. 1). Такой охват в некоторой мере субъективен, так как обусловлен общим ходом развития археологической науки на этих территориях. В то же время, изменения в материальной культуре этих регионов протекали синхронно, хоть и не всегда однона правлено. На ряде этапов каменного века (в раннем мезолите, в первой половине IX тыс. до н.э. и в неолите, в IV тыс. до н.э.) археологические материалы указанных территорий очень схожи, и позволяют предположить, что население их связывала устойчивая система социальных связей. В другие периоды материальная культура весьма различна в разных частях рассматриваемой территории, что, тем не менее, позволяет рассматривать её развитие в рамках общей периодизации.

Первые археологические свидетельства освоения человеком региона относятся ко времени распространения здесь бореальных лесов, совпадающим с трансгрессивной фазой Анцилового озера – древнего пресноводного водоёма, занимавшего котловину Балтийского моря в промежутке 9000–8300 лет до н.э. [Heinsalu, 2001, р. 220; Субетто и др., 2002, с. 75; 2003, с. 2; Wohlfarth et al., 2007, р. 1872]. После 8300 лет до н.э. Анциловое озеро находит сток через Датские проливы. В промежутке 7200–6800 лет до н.э. уровни Балтики и мирового океана выровнялись, наступила стадия Литоринового моря. Максимум трансгрессии Литоринового моря (литориновой трансгрессии) фиксируется в промежутке от 5600 до 4800 лет до н.э., после чего уровень моря постепенно понижался [Субетто и др., 2002, с. 81; Miettinen, 2002, р. 14; Sandgren et al., 2004; Rosentau et al., 2013, р. 914].

Выделение раннего и позднего периодов мезолита в восточной части Балтийского моря имеет длительную историографическую традицию. В начале 20-х гг. прошлого века Арне Михаэль Тальгрен выделил в раннем каменном веке Эстонии две культуры – костяную и каменную. Костяная культура, в свою очередь, была разделена им на два хронологических этапа, которые соответствовали фазам Анцилового и Литоринового моря в истории Балтики [Tallgren, 1922, S. 45]. Позднее исследователи [Indreko, 1940; 1948; Jaanits et al., 1982] так же выделяли анциловый и литориновый этапы мезолита (историю изучения смотри [Kriiska,

2006]), однако деление это проводилось по хронологической границе, соответствующей палеогеографическим изменениям, и не основывалось в достаточной степени на анализе археологических данных.

На Карельском перешейке единственным известным мезолитическим комплексом до 1970-х гг. оставался знаменитый памятник Антреа Корпилахти возрастом около 8500 лет до н.э. [Pälsi, 1920; Carpelan, 2008]. Комплекс памятника Разлив в южной части перешейка долгое время ошибочно атрибутировался периодом мезолита [Земляков, 1941; Гурина, 1961; ср.: Герасимов, 2000]. Представления о мезолите Карельского перешейка и Карелии [Гурина, 1961], основывались на работах финских исследователей, прежде всего на попытке систематизации мезолитических материалов Финляндии, предпринятой Вилле Лухо [Luho, 1956; 1967]. Накопленные материалы по мезолиту Финляндии и Карелии [Luho, 1956; 1967; Siiriainen, 1977; 1984; Панкрушев, 1978, т. 1] позволяли предполагать возможность выявления, помимо Антреа Корпилахти, значительного количества археологических комплексов мезолитического возраста на Карельском перешейке. Направленные усилия по поиску мезолитических комплексов были предприняты в конце XX в. В.И. Тимофеевым. Именно им были выявлены и исследовались первые известные на территории Карельского перешейка мезолитические комплексы, которые, в числе других, легли в основу настоящего исследования [Тимофеев, 2000; Тимофеев, Герасимов, 2003; Тимофеев и др., 2003].

Новые данные для обоснования выделения позднего мезолита в отдельный археологический период появились в 1990-х – начале 2000-х гг. после проведения интенсивных полевых исследований на островах и побережье Западной Эстонии и на Карельском перешейке, а так же археологических раскопок новых памятников раннего мезолита в Южной Финляндии и Северном Приладожье. Накопленный археологический материал позволил выявить значительные различия в каменной индустрии, системе расселения и жизнеобеспечения раннего и позднего мезолита. Это даёт возможность обосновать выделение позднего мезолита в археологической периодизации на собственно археологическом материале, отражающем изменения, происходившие в древних обществоах, а не на данных палеогеографии.

В настоящей статье предпринимается попытка на основании анализа материалов поселений и стоянок, случайных находок, фаунистических остатков, радиоуглеродных датировок и данных палеогеографии охарактеризовать главные системные изменения, отделяющие поздний мезолит восточной Балтики от раннего, и определяющие структурную целостность этого периода до появления керамики. Данная тема рассматривалась авторами и прежде [Герасимов, 2006; Герасимов и др., 2008б; Герасимов и др., 2010а; Крийска, 2008; Крийска, 2009; Kriiska, 2001b, 2002], однако общая сформулированная позиция публикуется впервые. Тема эта видится чрезвычайно интересной, и авторы надеются, что широкому кругу исследователей каменного века настоящая работа предоставит новые сведения и почву для размышлений.

Археологические источники

Число известных археологических памятников позднего мезолита за последние два десятилетия на порядок возросло на всей рассматриваемой территории. Значительное количество выявленных за последние годы памятников отнесено к позднему мезолиту на основании археологической типологии подъёмного материала и высотной хронологии, в некоторых случаях с использованием радиоуглеродного датирования. Анализ расположения и ландшафтной приуроченности таких памятников позволяет делать выводы о системе расселения древнего населения и о происходивших в ней с течением времени изменениях.

На территории Эстонии на сегодняшний день известно около 200 археологических памятников позднего мезолита, на Карельском перешейке – около 30, а в Ингерманландии лишь один, и несколько случайных находок, которые можно предположительно отнести к тому же периоду. Столь ощутимая разница между количеством известных памятников в Эстонии и на более восточных территориях связано не только со степенью археологической изученности. Значительная часть мезолитических памятников Эстонии расположена на удалении от морского побережья, у внутренних водоёмов, куда после завершения стадии Балтийского ледникового озера не достигали подъёмы уровня древней Балтики во время трансгрессивных фаз. Кроме того, в результате неравномерного изостатического поднятия Фенноскандии Северо-Запад Эстонии и Западноэстонский архипелаг поднимаются быстрее, чем юго-западная и восточная части Эстонии, Нарвско-Лужский регион, Ингерманландия и большая часть Карельского перешейка. Южное побережье Финляндии, где к настоящему времени выявлено достаточно много позднемезолитических памятников [Matiskainen, 1985; 1989], также находится в зоне более быстрого изостатического поднятия.

Участки с высокой скоростью изостатического поднятия опережали эвстатический подъём уровня мирового океана, на участках с более низкой скоростью поднятия прибрежные поселения и стоянки позднего мезолита оказались затоплены в ходе Литориновой трансгрессии [Герасимов и др., 2007б; Сапелко и др., 2008; Kriiska & Lõugas, 2009, р. 168]. Памятники позднего мезолита в восточной части Карельского перешейка перекрыты наносами Сайменского прорыва и Ладожской трансгрессии [Герасимов, 2006; Герасимов, Субетто, 2009].

Лишь на небольшом числе памятников (рис. 1) были проведены археологические раскопки, часто на достаточно ограниченных площадях.

Эстония

Наиболее масштабные раскопки проводились в **Кунда Ламмасмяги** на северо-востоке страны. Работы на памятнике были начаты в 1886 г. основоположником археологической науки в Эстонии Константином Каспаром Андреасом Грэвингком [Kriiska, 2006, р. 54]. В 1933–1937 гг. Рихард Индреко вскрыл более 1000 кв.м площади памятника [Indreko, 1936; 1948]. Позднее

памятник изучали в 1949 и 1961 гг. Лембит Янитс [Jaanits, L., 1965]; в 1981 г. Карел Янитс [Янитс, 1989]. Неоднократно исследовались геологические разрезы вблизи памятника, на основании полученных данных реконструированы древние природные обстановки [Orviku, 1948; Karukäpp et al., 1996; Moor & Moora, 1996; Moora, 1998]. Достаточно хорошая сохранность костей из раскопок на Кунда Ламмасмяги и в шлейфе культурного слоя в примыкающих к поселению озёрно-болотных отложениях позволила получить большую фаунистическую коллекцию и провести её анализ [Grewingk, 1882, S. 29–34; Паавер, 1965; Lõugas, 1996].

Стратиграфия памятника, археологический материал и радиоуглеродные даты по древесному углю и костям животных показывают, что Кунда Ламмасмяги является памятником многократного заселения, и культурный слой на нём перемешивался. Радиоуглеродные даты свидетельствуют, что поселение функционировало неоднократно в промежутке 8600–1900 лет до н.э. [Åkerlund et al., 1996, 266]. Среди археологических находок представлены фрагменты гребенчатой керамики, изделия из янтаря и другие артефакты, относящиеся к позднему каменному веку и позднейшим периодам. Коллекции, полученные со значительной площади, раскопанной в 1930-х гг., не позволяют полноценно охарактеризовать исследованный археологический контекст, так как лишь наиболее выразительные артефакты были сохранены. Стратиграфия раскопов, приведённая в документации, не совпадает для разных разрезов. Для уточнения характера культурного слоя и условий его залегания в 2013 г. под руководством Айвара Крийска и Кристиана Сандера были проведены новые работы на Кунда Ламмасмяги. Проведённые исследования показали, что насыщенность культурного слоя артефактами значительно выше, чем можно было судить по имеющимся коллекциям из раскопок прошлого столетия.

В результате работ было получено несколько тысяч находок из камня, кости и других материалов. Однако выделить из них позднемезолитический комплекс кроме как на основании типологии не представляется возможным. Радиоуглеродные даты, относящиеся к позднемезолитическому этапу функционирования поселения, соответствуют периоду 8200–6700 лет до н.э. (табл. 1).

Другим хорошо исследованным памятником, содержащим комплекс позднего мезолита, является **Нарва Йоаорг** в северо-восточной Эстонии на берегу реки Нарва. В 1954, 1957, 1960 и 1962–1964 гг. здесь проводил раскопки Л. Янитс, общая вскрытая площадь составила 448 кв.м. Памятник многослойный, содержит материалы от эпохи мезолита до эпохи викингов. На основе стратиграфических наблюдений Л. Янитс выделил, среди прочих, четыре слоя с материалами каменного века. Из них один, содержащий нарвскую, гребенчатую и шнуровую керамику, был отнесен к неолиту, а три нижележащих (I, II и III по Л. Янитсу) – к мезолиту [Jaanits et al., 1982, lk. 43–44].

Мезолитический комплекс без примеси позднейших материалов представлен в слоях II и III. Слой III залегает непосредственно на известняковом скальном основании и перекрыт наносами древней р. Нарва, свидетельствующими о

временном подъёме уровня воды. Согласно данным радиоуглеродного датирования, формирование слоя III произошло в промежутке 7040–5570 лет до н.э. (табл. 1). Культурный слой II, сформировавшийся поверх водных наносов, значительно более насыщен археологическим материалом, чем слой III. В нем представлены остатки кострищ, по углю из которых получены радиоуглеродные даты для периода 6630–5220 лет до н.э. (табл. 1). По-видимому, перекрытие датировок формирования культурных слоёв, разделённых прослойкой водных наносов, связано с сильными погрешностями, которые могли возникать в начале освоения метода радиоуглеродного датирования в Эстонии. Эти даты были получены среди первых 60 зарегистрированных дат Тартуской радиоуглеродной лаборатории [Ильвес и др., 1974], и имеют значительный интервал ошибки. Археологическая коллекция из слоёв II и III составляет около тысячи артефактов из камня, рога и кости [Jaanits et al., 1982, lk. 47–48].

В начале 90-х гг. ХХ в. начались активные исследования каменного века на островах и побережье Эстонии [Kriiska, 2001a; 2006], в ходе которых было обнаружено много новых памятников. Раскопки были проведены на мезолитических поселениях Выхма на о. Сааремаа и Кыпу на о. Хиiumaa.

Поселение **Выхма I** расположено в северо-западной части о-ва Сааремаа. Оно было обнаружено Велло Лыугасом в 1986 г. [Pesti & Rikas, 1991, lk. 12]. В 1997 г. под руководством А. Крийска здесь были проведены раскопки на площади 32 кв.м, выявлено как минимум пять углублённых в землю и заполненных камнями очагов. Коллекция каменного инвентаря составляет 1345 единиц [Kriiska, 1998, Kriiska, 2003, p. 21]. По углю из очагов получены радиоуглеродные даты, укладывающиеся в период 6010–5570 лет до н.э. (табл. 1). В то же время, среди археологических находок присутствуют материалы традиции шнуровой керамики, что свидетельствует о неоднократности функционирования поселения и гетерогенности археологического контекста

Памятники **Кыпу IV/V** на о. Хиiumaa были выявлены в 1994 г., и исследовались раскопками в 1995–1996 гг. под руководством А. Крийска [Kriiska, 1996]. В ходе работ выяснилось, что первоначально выделенные два местонахождения являются остатками одного поселения. Суммарная площадь раскопов на памятнике составила 50 кв.м. По углю из большого заполненного камнями очага были получены радиоуглеродные даты, показывающие возраст памятника около 5740–5480 лет до н.э. (табл. 1). Каменный инвентарь комплекса представлен приблизительно одной тысячей артефактов [Kriiska & Lõugas, 1999, p. 160].

Памятники каменного века вблизи Ягала исследуются под руководством А. Крийска с 2008 г. [Kriiska et al., 2009]. С памятника **Ягала Йыесуу II** собран представительный подъёмный материал (около 200 ед.), по фрагменту кальцинированной кости получена дата около 6590–6430 лет до н.э. (табл. 1). В 2013 г. раскоп площадью 6 кв.м. был заложен на памятнике **Ягала–Йоа IV**, по древесному углю из древнего очага получена дата около 7080–6780 лет до н.э. (табл. 1).

Первые мезолитические находки близ устья р. Пярну на юго-западе Эстонии были сделаны в устье р. Рейу, притока Пярну, в 1901 г. при добыче гравия со дна реки. В течение нескольких десятилетий здесь было собрано около 2000 предметов, в основном из кости и рога (рис. 3: 2-6, 8), а также одиночные каменные предметы и фрагменты керамики [Glück, 1906; Frank, 1906; Bliebernickt, 1924; 1930; Indreko, 1926; 1932a, Kriiska, 1997; 2006]. Среди находок присутствуют наконечники гарпунов, стрел, копий, крючки, шилья, пешни, тесла и топоры, предметы из рога с отверстием для насаживания на рукоять, муфты для каменных орудий (в том числе топоров) и многое другое. Хотя среди собранных материалов присутствовала и гребенчатая керамика, и ряд каменных изделий, на основании типологии датируемых эпохой неолита, подавляющую часть находок из кости и рога специалисты атрибутировали как мезолитические [Glück, 1906, S. 246; Tallgren, 1922, S. 48; Jaanits et al., 1982, lk. 42]. Радиоуглеродное датирование одной роговой скульптуры подтвердило справедливость такого заключения (табл. 1).

В начале 2000-х гг. начались новые исследования в устье р. Пярну, где в двух пунктах близ Синди-Лодья был выявлен культурный слой эпохи мезолита. В 2001–2003 гг. были проведены раскопки памятников под руководством А. Крийска. На **Синди-Лодья I** в общей сложности был исследован участок площадью 115 кв.м, на **Синди-Лодья II** в 2001 г. – 5 кв.м [Kriiska et al., 2002; 2003; Veski et al., 2005; Kriiska & Lõugas, 2009]. На обоих памятниках мезолитический культурный слой перекрыт морскими отложениями мощностью до 6 м; подъём воды был вызван литориновой трансгрессией. На основании радиоуглеродного датирования возраст памятников может быть определён в пределах 7580–6440 лет до н.э. (табл. 1). Коллекция, полученная с обоих памятников, состоит приблизительно из 500 артефактов. В основном это предметы из кремня (рис. 2), представлены также костяные и роговые изделия (рис. 3:7, 9).

В 1930 г. при прокладке канавы в д. **Сийвертси** близ устья р. Нарва (ныне южная окраина г. Нарва) на глубине 3,4 м был найден костяной наконечник стрелы и два костяных острия. На месте находки Рихардом Индреко были проведены раскопки, в ходе которых были выявлены остатки рыболовной сети – фрагменты сети из древесных волокон, грузило из песчаника и поплавок из сосновой коры. Так же при раскопках были найдены костяные наконечники стрел (рис. 3:1) и фрагмент лосиного рога со следами обработки [Indreko, 1932b]. Комплекс был интерпретирован как результат переворачивания лодки на воде (возможно, по аналогии со знаменитым комплексом Антреа Корпилахти [Pälsi, 1920], и хронологически отнесён ко времени регрессии Анцилового озера – начала Литориновой фазы [Indreko, 1937a, lk. 30; 1937b, lk. 5; 1948, S. 94]. Полученная недавно AMS методом радиоуглеродная дата свидетельствует, что комплекс может быть датирован в пределах 6200–6100 лет до н.э. (табл. 1), т.е. моложе, чем предполагалось ранее. Согласно предложенной недавно для Нарвско-Лужского междуречья диаграмме изменения береговых линий в раннем – среднем голоцене [Rosentau et al., 2013, Fig. 4–5], в указанный период

времени уровень моря был ниже, чем место находки. Вероятно, комплекс представляет собой шлейф культурного слоя позднемезолитического поселения, отложившийся в прибрежной части небольшого внутреннего водоёма. Во время максимума литориновой трансгрессии поселение и примыкающая к нему территория были затоплены.

Ингерманландия

Археологический памятник **Сюрье 1** был выявлен и исследовался в 2008–2009 гг. в рамках совместного научного проекта МАЭ РАН, ИИМК РАН и Университета Тарту. На памятнике была вскрыта площадь 10 кв. м., проведено комплексное изучение стратиграфического разреза [Герасимов и др., 2010б]. Артефакты происходят из литологического слоя, перекрытого водными отложениями. Анализ образцов из разреза диатомовым и комплексом геохимических методов позволяет предположить, что перекрывающий слой сформировался в пресноводных условиях. В то же время, согласно существующей модели изменения береговых линий для Нарвско-Лужского региона [Rosentau et al., 2013], участок, где расположен памятник, не затапливался после завершения анциловой трансгрессии. Комплекс типологически невыразительного кварцевого инвентаря ставит под сомнение атрибуцию его ранним мезолитом. Материалы, пригодные для радиоуглеродного датирования, в комплексе не выявлены.

Карельский перешеек

Многослойная стоянка **Проточное 4 (Kaukola-Rupunkangas 1a)** была выявлена работами совместной российско-финской экспедиции в 2004 г., в 2005 г. здесь было вскрыто 6 кв.м площади памятника [Mökkönen et al., 2007]. Общая мощность отложений, содержащих культурные остатки, превышает 1,5 м. В раскопе прослежено несколько искусственных земляных структур разного возраста, впущенных одна в другую. Разновременные культурные слои в значительной степени перемешаны. Полученные по древесному углю AMS даты охватывают значительный интервал времени: 8000–5480 лет до н.э. (табл. 1). Наиболее ранняя дата – 8000–7650 лет до н.э. получена по образцу из очага в основании заполнения древней ямы. Самая молодая дата 5570–5480 лет до н.э. относится к рубежу мезолита и неолита. Она происходит из середины заполнения древней ямы. Некоторые кварцевые артефакты на основании типологии могут быть отнесены к эпохе мезолита. Уверенно соотнести кварцевые находки с археологическим контекстом какого-то определённого хронологического периода не представляется возможным.

Памятник **Озёрное 3** был выявлен С.Н. Лисицыным и С.В. Бельским в 2003 г. В 2006 г. работами под руководством Д.В. Герасимова были проведены раскопки памятника на площади 130 кв.м [Герасимов и др., 2007а]. Выявлены культурные слои развитого неолита и позднего мезолита. Отобрана колонка образцов, исследованная комплексом естественнонаучных методов [Сапелко и др., 2008]. Культурный слой периода позднего мезолита частично перемыт и запечатан археологически стерильными отложениями литориновой трансгрессии. По образцам угля из очага, расчищенного в основании слоя, получены

хорошо согласующиеся между собой даты для периода 6450–6380 лет до н.э. (табл. 1). Каменный инвентарь комплекса позднего мезолита представлен 5366 единицами находок.

Стоянка **Силино (Muolaa Telkkala)** была открыта В.И. Тимофеевым в 1984 г., исследовалась работами российско-финской экспедиции в 2000–2001 гг. под руководством В.И. Тимофеева, Д.В. Герасимова и Ханну Такала. Вскрыта площадь 12 кв.м. Общая мощность толщи, вмещающей культурные слои, составила более двух метров. Колонка образцов из разреза изучена минералого-гранулометрическими методами [Тимофеев, 2000; Герасимов, Кулькова, 2003; Takala & Sirvio, 2003].

В основании пачки залегает культурный слой позднего мезолита. В нижней части слоя сохранились остатки очагов, расчищена кладка из небольших валунов и связанная с ней искусственная земляная структура. Верхняя часть слоя была перемыта во время максимума литориновой трансгрессии, благодаря чему устанавливается верхняя хронологическая граница формирования комплекса. Из вышележащего слоя с керамикой типа сперрингс по нагару с фрагментами керамики получена AMS дата 4800–4440 лет до н.э. (5830 ± 80 , Hela–554). К комплексу позднего мезолита Силино относится 599 предметов.

Памятник **Куркиёки 35** выявлен в 2001 г. в ходе российско-финского полевого семинара. В 2003 г. под руководством Д.В. Герасимова заложен шурф площадью 3 кв.м. Выявлены культурные слои эпохи раннего металла и позднего мезолита. Колонка образцов из разреза проанализирована комплексом минералого-геохимических методов [Герасимов, Кулькова, 2006; Герасимов, Субетто, 2009; Seitsonen & Gerasimov, 2008].

Культурный слой позднего мезолита на памятнике был перекрыт наносами сайменского прорыва. По углю из слоя получена ^{14}C дата 6840–6640 лет до н.э. (табл. 1). Комплекс позднего мезолита на памятнике представлен всего 62 предметами каменного инвентаря.

Памятник **Комсомольское 3 (Pyhajärvi Kunnianiem)** был выявлен и исследовался в 2005–2007 гг. под руководством Д.В. Герасимова совместно с О. Сейтсоненом и К. Нордквистом в ходе комплексного российско-финского проекта [Герасимов и др., 2008а; Герасимов, Субетто, 2009; Seitsonen et al., 2009]. В шурфах и траншеях общей площадью 45 кв.м вскрыты пачки отложений мощностью более двух метров, вмещающих культурные слои, полностью представляющие археологическую периодизацию Карельского перешейка от позднего мезолита до римского времени. Слой позднего мезолита выделяется стратиграфически под культурным слоем с керамикой сперрингс. По фрагментам кальцинированных костей из слоя получены AMS даты для временного интервала 6020–5870 лет до н.э. (табл. 1). Каменный инвентарь комплекса позднего мезолита представлен 408 единицами.

Многослойный памятник **Вещево 1** выявлен и исследовался в 2002 г. под руководством В.И. Тимофеева на площади 12 кв.м [Тимофеев, Герасимов, 2003; Герасимов и др., 2003].

Культурный слой позднего мезолита выявлен стратиграфически в основании пачки культуроммещающих отложений разного времени. Комплекс позднего мезолита связан с отдельным литологическим слоем, сформировавшимся в результате затопления участка древнего поселения во время максимума литориновой трансгрессии. По углю из вышележащего слоя с керамикой сперрингс получена радиоуглеродная дата 4800–4400 лет до н.э. (5770 ± 130 , Ле–6511). Колонка образцов из разреза изучена М.А. Кульковой комплексом минералого–геохимических методов [Герасимов, Субетто, 2009]. Археологический материал представлен всего четырьмя кварцевыми предметами.

Стоянка **Вещево 2 (Heinijoki Tarhoenranta)** открыта и исследовалась в 2000 г. и в 2003–2004 гг. совместной экспедицией ИИМК РАН (С.Н. Лисицын) и музея г. Лахти, Финляндия (Х. Такала). За два года работ небольшим раскопом площадью 24 кв.м была исследована часть стоянки, а так же было заложено пять шурфов для выявления границ распространения культурного слоя. Колонка образцов была изучена М.А. Кульковой комплексом геохимических методов. Судя по условиям залегания, культурный слой был перемыт и сильно перемешан во время сайменской, возможно, и литориновой трансгрессии [Герасимов и др., 2003, с. 22; Takala, 2004].

Всего было найдено около 2000 находок. Значительное количество артефактов из кремня, в том числе пластин и микропластин, в коллекции памятника дают основание предположить здесь присутствие мезолитического компонента. В то же время, трудно согласиться с высказанным мнением о возможном раннемезолитическом возрасте памятника, соответствующем времени анциловой трансгрессии [Takala, 2004, р. 156]. Участок мог быть заселён лишь ближе к концу анциловой регрессии, корреляция стратиграфии и геохимических показателей разрезов Вещево 2 и Вещево 1 свидетельствует о том, что существование мезолитических комплексов на обоих памятниках могло приходиться на близкие хронологические интервалы. Единственная для Вещево 2 ^{14}C дата по углю 4727–4595 лет до н.э. (5815 ± 50) [Takala, 2004, р. 156] соответствует времени бытования керамики типа сперрингс, фрагменты которой присутствуют в коллекции.

Изложенные данные позволяют говорить о наличии в коллекции Вещево 2 смешанных материалов раннего неолита и мезолита, возраст мезолитического компонента на основании типологии может быть определён лишь в весьма широких хронологических пределах.

Поселение **Большое Заветное 4 (Räisala Joksemajärvi W)** было выявлено в 1999 г. в ходе российско-финского полевого семинара [Lavento et al, 2001]. Значительная часть памятника уничтожена карьером. В 2002 г. совместной экспедицией ИИМК РАН, МАЭ РАН и Университета Хельсинки, Финляндия, на памятнике было вскрыто 51 кв.м его площади [Тимофеев и др., 2003; Halinen et al., 2008].

В пределах раскопа был изучен котлован жилища неолитического времени, впущенный в культурный слой, содержащий более ранние материалы. Были

также прослежены многочисленные искусственные структуры, часто наложенные одна на другую. Всего в процессе раскопок найдено более 8,5 тысяч артефактов и около 30 тысяч фрагментов кальцинированных костей. В материалах памятника представлены изделия, типологически относящиеся к разным хронологическим периодам, в том числе к мезолитическому.

Образцы из разрезов на памятнике были проанализированы М.А. Кульковой в отношении минерального состава и гранулометрии, а также комплексом методов геохимической индикации, что позволило реконструировать условия осадконакопления на памятнике [Герасимов, Кулькова, 2003].

С площади основного раскопа была получена серия ^{14}C дат по углю из разных участков слоя, в том числе дата 7050–6400 лет до н.э. (табл. 1), которая хорошо соответствует мезолитическому компоненту коллекции. Основной же массив дат относится к периодам позднего неолита – эпохи раннего металла (конец IV–III тыс. до н.э.), две самые молодые даты указывают на период раннего железного века и хорошо соответствуют подъёмному материалу текстильной керамики. В целом, представляется, чрезвычайно трудной задачей разделение массового материала на разновременные археологические комплексы. Заложенный на нижележащей террасе шурф площадью 2 кв.м, по всей видимости, позволил вскрыть непотревоженный участок памятника. Слой, в котором отсутствуют находки керамики, литологически отличается от вышележащего, в котором был найден развал сосуда типа сперрингс. Комплекс каменного инвентаря из шурфа, относящийся к периоду мезолита, крайне немногочислен, и представлен преимущественно кварцевым дебитажем. На контакте двух литологических слоёв, содержащих культурные остатки, выявлен черешковый наконечник на кремнёвой пластине.

Памятник **Рудаковское 1 (Räisala Kuusela)** был обнаружен в рамках совместного российско-финского проекта в 2004 г.; в 2005 г. на памятнике была заложена траншея размером 2 кв.м [Герасимов, 2006; Герасимов и др., 2006]. Немногочисленные находки представлены кварцевым дебитажем (10 шт.) и кальцинированными костями. По фрагменту кальцинированной кости из слоя получена радиоуглеродная дата 7050–6660 лет до н.э. (табл. 1).

Памятник **Синее 1 (Räisala Hiekka)** был обнаружен в 2004 г. в рамках совместного российско–финского проекта. В 2005 г. на памятнике была заложена траншея площадью 3 кв.м [Герасимов, 2006; Герасимов и др., 2006]. Выявлено скопление камней со следами пребывания в огне. Коллекция кварцевых изделий и продуктов расщепления включает 641 предмет. Две AMS даты, полученные по кальцинированным костям, соответствуют интервалу 5990–5620 лет до н.э. (табл. 1).

Памятник **Гусиное 6 (Pyhäjärvi Ristila 1)** был выявлен в рамках совместного российско-финского проекта в 2005 г., в 2006 г. на памятнике были заложены четыре шурфа и траншеи общей площадью 6 кв.м., выявлен мезолитический комплекс с радиоуглеродной датировкой 6060–5890 лет до н.э. (табл. 1) [Герасимов и др., 2007а].

Памятник **Озёрное 2** был найден в 2003 г. С.Н. Лисицыным и С.В. Бельским. В 2006 г. здесь был заложен раскоп площадью 100 кв.м [Герасимов и др., 2007б]. Археологические находки (всего 103 ед.) представлены исключительно каменным инвентарём. На основании типологии и береговой хронологии можно предположить позднемезолитический возраст комплекса.

Таким образом, на сегодняшний день в восточной части Балтийского моря раскопками исследовались комплексы позднего мезолита на 22 поселениях и местонахождениях: девять в Эстонии, одно в Ингерманландии и 12 на Карельском перешейке. При этом условно замкнутые комплексы (контексты, предположительно сформировавшиеся археологически единовременно и не имеющие в своём составе артефактов, связанных с другими, хронологически отдалёнными эпизодами заселения или посещения памятника) можно с достаточными основаниями выделить на 15 памятниках: Нарва Йоаорг, Выхма I, Кыпу IV/V, Синди-Лодья I, II, Сийвертси, Озёрное 3, Силино, Куркиёки 35, Комсомольское 3, Большое Заветное 4, Вещево 1, Рудаковское 1, Синее 1, Гусиное 6.

Практически все эти памятники исследовались в последние два десятилетия. Современная методика полевых исследований каменного века ориентирована на получение максимальной информации о мельчайших особенностях залегания археологического материала и вмещающих отложений. Это даёт возможность решать значительное количество исследовательских задач, однако позволяет вести раскопки на большой площади лишь с привлечением значительных сил и средств.

Большинство комплексов исследовались на весьма ограниченных площадях, опорные коллекции в большинстве случаев невелики по объёму, но получены из надёжно и подробно задокументированных контекстов, имеют детальную стратиграфическую и планиграфическую привязку, хорошо обеспечены абсолютными датировками, сопровождаются данными естественнонаучных анализов. В большинстве случаев, однако, эти материалы не могут представлять полный типологический и технологический контекст памятника – шанс вскрыть траншееи или небольшим раскопом несколько разных функциональных зон древнего поселения весьма невелик, а такие зоны, видимо, существуют даже на самых маленьких кратковременных стоянках.

Представляется, однако, что характеристика материальной культуры региона для определённого хронологического этапа, основанная на материалах нескольких исследованных небольшой площадью надёжно датированных комплексов, может быть не менее объективна, чем основанная на материалах одного поселения, детально исследованного на значительной площади.

Каменные индустрии позднего мезолита

На протяжении мезолитической эпохи развитие каменных индустрий на рассматриваемой территории демонстрирует как общие тенденции, так и локальные особенности.

Для раннемезолитических комплексов периода первоначального заселения Восточной Балтики характерно использование преимущественно импор-

тного высококачественного кремнёвого сырья. В материалах этого периода присутствует как меловой, так и карбоновый кремень, поступавший сюда за сотни километров от источников сырья [Zhilin, 1997; 2003; Takala, 2009; Jussila et al., 2007; 2012; Крийска, 2009]. Судя по составу надёжно датированных раннемезолитических комплексов, доминирование изделий из импортного кремня в материалах памятников Восточной Балтики продолжалось около двух столетий, после чего в каменной индустрии всё большее место начинает занимать местное сырьё – кремень из силурийских отложений в Эстонии и кварц на Карельском перешейке. Материалы мезолитических комплексов моложе середины IX тыс. до н.э. характеризует меньшая, по сравнению с памятниками начала мезолита, требовательность к качеству сырья. Процент изделий из импортного кремня незначительный, а в коллекциях памятников островов Западной Эстонии моложе 6000 лет до н.э. артефакты из импортного сырья отсутствуют [Kriiska, 2002, lk. 36].

На территории Эстонии в комплексах конца мезолита увеличивается доля кварца, который используется наряду с местным кремнем, а в некоторых местах становится единственным используемым сырьём. Кварцевое сырьё доминирует в материалах памятников, расположенных на морском побережье и на островах [Kriiska, 2002, lk. 36]. На поселениях, удалённых от побережья, доминирование в комплексе кварцевого сырья отмечено в единичных случаях [Kriiska & Kihno, 2006]. Следует отметить, что на побережье и островах Эстонии, в отличие от материковой части, нет выходов кремненосных известняков, и кремень встречается лишь в моренных отложениях.

Уверенно определить хронологию изменений в сырьевой стратегии древнего населения эстонского побережья пока ещё достаточно сложно. Кремнёвое сырьё доминирует в комплексах Синди-Лодья I и II, а также Ягала-Йоа IV, датируемых 7200–6700 годами до н.э. [Kriiska et al., 2002, p. 29, 33]. В материалах Нарва Йоаорг [Jaanits et al., 1982, lk. 47] и Ягала Йыесуу II преобладает уже кварцевый инвентарь. Таким образом, можно предположить, что эти изменения произошли около середины VII тыс. до н.э.

Так же в ряде мест отмечается узколокальное использование местных материалов. К примеру, на островах Западной Эстонии для изготовления мелких изделий использовался красный балтийский кварцевый порфир, происходящий из галечника, выпаханного ледником со дна нынешнего моря вблизи Аландских островов. Причём прослеживается постепенное увеличение доли изделий из порfirита от материалов памятников раннего этапа заселения островов к более поздним комплексам [Kriiska, 2002, lk. 38]. На Карельском перешейке, помимо кварца, широко использовался сланец, как местный, так и из Восточного Прионежья (рис. 4).

Уже в раннем мезолите на Карельском перешейке, а в конце мезолита на побережье и островах Эстонии основой каменной индустрии стало расщепление кварца в биполярной технике, которая доминирует и в неолите. Морфология характерных продуктов биполярного расщепления кварца определяла

форму основных категорий кварцевых орудий на протяжении всего каменного века. Поэтому диагностичными хронологическими характеристиками каменных индустрий мезолита–неолита рассматриваемой территории следует признать меньшую составляющую коллекций – продуктыплощадочного расщепления и артефакты из импортного сырья или из местного кремня в Эстонии.

Расщепление кремня производилось преимущественно вплощадочной технике, хотя использовалось и биполярное расщепление [Kriiska et al., 2011, apendiks II, Герасимов, 2006]. Площадочная техника применялась так же и для расщепления кварца, но в значительно меньшей степени, чем биполярная.

В мезолите Восточной Балтикиплощадочное расщепление кремня производилось преимущественно мягким отбойником, хотя использовался и жёсткий отбойник, и отжимная техника [напр.: Kriiska & Lõhmus, 2005, р. 35; Johanson & Kriiska, 2007, р. 145, 152]. Использование всех этих техник отмечено и для позднемезолитических комплексов, кроме островов Западной Эстонии, где не отмечены признаки использования техники отжима. В целом для кремнёвых артефактов, по сравнению с раннемезолитическими материалами, отмечается снижение доли пластин, микропластин и изделий из них. Увеличивается доля изделий на отщепах.

Тем не менее, техника получения пластин и микропластин несомненно существовала на рассматриваемой территории на протяжении трансгрессивной фазы Литоринового моря. Технологический контекст получения пластин из кремня представлен в материалах Озёрное 3, Силино и на всех памятниках позднего мезолита Эстонии (рис. 2:1–6). Очевидно, не была утрачена широко распространённая в раннем мезолите [Jussila et al, 2012] технология производства черешковых наконечников на пластинах, об этом свидетельствует находка из коллекции Большого Заветного 4 (рис. 2:7).

В комплексах позднего мезолита выделяются группы кварцевых биполярных пластинчатых сколов, часто с ретушью и/или следами использования по одному или двум краям. Формы некоторых нуклеусов позволяют предположить существование технологии намеренного получения пластинчатых биполярных сколов кварца.

В коллекциях уменьшается доля изделий из сырья, позволяющего осуществлять высокую степень контроля за расщеплением и получать крупные сколы. Можно отметить миниатюризацию инвентаря, в частности, появление миниатюрных скребков. Практически отсутствуют в комплексах морфологически выраженные формы орудий. Вторичной обработкой на биполярных сколах лишь формируются функциональный и иногда аккомодационный элементы.

В мезолитических комплексах Карельского перешейка, как ранних, так и поздних, отмечается присутствие специфических изделий, носящих в литературе название "навершия булав". Это шаровидныешлифованные предметы с биконическим отверстием, изготовленные в большинстве случаев из песчаника [Mattiskainen, 1989; Nunez, 1998; Halinen et al., 2008].

Наименование «булавы», вероятно, следует рассматривать только как формально–типологическое. Назначение их не установлено.

В целом для памятников позднего мезолита характерно увеличение количества шлифованных рубящих орудий. Предметы этой категории приобретают более выраженную морфологию, увеличивается относительная площадь поверхности, обработанной шлифовкой. На Карельском перешейке встречено значительное количество артефактов из так называемого онежского сланца (метатуфа), хотя есть изделия и из местного сланца. В Эстонии рубящие орудия изготавливали в основном из местных валунных пород, таких как гнейс, диабаз, порфирит и др. [Suuroja 1996, lk. 35; Kriiska 1996, p. 399]. Специфической формой, обычно датируемой мезолитическим возрастом, являются сланцевые топоры типа суомусярви, распространённые в Южной и Центральной Финляндии, встречающиеся и на территории Карельского перешейка [Mattiskainen, 1989; Nunez, 1998]. Один из наиболее ранних надёжно датированных предметов этого типа представлен в комплексе Антреа Корпилахти середины IX тыс. до н.э. (около 9200 л.н); подобные изделия встречаются и в материалах, датируемых временем максимума литориновой трансгрессии около 5000 лет до н.э. (6000 л.н) [Carpelan et al., 2008].

Изделия из кости и рога практически неизвестны в позднемезолитических комплексах Карельского перешейка. На территории Эстонии такие находки сделаны в основном вне археологического контекста, но некоторые происходят из раскопок (Нарва Йоаорг, Кунда Ламмасмяги, Синди-Лодья I). В отличие от раннемезолитических [David, 2005], специальные исследования по позднемезолитическим костяным индустриям не проводились. Поэтому на настоящий момент можно дать лишь общую морфологическую характеристику этих материалов. Костяные изделия на протяжении всего мезолита изготавливали из костей крупных млекопитающих, зачастую из трубчатых костей лося, но также из рёбер и лопаток. Если сравнить роговые и костяные изделия, найденные в Нарва Йоаору, Сийвертси и в нижнем течении реки Пярну, с раннемезолитическими материалами Пулли, можно отметить, что часть предметов (роговые тёсла и топоры, наконечники стрел и.т.д.) по форме очень близки раннемезолитическим изделиям. Так же присутствуют и формы, не встречающиеся в коллекциях раннего периода мезолита: костяные наконечники стрел с шипами, некоторые типы наконечников острог и рыболовных крючков [Jaanits et al., 1982, lk. 47–48]. Рыболовные крючки хорошо отшлифованы (рис. 3: 3–5). В верхней части черенка для закрепления лески (линя) сделаны вырезы, желобок или отверстие, а поверхность иногда украшена ямками и желобками. Присутствуют изящные наконечники стрел с одним или двумя шипами (рис. 3:1). Для острог из Нарва Йоаорг отмечаются значительные размеры и разрезенное расположение шипов.

В материалах позднего мезолита появляются изделия, которые можно предположительно связать с определёнными мировоззренческими представлениями. Это фигурки людей (рис. 3:6) и животных из рога и кости, найденные

в устье Пярну, и роговая скульптура змеи из Тырвала (Kriiska & Tvaari, 2002, p. 36; Jonuks, 2009, p. 89).

Система расселения

В раннем мезолите Восточной Балтики стоянки и поселения располагались исключительно вблизи внутренних водоёмов, удалённых от побережья Анцилового озера на несколько километров [Герасимов и др., 2010]. В позднем мезолите Эстонии появляются стоянки и на морском побережье, хотя продолжают существовать и поселения на внутренних водоёмах. Появившиеся в последнее время новые данные для реконструкции древних ландшафтов позволяют предположить, что более ранние поселения позднего мезолита, такие, как Синди–Лодья I, II и Нарва Йоарг, располагались не непосредственно на побережье, а вблизи устьев рек, в нескольких километрах от моря [Rosentau et al., 2011, Fig 8.7f; Rosentau et al., 2013, Fig. 7]. Поселения, расположенные непосредственно на морском побережье, датируются почти на тысячу лет позднее [Крийска, 2009, с. 33]. Одновременно с заселением побережья начинается и заселение морских островов. Позднемезолитические комплексы выявлены на о. Сааремаа и о. Хийумаа, кроме того, палинологические спектры разрезов болот на о. Сааремаа демонстрируют появление в это же время слабого антропогенного влияния [Poska & Saarse, 2001, p. 6].

На Карельском перешейке комплексы позднего мезолита непосредственно на побережье в настоящее время не выявлены. Все известные поселения связаны с берегами древних шхер, заливов, островов и системой Хейнийокского пролива, который до образования р. Невы связывал Ладожское озеро с Балтикой [Gerasimov, Davtian, 2005; Герасимов и др., 2006; Mökkönen et al., 2007; Nordqvist et al., 2009].

Система жизнеобеспечения и освоение морских ресурсов

Для восточной части Балтийского моря в позднем мезолите все большее значение в системе жизнеобеспечения приобретает специализированная охота на нерпу. Освоение популяций кольчатой нерпы акватории древней Балтики относится уже ко времени Иольдиевого моря. Тем не менее, в материалах памятников этой территории времени анциловой трансгрессии кости ластоногих практически не выявлены [Lõugas, 1997]. Наиболее ранняя AMS дата 7960–7700 лет до н.э. (8765 ± 65 , Hela–743) [Takala, 2004, fig. 159] по фрагменту кальцинированной кости ластоногого была получена с поселения раннего мезолита Вещево 10 (Heinijoki Valklambi 1) на Карельском. Возможно, к этому или даже более раннему времени относятся кости нерпы из раскопок Кунда Ламмасмяги в Эстонии. Такое предположение основано на анализе состава стабильных изотопов углерода и азота в кости, свидетельствующие, что особь обитала преимущественно в пресной воде [Lõugas et al., 1996, p. 414]. Поскольку, согласно современным палеогеографическим реконструкциям [KaguKäpp et al., 1996, p. 223] очень небольшое по размерам озеро у поселения Кунда Ламмасмяги было изолировано от балтийского водоёма ещё на стадии Балтийского

ледникового озера, существование здесь локальной популяции нерпы представляется маловероятным. Возможно, нерпа была добыта на побережье Анцилового озера, которое в конце регressiveйной фазы, соответствующей позднемезолитическому этапу функционирования поселения Кунда, находилось в нескольких километрах от памятника.

Наиболее ранними поселениями в Эстонии, ориентированными преимущественно на использование морских ресурсов, являются Синди–Лодья I и II, где кости тюленя составляют около 70% всех фаунистических остатков. Для времени литориновой трансгрессии кости ластоногих, и, прежде всего, кольчатой нерпы, присутствуют практически во всех комплексах региона восточной части Балтийского моря, составляя более 60% фаунистических коллекций [Siiriainen, 1982; Kriiska, 2000; Крийска, 2008; Seitsonen S., 2008]. В то же время, на поселении Нарва Йоаэрг процент костей тюленя в фаунистических остатках относительно невысок (рис. 5).

Обсуждение и итоги

На настоящий момент в пределах рассматриваемой территории известны сотни археологических памятников, которые на основании типологии находок и палеогеографических данных можно отнести к периоду мезолита. Однако надёжно датированные и обеспеченные данными естественнонаучных анализов комплексы, которые можно использовать как опорные для характеристики этого периода, выявлены лишь на небольшом числе памятников (чуть более десяти). Тем не менее, имеющиеся данные дают основание для выделения их в отдельный период, имеющий собственную структуру. Собранные материалы не позволяют пока датировать наступление качественных изменений в археологическом материале, в системе расселения и жизнеобеспечения древнего населения в достаточно узком интервале. По-видимому, они начали происходить в конце анциловой – начале литориновой стадии Балтики, в конце VIII тыс. до н.э.

Судя по археологическим материалам, в позднем мезолите Восточная Балтика сохраняет культурную специфику. В прибрежной части Эстонии и на Карельском перешейке сформировалась своеобразная система расселения. Заметно уменьшилось, по сравнению с началом мезолита, количество импортных изделий и изделий из импортного сырья. Каменная индустрия была ориентирована преимущественно на использование локального сырья, что в значительной степени повлияло на облик каменного инвентаря. Продолжали формироваться локальные культурные различия внутри региона, отчётливо проявившиеся позднее с распространением традиции изготовления глиняной посуды.

Результаты анализа фаунистических остатков и системы расселения свидетельствуют, что именно в позднем мезолите, во время Литоринового моря, складывается новая система жизнеобеспечения, основанная на комплексной эксплуатации лесных и морских ресурсов. Для побережья Эстонии и Карельского перешейка в позднем мезолите все большее значение в системе

жизнеобеспечения приобретает даже не столько эксплуатация морских ресурсов в целом, сколько специализированная охота на нерпу, которая стала к концу мезолита доминировать в системе жизнеобеспечения. Представляется, что именно с охотой на тюленя связаны изменения в системе расселения позднего мезолита.

На территории Эстонии происходило освоение морского побережья и островов. Памятники Карельского перешейка связаны с пресноводным Ладожским озером и Хейнийокским проливом. Здесь существовала своя многочисленная популяция нерпы, и система расселения позволяла промышлять нерпу и использовать лесные ресурсы в пределах примыкающих к поселению территории и акватории при полном достатке пресной воды.

В фаунистических материалах мезолитических комплексов выявлены лишь кости нерпы. Однако уже в комплексах с ранней керамикой присутствуют кости серого тюленя [Лõugas, 1997]. Оба вида в наше время мигрируют вдоль побережья Балтийского моря [Aul et al., 1957, lk. 268–269]. Охота на тюленей может производиться круглогодично, но наиболее эффективна она в конце зимы – начале весны, когда самки с детёнышами являются лёгкой добычей [Art, 1988, lk. 13; Tuomi–Nikula, 1982, s. 239].

Заселение морского побережья и островов, увеличение степени оседлости прибрежного населения и освоение им морских ресурсов наблюдается в это же время по археологическим данным по всему Балтийскому морю [Andersen, 1993, p. 66–67; Christensen, 1993, p. 21; Purhonen & Ruonavaara, 1994, p. 91; Larsson, 1997, p. 14; Asplund, 1997, s. 218].

Высокая продуктивность присваивающей экономики в условиях климатического оптимума голоцен и увеличение плотности населения, по всей видимости, способствовали формированию определенных промысловых территорий, находящихся под контролем отдельных коллективов, и увеличению степени оседлости. Происходила специализация отдельных коллективов на эксплуатации более узких экологических ниш. Вероятно, появление своего рода территориальных границ могло ослабить обменные связи, прежде пронизывавшие все пространство лесной полосы Восточной Европы. Именно этим может объясняться переориентация каменных индустрий на использование местного сырья, сокращение количества изделий из кремня в позднемезолитических комплексах, по сравнению с раннемезолитическими, и признаки стремления к максимальной утилизации сырья [напр. Гиря и др., 2013], включая биполярное расщепление остаточных кремнёвых нуклеусов.

Накопленные данные свидетельствуют, что мезолит Восточной Балтики имеет внутреннюю динамику и локальную специфику для разных частей рассматриваемой территории. По-видимому, понятия культура Кунда и Суюмусъярви применительно к рассматриваемым древностям можно использовать лишь в историографическом контексте.

Литература

Герасимов Д.В. Культурно-хронологическая атрибуция местонахождения Разлив на Карельском перешейке // ТАС. № 4. Т. 1 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь, 2000. С. 273–276.

Герасимов Д.В. Каменный век Карельского перешейка в материалах МАЭ /Кунсткамеры/ РАН // Свод археологических источников Кунсткамеры. 2006. Том 1. С. 109–188.

Герасимов Д.В., Кулькова М.А. Хронологическая атрибуция археологических комплексов многослойных памятников Силино и Большое Заветное 4 на Карельском перешейке по геохимическим данным // Неолит – энеолит юга и неолит севера Восточной Европы. СПб., 2003. С. 181–192.

Герасимов Д.В., Кулькова М.А. Опыт реконструкции взаимодействия человека и окружающей среды в каменном веке на материалах Северо-Западного Приладожья (по данным археологии, геохимии и палеогеографии) // Первобытная история и культура Европейского Севера. Проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки, 2006. С 321–336.

Герасимов Д.В., Субетто Д.А. История Ладожского озера в свете археологических данных // Известия РГПУ им. Герцена. 2009. № 106. С. 37–49.

Герасимов Д.В., Лисицын С.Н., Тимофеев В.И. Материалы к археологической карте Карельского перешейка. СПб., 2003. 68 с.

Герасимов Д.В., Лавенто М., Мекконен Т., Нордквист К., Путтонен С., Сейтсонен О., Халинен П. Археологические изыскания по каменному веку – эпохе раннего металла в северо-восточной части Карельского перешейка // Радловские чтения. СПб., 2006. С. 247–253.

Герасимов Д.В., Нордквист К., Сейтсонен О., Субетто Д.А. Комплексное изучение памятников каменного века в микрорегионе Отрадное на Карельском перешейке. Предварительные итоги и перспективы исследований // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 7. 2007а. С. 79–103.

Герасимов Д.В., Бельский С.В., Лисицын С.Н. Археологические памятники Хейнийокского пролива: исследования Карельского археологического отряда МАЭ РАН в 2006 г. // Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 г. Радловский сборник. СПб., 2007б. С. 176–183.

Герасимов Д.В., Сейтсонен О., Нордквист О. «Береговая хронология» и история Ладоги в свете результатов раскопок археологического комплекса Комсомольское 3 в 2007 г. // Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г. Радловский сборник. СПб., 2008а. С. 188–193.

Герасимов Д.В., Субетто Д.А., Бельский С.В. Культурные трансформации в контексте изменений окружающей среды на Карельском перешейке и в Северном Приладожье в голоцене // Хронология, периодизация и кросскультурные связи в каменном веке. Замятинский сборник. СПб., 2008б. Вып. 1. С. 165–173.

Герасимов Д. В., Крийска А., Лисицын С. Н. Освоение побережья Финского залива Балтийского моря в каменном веке // Материалы III Северного археологического конгресса. Екатеринбург – Ханты-Мансийск, 2010а. С. 28–52.

Герасимов Д.В., Лисицын С.Н., Кулькова М.А. Местонахождение Сюр 1 – свидетельство первичного заселения восточной оконечности Финского залива // Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г. Радловский сборник. СПб., 2010. С. 204–208.

Гиря Е.Ю., Герасимов Д.В., Фёдорова Д.Н. Экспериментально-трасологоческое исследование кремней, импортированных на территорию Карельского перешейка в каменном веке – эпоху раннего металла // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. № 3 (охранная археология). СПб.: Периферия, 2013. С. 233–248.

Гурина Н.Н. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР // МИА. № 87. М-Л., 1961.

Земляков Б.Ф. О древнейших следах человека в окрестностях Ленинграда // МИА. М., 1941. № 2. С. 158–168.

Илвес Э., Лийва А., Пуннинг Я. Радиоуглеродный метод и его применение в четвертичной геологии и археологии Эстонии. Таллин: Академия Наук Эстонской ССР, Институт зоологии и ботаники, Институт геологии, 1974.

Крийска А. Приморская адаптация и заселение Западно-Эстонских островов Балтийского моря в каменном веке // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций. СПб.: Наука, 2008. С. 98–118.

Крийска А. Мезолит Эстонии // ТАС. Вып. 7 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2009. С. 32–38.

Паавер К. Формирование териофауны и изменчивость млекопитающих Прибалтики в голоцене. Тарту: Академия Наук Эстонской ССР, 1965.

Панкрушев В.Г. Мезолит и неолит Карелии. Петрозаводск, 1978. Т.1–2.

Сапелко Т.В., Лудикова А.В., Кулькова М.А., Кузнецов Д.Д., Герасимов Д.В., Субетто Д.А. Реконструкция среды обитания человека на территории Карельского перешейка (по материалам исследования многослойного поселения Озерное 3) // Хронология, периодизация и кросскультурные связи в каменном веке. Замятниковский сборник. СПб., 2008. Вып.1. С. 149–164.

Субетто Д.А., Давыдова Н.Н., Сапелко Т.В., Вольфарт Б., Вастегорд С., Кузнецов Д.Д. Климат северо-запада России на рубеже плейстоцена и голоцена // Вестник АН. Серия географическая. 2003. № 5. С. 1–12.

Субетто Д.А., Севастьянов Д.В., Савельева Л.А., Арсланов Х.А. Донные отложения озер Ленинградской области как летопись Балтийских трансгрессий и регрессий // Вестник СПбГУ. 2002. Сер. 7. Вып. 4 (№ 31). С. 75–85.

Тимофеев В.И. Новые мезолитические находки с Карельского перешейка (Ленинградская область) // ТАС. Вып. 4. Т. 1 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь, 2000. С. 87–90.

Тимофеев В.И., Герасимов Д.В. Работы на памятниках каменного века – периода раннего металла в северной части Карельского перешейка (Ленинградская обл.) // АО. 2002. М., 2003. С. 63–64.

Тимофеев В.И., Герасимов Д.В., Лисицын С.Н., Халинен П., Лавенто М.
Исследования стоянок каменного века на озере Большое Заветное // АО. 2002.
М., 2003. С. 64–66.

Янитс К. Л. Кремневый инвентарь стоянок кундской культуры. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук (рукопись в Институте истории Университета Таллина). 1989.

Andersen S. H. Mesolithic coastal settlement // Digging into the Past. 25 Years of Archaeology in Denmark. Aarhus, 1993. Pp. 65–69.

Art E. Hülged ja hülgepüük. – Hülgepüük // Hülgepüugi meenutusi möödunud aegadest. Stockholm, 1988, Lk. 5–15.

Asplund H. Kemiön suurpitäjän esihistoria // Kemiön suurpitäjän historia, I. Tammisaari, 1997. S. 213–286.

Aul J., Ling H. & Paaver K. Eesti NSV imetajad. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus. 1957.

Åkerlund A., Regnell M., Possnert G. Stratigraphy and Chronology of the Lammasmägi Site at Kunda // Coastal Estonia. Recent Advances in Environmental and Cultural history. PACT, 51. Rixensart, 1996. Pp. 253–272.

Bliebericht E. G. Neue Funde aus dem Pernauflusse. Fundbericht von den J. 1920–1922 // Zeitschrift der Finnischen Altertumsgesellschaft, XXXIV/2. Helsinki, 1924. S. 3–19.

Bliebericht E. G. Beschreibung der auf den Tafeln abgebildet neolithischen Funde // Sitzungsberichte der Altertumforschenden Gesellschaft zu Pernau, 1926–1929. Pernau, 1930. Neunter Band. S. 139–148.

Bronk Ramsey C. OxCal (computer program). Version 4.2. The Manual (available at <http://c14.arch.ox.ac.uk/oxcal/OxCal.html>). 2013.

Carpelan C. On the history and recent studies of the "Antrea net find" // Iskos 16. 2008. Pp. 88–127.

Christensen C. Land and sea // Digging into the Past. 25 Years of Archaeology in Denmark. Aarhus, 1993. Pp. 20–23.

David E. Preliminary results of a recent technological study of the Early Mesolithic bone and antler industry of Estonia, with special emphasis on the site of Pulli // From Hooves to Horns, from Mollusc to Mammoth. Manufacture and Use of Bone Artefacts from Prehistoric Times to the Present. Proceedings of the 4th Meeting of the ICAZ Worked Bone Research Group at Tallinn, 26th–31th of August 2003. Muinasaja teadus, 15. Tallinn: Institute of History and University of Tartu, 2005. Pp. 67–74.

Frank H. Fundbericht über die am Zusammenflusse des Pernau- und Reideflusses am 30. Juni und 1. Juli 1905 durch die HH. Professor A. Rosenberg aus Dorpat, Konsul Fr. Rambach, Schlachthausdirektor E. Glück und Dr. H. Frank vorgenommen Ausgrabungen // Sitzungsberichte der Altertumforschenden Gesellschaft zu Pernau, 1903–1905. Pernau, 1906. Vierter Band. S. 319–323.

Gerasimov D.V., Davtian G. Analysis of Neolithic sites distribution in Karelian Isthmus (North-West Russia) using GIS // Temps et espaces de l'homme en societe. Antib, 2005. P. 423–430.

Glück E. Über neolithische Funde in der Pärnu und die Urbewohner der Pernau-Gegend // Sitzungsberichte der Altertumforschenden Gesellschaft zu Pernau. 1903–1905. Pernau, 1906. Vierter Band. S. 259–318.

Grewingk C. Geologie und Archaeologie des Mergellagers von Kunda in Estland. Archiv für die Naturkunde Liv-, Est- und Kurlands, I, IX:1. Dorpat. 1882.

Halinen P., Seitsonen O., Seitsonen S., Nordquist K. Excavations at the Juoksemajärvi Westend Stone Age dwelling site in 2002 // Karelian Isthmus – Stone Age studies in 1998–2003. Iskos 16. Helsinki, 2008. Pp. 235–265.

Heinsalu A. Diatom stratigraphy and the paleoenvironment of the Yoldia Sea in the Gulf of Finland, Baltic Sea // Annales Universitatis Turkuensis. Biologica–Geographica–Geologica. Turku, 2001.

Indreko R. Die Rambachsche Sammlung // Sitzungsberichte der Altertumforschenden Gesellschaft zu Pernau, VIII, 1914–1925. Pernau, 1926. S. 283–344.

Indreko R. Die Funde des Pärnu–Flusses aus der Sammlung von Dr. J. Pajo im Archäologischen Kabinet der Universität Tartu // Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1931. Tartu, 1932a. S. 283–314.

Indreko R. Kiviaja võrgujäänu leid Narvas // Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat, VII, 1931. Tartu, 1932b. Lk. 48–67.

Indreko R. Vorläufige bemerkungen über die Kunda-funde // Öpetatud Eesti Seltsi Aastaraamat 1934. Tartu, 1936. S. 225–298.

Indreko R. Eesti ürgaeg. Elav Teadus, 69. Tartu, 1937a.

Indreko R. Muinasagsest kalandusest Eestis. Kalanduskoja Toimetised, 2. Tallinn, 1937b.

Indreko R. Eesti muistsed elanikud. Tartu: Teaduslik kirjandus, 1940.

Indreko R. Die mittlere Steinzeit in Estland. Mit einer Übersicht über die Geologie des Kunda-Sees von K. Orviku. Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar, 66. Stockholm, 1948.

Jaanits L. Über die Ergebnisse der Steinzeitforschung in Sowjetestland // Finskt Museum, LXXII. Helsinki, 1965. S. 5–46.

Jaanits L., Laul S., Lõugas V., Tõnisson E. Eesti esiajalugu. Tallinn, 1982.

Johanson K. & Kriiska A. Archaeological research on Ihaste Mesolithic site // Archaeological fieldwork in Estonia 2006. Tallinn: Muinsuskaitseamet, 2007. Pp. 143–160.

Jonuks T. Eesti muinasusund. Dissertationes archæologiae Universitatis Tartuensis, 2. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2009.

Jonuks T. An antler object from the Pärnu River – an axe, a god or a decoy? // Man, his time, artefacts, and places. Collection of articles dedicated to Richard Indreko. Muinasaja teadus 19. Tartu: Institute of History and Archaeology, University of Tartu, 2013. Pp. 225–246.

Jussila T., Kriiska A. & Rostedt T. The mesolithic Settlement in NE Savo, Finland and the earliest Settlement in the Eastern Baltic Sea // Acta Archaeologica, 78:2, 2007. Pp. 143–62.

Jussila T., Kriiska A. & Rosedt T. Saarenoja 2 – An Early Mesolithic Site in South-Eastern Finland: Preliminary Results and Interpretations of Studies Conducted in 2000 and 2008–10 // *Fennoscandia Archaeologica*, XXIX, 2012. Pp. 3–27.

Karukäpp R., Moora T. & Pirrus R. Geological Events Determining the Stone Age Environment of Kunda // Coastal Estonia. Recent Advances in Environmental and Cultural History. PACT 51. Rixensart, 1996. Pp. 219–251.

Kriiska A. Archaeological studies on the Kõpu Peninsula // Proceedings of the Estonian Academy of Science. Humanities and social sciences. 4 (45). 1996. Pp. 398–409.

Kriiska A. Pärnu muinasuurijad ja muinasteadus // 100 aastat Pärnu Muinasuurijate Seltsi. Artiklite kogumik. Pärnumaa ajalugu. Vihik 1. Pärnu, 1997. Lk. 18–29.

Kriiska A. Mesoliitilised asustusjäljed Loode-Saaremaal // Ajalooline Ajakiri. 1 (100). 1998. Lk. 13–22.

Kriiska A. Settlements of coastal Estonia and maritime hunter-gatherer economy // *Lietuvos archeologija* 19. 2000. Pp. 153–166.

Kriiska A. Archaeological field work on Stone Age settlement site of SW Estonia // *Arheoloogilised välitööd Eestis* 2000. Tallinn, 2001a. Pp. 19–33.

Kriiska A. Stone Age Settlement and Economic Processes in the Estonian Coastal Area and Islands. Academic Dissertation. Helsinki. 2001b. <http://ethesis.helsinki.fi/julkaisut/kultt/vk/kriiska/>

Kriiska A. Lääne-Eesti saarte asutamine ja püsielanikkonna kujunemine // Keskus – tagamaa – ääreala. Uurimusi asustushierarhia ja võimukeskuste kujunemisest Eestis. Muinasaja teadus, 11. Tallinn – Tartu: Ajaloo Instituut, Tartu Ülikool, 2002. Lk. 29–60.

Kriiska A. Colonisation of the west Estonian archipelago // Mesolithic on the move. Papers presented at the sixth International Conference on the Mesolithic in Europe, Stockholm, 2000. Oxford: Oxbow Books, 2003. Pp. 20–28.

Kriiska A. Research into the Stone Age // Archaeological Research in Estonia 1865–2005. Tartu: Tartu University Press, 2006. Pp. 53–75.

Kriiska A. & Kihno K. The Stone Age Settlement Sites of Siksälä Kirikumägi and Hino // *Etnos ja kultuur. Uurimusi Silvia Laulu auks. Muinasaja teadus*. 18. Tartu, 2006. Pp. 37–52.

Kriiska A., Hertell E. & Manninen M. A. Stone Age Flint Technology in South-Western Estonia: Results from the Pärnu Bay Area // Mesolithic Interfaces: Variability in Lithic Technologies in Eastern Fennoscandia. Helsinki: The Archaeological Society of Finland, 2011. Pp. 64–93.

Kriiska A., Johanson K., Saluäär U. & Lõugas L. The results of research of Estonian Stone Age in 2002 // Archaeological Fieldwork in Estonia 2002. Tallinn: Muinsuskaitseamet, 2003. Pp. 25–41.

Kriiska A., Lõhmus M. Archaeological fieldwork on Kivisaare Stone Age burial ground and settlement site // Archaeological fieldwork in Estonia 2004. Tallinn: Muinsuskaitseamet, 2005. Pp. 31–43.

Kriiska A. & Lõugas L. Late Mesolithic and Early Neolithic Seasonal Settlement at Kõpu, Hiiumaa Island, Estonia // Environmental and Cultural History of the Eastern Baltic Region. PACT 57. Rixensart, 1999. Pp. 157–172.

Kriiska A. & Lõugas L. Stone Age settlement sites on an environmentally sensitive coastal area along the lower reaches of the River Pärnu (south-western Estonia), as indicators of changing settlement patterns, technologies and economies // Mesolithic Horizons. Oxford and Oakville: Oxbow Books, 2009. Pp. 167–175.

Kriiska A., Rappu M., Tasuja K., Plado J. & Šafranovski J. Archaeological research in Jägala // Archaeological Fieldwork in Estonia 2008. Tallinn: Muinsuskaitseamet, 2009. Pp. 36–52.

Kriiska A., Saluääär U., Lõugas L., Johanson K. & Hanni H. Archaeological excavations in Sindi-Lodja // Archeological fieldwork in Estonia 2001. Tallinn: Muinsuskaitseamet, 2002. Pp. 27–40.

Kriiska A. & Tvauri. Eesti muinasaeg. Tallinn. 2002.

Larsson L. Coastal Settlement during the Mesolithic and Neolithic Periods in the Southernmost Part of Sweden // The Built Environment of Coast Areas during the Stone Age. Gdańsk, 1997. Pp. 12–22.

Lavento M., Halinen P., Timofeev V.I., Gerasimov D.V., Saksa A.I. An Archaeological field survey of Stone Age and Early Metal period settlement at Kaukola (Sevastyanovo) and Raisala (Melnikovo) on Karelian Isthmus in 1999 // Fennoscandia Archaeologica. Vol. XVIII, 2001. Pp. 3–25/

Luho V. Die Askola–kultur // Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja 57:1. Helsinki. 1956.

Luho V. Die Suomusjärvi–kultur // Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja 66. Helsinki, 1967.

Lõugas L. Analyses of Animal Remains from the Excavations at the Lammasmägi Site, Kunda, Northeastern Estonia // Coastal Estonia. Recent Advances in Environmental and Cultural History. PACT 51. Rixensart, 1996. Pp. 273–291.

Lõugas L. Post-Glacial development of vertebrate fauna in Estonian water bodies. A palaeozoological study. Dissertationes Biologicae Universitatis Tartuensis, 32. Tartu: Tartu University Press. 1997.

Lõugas L., Lidén K. & Nelson D. E. Resource utilisation along the Estonian coast during the Stone Age // Coastal Estonia: Recent Advances in Environmental and Cultural History. PACT 51. Rixensart. Belgium. 1996. Pp. 399–420.

Mattiskainen H. The chronology of the Finnish Mesolithic // The Mesolithic in Europe III. 1985. Pp. 379–387.

Mattiskainen H. Studies in chronology, material culture and subsistence economy of the Finnish Mesolithic (10 000–6000 BP). Iskos 8. 1989.

Miettinen A. Relative sea level changes in the eastern part of the Gulf of Finland during the last 8000 years. Helsinki, 2002.

Moora T. Muistsete loodusolude osast kiviaja asustuse kujunemisel Kunda ümbruses // Loodus, inimene ja tehnoloogia. Interdistsiplinaarseid uurimusi arheoloogias. Muinasaja teadus, 5. Tallinn, 1998. Lk. 13–151.

Moora T. & Moora H. The Ridge of Hiiemägi as a Precondition for the Formation of the Ancient Lake Kunda // Coastal Estonia. Recent Advances in Environmental and Cultural History. PACT 51. Rixensart, 1996. Pp. 231–240.

Mökkönen T., Nordqvist K., Bel'skij S. The Rupunkangas 1a site in the archipelago of ancient lake Ladoga: a housepit with several rebuilding phases // Fennoscandia Archaeologica. Vol. XXIV. Helsinki, 2007. P. 3–28

Nordqvist K., Seitsonen O., Lavento M. Waterways and the Stone Age and Early Metal Period studies on the Karelian Isthmus – The Pre–World War II studies and the research carried out by the University of Helsinki in 1998–2006 // Quaternary International 203(1–2): 25–32, DOI 10.1016/j.quaint.2008.04.020. 2009.

Nunez M. Slates, the “plastics” of Stone Age Finland // Occasional papers in archaeology. Vol. 16. Third flint alternatives conference at Uppsala. 1998. P. 105–124.

Orviku K. Über die Geologie des Kunda-Sees // Indreko, R. 1948. Die mittlere Steinzeit in Estland. Mit einer Übersicht über die Geologie des Kunda-Sees von K. Orviku. Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar, 66. Stockholm, 1948.

Pesti O., Rikas K. Saaremaa ajaloo- ja kultuurimälestised. Kaitstavad mälestised. 2. parandatud ja täiendatud trükk. Tallinn, 1991.

Poska A. & Saarse L. Vegetation development and introduction of agriculture to Saaremaa Island, Estonia: the human response to shore displacement // Poska, A. Human Impact on Vegetation of Coastal Estonia during the Stone Age. Comprehensive Summaries of Uppsala Dissertations from the Faculty of Science and Technology, 652. Acta Universitatis Upsaliensis. Uppsala, 2001.

Purhonen P. & Ruonavaara On subsistence economy at the prehistoric dwelling-site area of Jönsas in Vantaa, Southern Finland // Feno-ugri et slavi 1992. Prehistoric economy and means of livelihood. Papers presented by the participants in the Finnish-Russian archaeological Symposium “Pre-historic economy and means of livelihood”, 11–15 May 1992 in the National Museum of Finland. Museovirasto arkeologian osasto julkaisu, 5, 1994. Pp. 88–97.

Pälsi S. Ein steinzeitlicher Moorfund bei Korpilahti im Kirchspiel Antrea, Län Viborg // SMYA, Bd. 1920. XXVIII, 2

Reimer P. J., Bard E., Bayliss A., Beck J. W., Blackwell P. G., Bronk Ramsey, C., Grootes P. M., Guilderson T. P., Haflidason H., Hajdas I., Hatte C., Heaton T. J., Hoffmann D. L., Hogg A. G., Hughen K. A., Kaiser K. F., Kromer B., Manning S. W., Niu M., Reimer R. W., Richards D. A., Scott E. M., Southon J. R., Staff R. A., Turney C. S. M., & van der Plicht J. IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years cal BP // Radiocarbon, 55(4), 2013. Pp. 1111–1150.

Rosentau A., Muru M., Kriiska A., Subetto D., Vassiljev J., Hang T., Gerasimov D., Nordqvist K., Ludikova A., Lõugas L., Raig H., Kihno K.,

Aunap R. & Letyka Nikolay. Stone Age settlement and Holocene shore displacement in the Narva-Luga Klint Bay area, eastern Gulf of Finland // *Boreas*. 42 (4). 2013. Pp. 912–931.

Rosentau A., Veski S., Kriiska A., Aunap R., Vassiljev J., Saarse L., Hang T., Heinsalu A., Oja T. Palaeogeographic model for the SW Estonian coastal zone of the Baltic Sea. Harff J.; Björck S.; Hoth P. (eds.). *The Baltic Sea Basin*. Springer, 2011. Pp. 165–188.

Sandgren P., Subetto D.A., Berglund B.E., Davydova N.N., Savelieva L.A. Mid-Holocene Littorina Sea transgressions based on stratigraphic studies in coastal lakes of NW Russia // *GFF*. Vol. 126. 2004. Pp. 363–380

Seitsonen O., Gerasimov D.V. Archaeological research in the Kurkijoki area in 2001 and 2003: a preliminary study of the Stone Age settlement patterns in southern Ladoga Karelia – Karelian Isthmus. *Stone Age studies in 1998–2003* // *Iskos*. 16. Helsinki, 2008. Pp. 164–184.

Seitsonen O., Nordqvist K., Gerasimov D. Recent archaeological research in Lake Pyhäjärvi microregion, Karelian Isthmus, Russia: The multiperiod site of Pyhäjärvi Kunnianniemi and new Early Combed Ware period finds // *Fennoscandia Archaeologica* XVI. 2009. Pp. 163–171.

Seitsonen S. Osteological material from the Stone Age and Early Metal Period sites in Karelian Isthmus and Ladoga Karelia // *Iskos*. 16. 2008. Pp. 266–283.

Siiriainen A. Problems of the East Fennoscandian Mesolithic // *Finskt Museum*. N 84. 1977. Pp. 5–23.

Siiriainen A. Archaeology and shoreline displacement in Finland // *Studies in Baltic shorelines and sediments indicating sea level changes. Annales Academiae Scientiarum Fennicae, Ser. A III*. N 134. 1982.

Siiriainen A. The Mesolithic in Finland; a survey in recent investigations // *Advances in Palaeolithic and Mesolithic archaeology. Archaeologica Interregionalis*. 1984. Vol. 5. Pp. 173–191.

Sommer R. S., Benecke N., Lõugas L., Nelle O. & Schmölke U. Holocene survival of the wild horse in Europe: a matter of open landscape? // *Journal of Quaternary Science*, 26(8), Pp. 805–82.

Suuroja T. Eesti põhjaranniku mesoliitiliste ja neoliitiliste asulakohtade kiviaines // *Eesti arheoloogia teated*, 1. Stilus, 6. Tallinn: Eesti Arheoloogiaselts, 1996. Lk. 30–36.

Takala H. The Ristola site in Lahti and the Earliest Postglacial Settlement of South Finland. Jyväskylä: Lahti City Museum, 2004.

Takala H. The flint collection from the Ristola site in Lahti and the cultural contacts of the earliest Postglacial settlement of southern Finland // *Mesolithic Horizons. Papers presented at the Seventh International Conference on the Mesolithic in Europe*, Belfast 2005. Oxford: Oxbow Books, 2009. Pp. 31–37.

Takala H., Sirviö T. Telkkälä, Muolaa – a multi-period dwelling site on the Karelian Isthmus // *Fennoscandia archaeological*. XX. 2003. Pp. 55–77.

Tallgren A. M. Zur Archäologie Eestis, I. Vom anfang der Besiedlung bis etwa 500 n. Chr. – Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis), III: 6. Dorpat, 1922.

Tuomi-Nikula O. Keskipohjalaisen kalastajan vuosi. Keski-Pohjamaan suomenkielisen rannikon ammattimaisen kalastuksen ja hylkeepyyynnin muuttuminen 1800-ja 1900-luvulla. Kansatieteellinen arkisto, 32, Helsinki, 1982.

Veski S., Heinsalu A., Klassen V., Kriiska A., Lõugas L., Poska A. & Saluääär U. Early Holocene coastal settlements and palaeoenvironment on the shore of the Baltic Sea at Pärnu, southwestern Estonia // Quaternary International, 130, 2005. Pp. 75–85.

Wohlfarth B., Lacourse T., Bennike O., Subetto D., Tarasov P., Demidov I., Filimonova L., Sapelko T. Climatic and environmental changes in north-western Russia between 15,000 and 8000 cal yr BP: a review // Quaternary Science Reviews 26. 2007. Pp. 1871–1883.

Zhilin M. G. Flint raw material from the Upper Volga basin and its use in the Final Palaeolithic-Neolithic. Man and Flint. Proceedings of the VIIth International Flint Symposium Warszawa – Ostrowiec Świętokrzyski September 1995. (Eds. Schild, R. And Sulgostowska, Z.), Warszawa: Institute of Archaeology and Ethnology Polish Academy of Sciences, 1997. Pp. 331–333.

Zhilin M. G. Early Mesolithic communication networks in the East European forest zone // Mesolithic on the move. Papers presented at the Sixth International Conference on the Mesolithic in Europe, Stockholm 2000. Oxford: Oxbow Books: 2003. Pp. 688–693.

Таблица 1

Радиоуглеродные датировки из надёжных археологических контекстов побережья
Восточной Балтики, соответствующие интервалу 7500–5500 лет до н.э.

<u>Поселение/место находки</u>	возраст 14C	Калибранный календарный возраст, лет до н.э., с вероятностью 95,4% ($\delta\delta$)	Номер лаборатории	Материал	Публикация
Кунда Ламмасмяги	8340–280	8196-6646	TA-14	древесный уголь	Илвес и др., 1974
Кунда Ламмасмяги	8260–90	7501-7075	Ua-3000	лосиный рог	Ikrlund et al. 1996
Кунда Ламмасмяги	8040–75	7179-6693	Ua-3052	лосиный рог	Ikrlund et al. 1996
Кунда Ламмасмяги	7385–35	6381-6106	KIA-35735	кость дикой лошади	Sommer et al. 2011
Нарва Йоаорг (III слой)	7640–180	7037-6107	TA-53	древесный уголь	Илвес и др., 1974
Нарва Йоаорг (III слой)	7580–300	7292-5881	TA-25	древесный уголь	Илвес и др., 1974
Нарва Йоаорг (III слой)	7090–230	6429-5574	TA-41	древесный уголь	Илвес и др., 1974
Нарва Йоаорг (II слой)	7375–190	6628-5886	TA-52	древесный уголь	Илвес и др., 1974
Нарва Йоаорг (II слой)	6740–250	6207-5215	TA-40	древесный уголь	Илвес и др., 1974
Выхма I	6950–100	6010-5664	Ta-2659	древесный уголь	Kriiska 1998
Выхма I	6750–50	5732-5565	Ta-2646	древесный уголь	Kriiska 1998
Кыпту IV/V	6757–50	5735-5567	Tln-2016	древесный уголь	Kriiska 1996
Кыпту IV/V	6640–60	5657-5482	Ta-2533	древесный уголь	Kriiska 1996
Ягала Йыесуу II	7635–50	6592-6425	Hela-1908	кость животного	Kriiska et al. 2009
Ягала Йоа IV	8030–40	7076-6780	Poz-46731	древесный уголь	эта публикация
Случайная находка из реки Пярну у Синди-Лодья	7040–40	6006-5842	Beta-286994	фигурка из рога	Jonuks 2013
Синди-Лодья I	8250–150	7584-6828	Ta-2787	древесный уголь	Kriiska et al. 2002
Синди-Лодья I	8070–70	7297-6711	Ua-17013	древесный уголь	Kriiska 2001a
Синди-Лодья I	7780–100	7027-6442	Ta-2826	древесина	Veski et al. 2005
Синди-Лодья II	8035–80	7185-6680	Ta-2769	древесина	Kriiska et al. 2002
Сийвертси	7280–40	6226- 6063	Beta-312385	лосиный рог	Rosentau et al. 2013
Проточное 4	8130–65	7350-6830	Hela-1197	древесный уголь	Mokkonen et al., 2007
Проточное 4	6595–55	5630-5470	Hela-1195	древесный уголь	Mokkonen et al., 2007
Проточное 4	7550–75	6570-6230	Hela-1196	древесный уголь	Mokkonen et al., 2007
Озёрное 3	7680–50	6630-6440	Le-7540	древесный уголь	Сапелко и др., 2008
Озёрное 3	7220–50	6220-6010	Le-7539	древесный уголь	Сапелко и др., 2008
Озёрное 3	7580–50	6570-6270	Le-7538	древесный уголь	Сапелко и др., 2008
Озёрное 3	7640–50	6600-6420	Le-7541	древесный уголь	Сапелко и др., 2008
Силино 1	6815–80	5890-5560	Hela-525	древесный уголь	Takala, Sirvio, 2003
Силино 1	6860–75	5970-5620	Hela-526	древесный уголь	Takala, Sirvio, 2003
Силино 1	6975–80	6010-5720	Hela-524	древесный уголь	Takala, Sirvio, 2003
Куркиёки 35	7900–80	7050-6600	Le-6929	древесный уголь	Герасимов, Кулькова , 2003
Комсомольское 3	7195–45	6210-5980	Hela-1842	кальцинированная кость	Seitsonen et al., 2012
Комсомольское 3	7025–45	6010-5800	Hela-1843	кальцинированная кость	Seitsonen et al., 2012
Комсомольское 3	7077–49	6050-5840	Hela-2048	кальцинированная кость	Seitsonen et al., 2012
Большое Заветное 4	7750–180	7080-6240	Le-6556	древесный уголь	Герасимов и др., 2003
Рудаковское 1	7945–60	7050-6660	Hela-1175	кальцинированная кость	Seitsonen et al., 2012
Синее 1	6840–60	5870-5620	Hela-1163	кальцинированная кость	Seitsonen et al., 2012
Синее 1	6950–60	5990-5720	Hela-1256	кальцинированная кость	Seitsonen et al., 2012

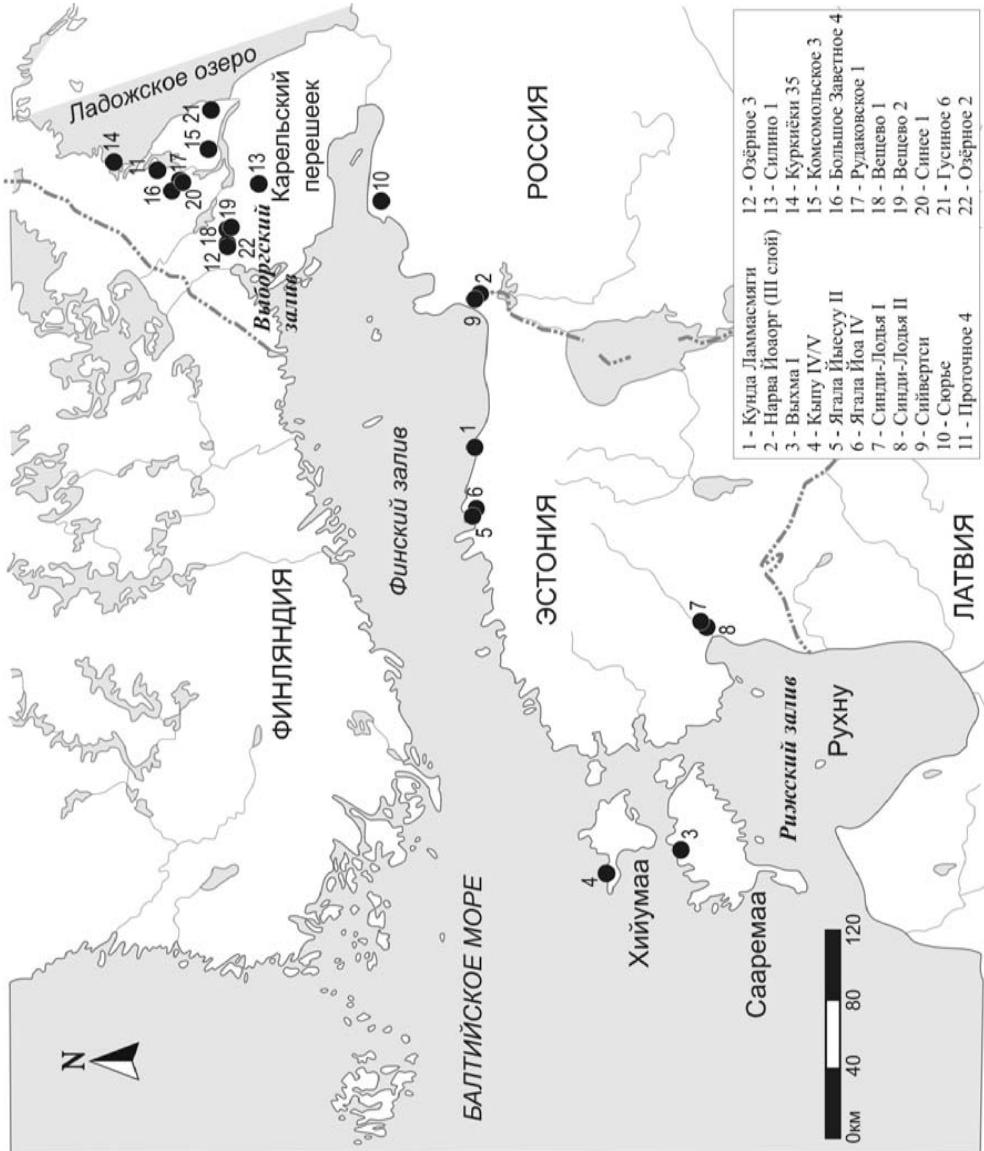

Рис. 1. Карта археологических памятников позднего мезолита восточной части Балтийского моря, изучавшихся раскопками.

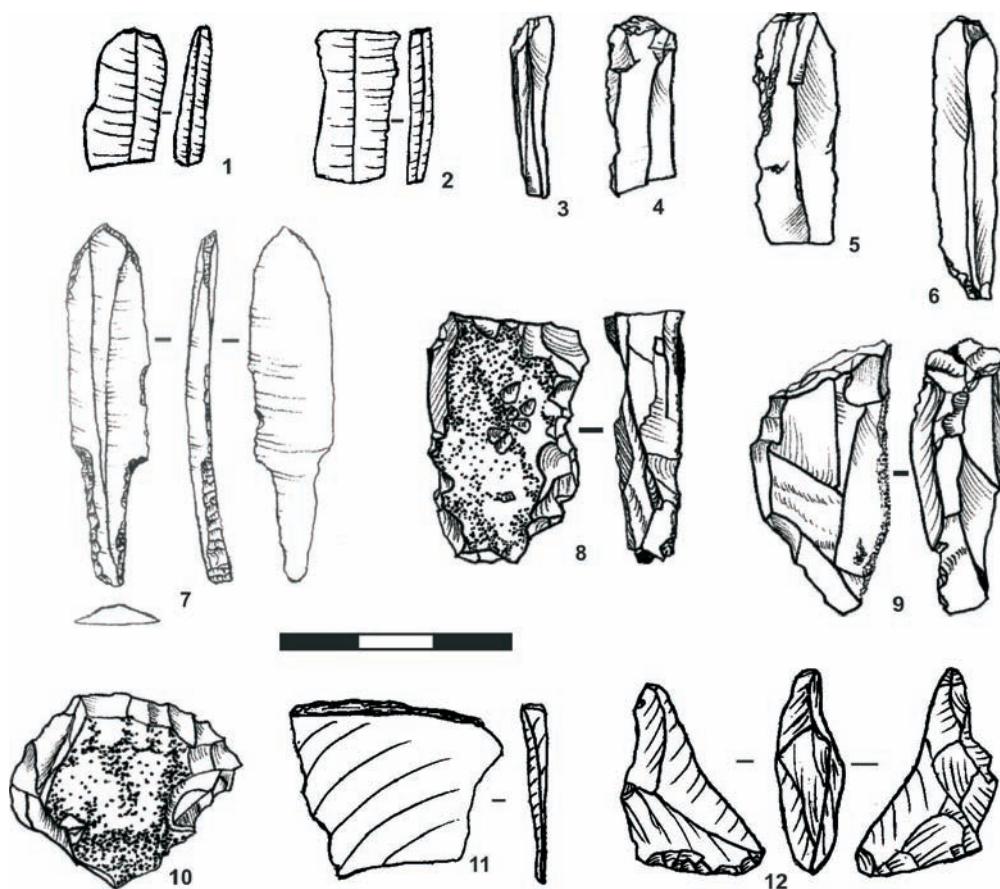

Рис. 2. Пластины и кремнёвые артефакты из позднемезолитических комплексов:

1-6 – пластины; 7 – черешковый наконечник на пластине;

8-9 – нуклеусы; 10-11 – скребки; 12 – фрагмент бифасиального изделия.

1 – кварцит; 2-12 – кремень. 1-2, 11-12 – Силино; 3-6, 8-10 – Синди-Лодья II (Музей Пярну, колл. 15261 / А 2554:8, 22, 80, 45, 24, 89, 85); 7 – Большое Заветное 4 (рис. О. Сейтсонена).

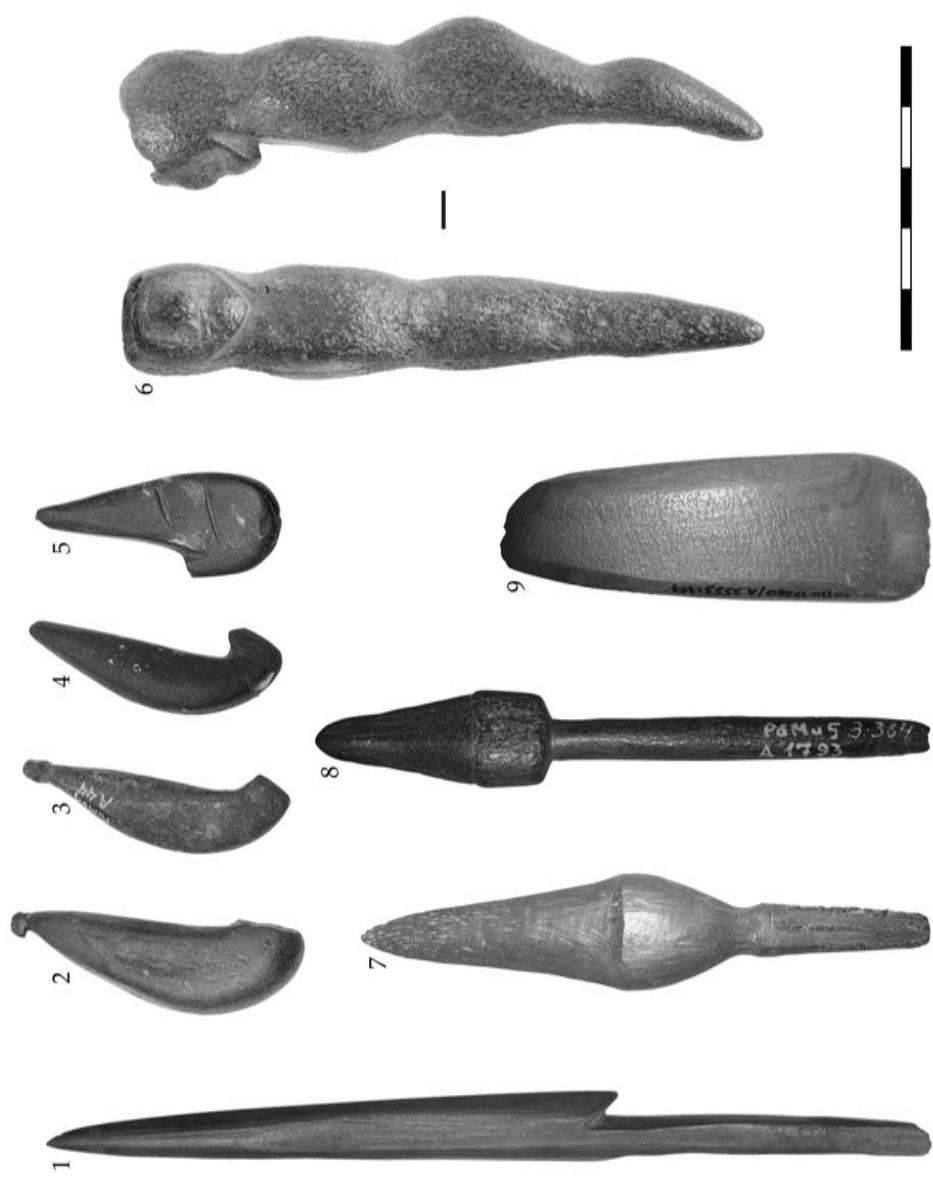

Рис. 3. Костяные и роговые изделия из комплексов позднего мезолита Эстонии: 1, 7–8 – наконечники стрел; 2–5 – рыболовные крючки; 6 – антропоморфная фигура; 9 – золото; 1 – золото; 1 – Сийверти (AI 2279:9); 2–6, 8 – случайные находки в нижнем течении р. Пярну, (PäMu 1/A 46, 44, 42; 6 /A2165; 5 / A 1793; A 2553: 107; A 501); 7, 9 – СиндиЛодья I (PäMu 15260 / A 2553: 292, 107).

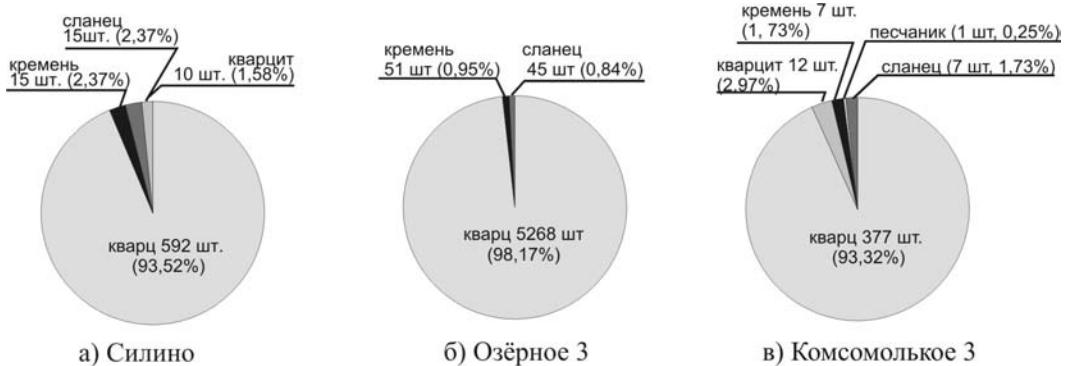

Рис. 4. Сырьевой состав комплексов позднего мезолита Карельского перешейка.

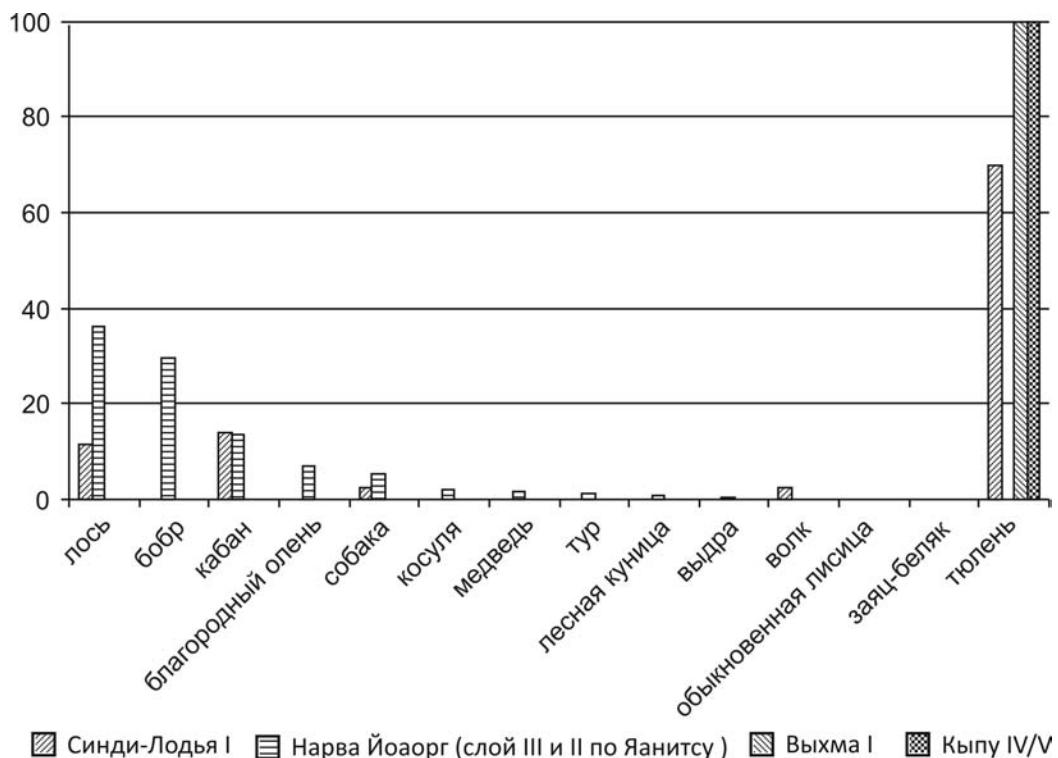

Рис. 5. Видовой состав фаунистических коллекций из позднемезолитических комплексов Эстонии.

М.М. Шахнович¹, Х. Такала², А. Малинен³, А.Ю. Тарасов⁴

¹ Национальный музей Республики Карелия, Петрозаводск

² Музей Лахти, Лахти, Финляндия

³ Оулу, Финляндия

⁴ Институт истории, языка и литературы КарНЦ РАН, Петрозаводск

СТОЯНКА ХЕТУОЯ I – НОВЫЙ МЕЗОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК В СЕВЕРНОМ ПРИЛАДОЖЬЕ

В 2008–2012 гг. российско-финляндской экспедицией проводились работы по поиску памятников раннего мезолита в Северном Приладожье. В статье рассматриваются итоги разведочных работ и результаты раскопок в 2012 г. первой раннемезолитической стоянки в этой части Карелии – Хетуюя I.

Ключевые слова: Ранний мезолит Карелии, Анциловая трансгрессия, Северное Приладожье, каменная индустрия.

M. Shakhnovitch¹, X. Takala², A. Malinen³, A. Tarasov⁴

¹ National Museum of the Republic of Karelia, Petrozavodsk

² Museum of Lahti, Lahti, Finland

³ Oulu, Finland

³ Karelian Scientific Centre, Rus. Acad. of Sci., Petrozavodsk

THE NEW MESOLITHIC SITE HETTYÖÄ (KHETUOIA) TO THE NORTH OF LAKE LADOGA

In 2008-2012, a joint Russian – Finnish expedition searched for early Mesolithic sites to the north of Lake Ladoga. This article describes the results of this search and particularly the results of the excavation of the Khetuoia site, the first Early Mesolithic campsite ever found in this region of Karelia. The excavations were performed in 2012.

Keywords: Early Mesolithic of Karelia, Transgression of the Ancylus lake, North Ladoga region, stone industry

За последние десять лет наблюдается увеличение количества исследований ранних послеледниковых поселений в Южной Финляндии, на Карельском перешейке и в Карелии. Изучение древних послеледниковых стоянок и контактов их обитателей началось еще в 1960-х гг. и с тех пор предлагались сильно различающиеся мнения о характере самых первых поселений на территории Карелии и Финляндии, и регионов из которых происходили первые волны миграций [Жилин, 2002; Шахнович, 2007; Takala, 2012].

В 2007 году музей города Лахти и Карельский государственный краеведческий музей начали совместный археологический проект на территории северной части Приладожской Карелии для поиска и изучения древнейших поселений послеледникового периода этого региона. В работах участвовали

коллеги из Института археологии РАН, а экспедиции 2011 и 2012 гг. проведены совместно с ПетрГУ и Университетом г. Турку (Финляндия). Координаторами проекта были доцент Хану Такала (г. Лахти) и М.М. Шахнович (Петрозаводск). Стратегию разведочных работ разрабатывал Анssi Малинен. Финансиование осуществляли музей г. Лахти, Фонд культуры Финляндии и Карельский фонд культуры.

Полевые изыскания продолжались с 2008 по 2012 гг. Первые три года были посвящены мониторингу территории и археологической разведке, в том числе пробному зондированию с помощью бура. Предпочтение отдавалось преимущественно исследованию перспективных мест для нахождения самых ранних послеледниковых стоянок, определенных при анализе закономерностей берегового поднятия в этом районе Северного Приладожья. Основной целью проекта было исследование маршрутов миграций проходивших с юго-востока на северо-запад в районе между Ладожским и Онежским озерами. Это осуществлялось в ходе поиска мезолитических стоянок на различных древних береговых террасах. Можно надеяться, что раскопки на выявленных памятниках прояснят пока намеченные схематично многие вопросы контактов перво-поселенцев с территориями, находящимися вне района наших исследований. Наиболее активно обследовалась территория между приусտьевыми участками рек Янисйоки и Тулемайоки, протяженностью в 55 км (рис. 1).

В данной статье представлены результаты раскопок только одного памятника – стоянки Хетуюя I. Памятник оказался одним из древнейших поселений в регионе и полученный комплекс информации, включая артефакты, должен быть введен в научный оборот. Итоги первых лет экспедиционной деятельности в рамках проекта представлены в другой статье [Takala, 2014]. Подробные результаты раскопок 2011 г. неолитических стоянок на рр. Койриноя и Сумери-йёёку будут опубликованы позже.

История исследований

Карелия – это регион, расположенный между Россией и Финляндией и имеющий сложную историю. До перехода территории Финской Карелии в состав СССР после Зимней войны 1939–1940 гг. здесь активно работали финляндские археологи. В настоящее время только небольшая часть западных карельских земель находится в границах Финляндии.

До 1939 г. в северной и северо-восточной части Приладожья были известны только шесть стоянок каменного века. В 1917 г. Ю. Айлио (Julius Ailio) обследовал стоянку эпохи неолита около д. Койриноя Импилахти (Koirinoja Impilahti). Памятник находится на песчаной дюне в приустьевой части одноименной реки, что является редкой ситуацией для поселений каменного века Карелии и Финляндии. Для наших изысканий наиболее интересны пять стоянок исследованные Юко Воионмаа около д. Тулема близ п. Салми [Voionmaa, 1937; Huurre, 2003, р. 156; Uino, 2003, р. 509]. На высоте 15–20 м им собраны отщепы кварца и кварцита, ретушированные кварцевые орудия, кальцинированные косточки, керамика и абразивы. Также известны отдельные находки

шлифованных топоров и тёсел, сделанные в различное время на полях во время сельскохозяйственных работ. Около двадцати таких артефактов в археологических коллекциях Национального музея Финляндии, происходящих из Импилахти, Харлу, Салми, можно датировать мезолитом.

В советский период археологические работы в этом районе Северного Приладожья проводились очень эпизодично. И.Ф. Витенкова в 1991 г. на южном берегу небольшого озера выявила стоянку каменного века Хипполанъярви I. К.Э. Герман в 1997 г. в 10 км к востоку от п. Импилахти, на р. Сюскюяйоки, зафиксировал неолитическое поселение Кителя I. В 1978 г. А.П. Журавлёв на песчаных дюнах устья р. Койриноя нашел местонахождение с энеолитическим материалом, которое, возможно, является стоянкой ранее открытой Ю. Аилио [Археологические..., 2007, с. 55, 156]. В 2008 г. М.М. Шахнович с финскими коллегами открыли на р. Сумерионйоки две небольшие стоянки каменного века (Импилахти I и II) и в 2009 г. на р. Янисйоки – стоянки Ляскеля I и II. При продолжении работ в 2011 г. найдены пять новых стоянок каменного века Койриноя IA–IV и Импилахти III (рис. 1).

Целью нашего исследовательского проекта в 2008–2012 гг. была проблематика первозаселения этого региона в послеледниковое время. До сих пор самым древним памятником в Северном Приладожье было поселение Киркколахти I на западном берегу большого озера Янисъярви в 38 км от г. Сортавала. Памятник найден в ходе совместных работ российско-финляндской экспедиции в 2005 г., раскапывался М.М. Шахновичем в 2006 г. [Шахнович, 2007; Шахнович и др., 2007, с. 11]. По фрагменту кости из очага получена интересная радиоуглеродная дата 9300 ± 80 BP (8700–8350 calBC, Ua- 24774), что относит время существования поселения к периоду Анцилового озера [Forsberg, 2006. Р. 13]. Полевые работы 2005 г. позволили зафиксировать ещё более двадцати разновременных стоянок в этом приграничном озере (Вяртися I–X, Киркколахти I–II, III, Ораваниеменлахти I–VII) [Karjalainen, 2005]. Памятники каменного века в южной части озера располагаются в непосредственной близости к воде, на высоте 0,5–1,0 м от современного уровня озера, на северном берегу – 3–7 м и часто на значительном удалении от водоёма (от 50 м до 1 км).

До этого времени самые ранние памятники в ближнем приграничье Финляндии были известны в области Рахакангас – Сарвинки в Эно (Rahakangas–Sarvinkki) к северо-западу от Киркколахти. Самые древние стоянки в Эно, раскопанные П. Песонен, имеют даты 9560 ± 60 BP (9104-8666 calBC, Hela-2721) [Pesonen et al., 2014]. Кроме этого в фондах финских музеев есть десятки грубо обработанных топоров, сланцевых тёсел южнофинского типа и округлых перфорированных «молотов», случайно найденных в Северном и Западном Приладожье до 1940 г. [Huurre, 2003; Takala, 2012, р. 179–182; Uino, 2003]. Они традиционно считаются маркирующими артефактами эпохи мезолита Финляндии [Matskainen, 1989].

Общие итоги и методика работ 2008–2012 гг.

Взаимосвязь расположения поселений каменного века и берегового

поднятия Ладоги подробно рассматривается в другой статье [Takala, 2014]. Здесь нужно остановиться на некоторых закономерностях, которые учитываются при датировании стоянок каменного века в Южной Финляндии, на Карельском перешейке, западном и северном побережье Ладожского озера. Наиболее «свежие» версии динамики изменений береговой линии этого огромного региона представлены геологами Финляндии и России.

Весь регион находился и находится в зоне изостатического поднятия, которое имеет неравномерный характер и наиболее сильно выражено в северо-западной части Ботнического залива. Нулевая изобаза, на которой поднятие уже не фиксируется, проходит приблизительно через устье р. Нева. Участки поверхности, имевшие в определенный момент прошлого одинаковую высоту над уровнем моря, в настоящее время расположены на разных высотных отметках: более высоких в северо-западной части, и меньших в юго-восточной. Градиент изостатического перекоса был максимальным в начале голоцене, и уменьшался по мере приближения к современности [Герасимов, Субетто, 2009, с. 37–40].

Ладожское озеро освободилось от льда в интервале 14000–12500 кал. лет ($11800\text{--}10300^{\circ}14$ л. н.), обособляется от Балтики около $10300^{\circ}14$ л. н. Во второй половине пребореального времени происходит подъём уровня Ладоги до отметок 18–20 м. Это было следствием анциловой трансгрессии Балтики около 9200 лет назад, приведшей к подпруживанию стока из Ладоги и, как следствие, к повышению уровня воды в озере. Во время максимума анциловой трансгрессии происходило подтопление южных мелководий Ладожского озера до современных изобат порядка 20–27 м выше современной поверхности Балтийского моря [Субетто, 2007, с. 111–115; Saarnisto 2003; Saarnisto, 2008; Saarnisto, 2011; Saarnisto & Grönlund, 1996]. На рубеже пребореала и бореала около 9000 лет назад уровень Ладоги вновь понижается в связи с регрессией Балтики до отметок ниже современного положения [Субетто, 2007, с. 115; Субетто, 2009, с. 249] Отделение древней Ладоги от Балтики произошло около 7800 calBC [Saarnisto 2011, р. 33].

Общее направление изобаз поднятия суши в Карелии с юго-запада на северо-восток составляет 45° , хотя существуют и отдельные участки исключений из общей ситуации [Нууррэ, 1943. Р. 140; Dolukhanov, 1979, р. 118–120]. В ходе трансгрессии периода Анцилового озера (ок. 8300–8150 calBC), которая увеличивается к северо-западу, угол наклона древней береговой линии в Южной Финляндии составил около 42 см/км [Saarnisto, 1971, р. 384; Takala, 2012, р. 148–149]. Однако отличия в этом вопросе между территориями Южной Финляндии и Приладожья существуют. На участке в 400 км от Финского залива до северного побережья Ладожского озера наблюдается менее быстрый процесс поднятия суши этой зоны и, следовательно, меньший наклон береговой линии [Donner, 1970, р. 191–195; Donner, 1980, р. 292; Saarnisto & Siiriäinen, 1970]. Например, на Карельском перешейке угол наклона береговой линии в рассматриваемый временной период составлял 22,4 см/км [Нууррэ,

1937; Saarnisto, 2008; Takala, 2012, p. 168–169]. Это нужно учитывать при использовании закономерностей береговых процессов в исследованиях на побережье Ладожского озера.

Для разведки использовались финляндские топографические карты 1930-х гг. (1:20000), которые и сегодня являются самыми точными для данного региона. Сначала осуществлялся картографический анализ и наиболее перспективные, на наш взгляд, места в соответствии с их расположением, рельефом и высотой отмечались на карте (мысы и террасы палеозаливов, древние устья рек и острова), потом, если до них можно было добраться, то эти участки посещались. В Северном Приладожье разведка сосредотачивалась в пунктах, находящихся на высоте 30 м над уровнем моря, а на участках расположенных южнее обследовались высоты от 20 до 25 м. Посещались также места расположенные и на других высотах, если конкретная топографическая ситуация представлялась перспективной для поиска древних поселений. В целом это была прибрежная полоса Ладоги шириной до 5–7 км.

Следует отметить, что район изысканий очень значительный, а существующие ресурсы (время и финансирование) были очень ограниченными на протяжении всего проекта. Также общую натуруную ситуацию в местах проведения исследований можно рассматривать как «сложную». В большинстве случаев перспективные места для поселений каменного века находились на бывших полях, которые в настоящее время не используются и зарастают кустарником. Результативность традиционного поиска с помощью шурфовки или даже сборов в таких местах минимальны. Во многих случаях глинистый тип почвы в долинах рек также не сопутствовал работе.

Рельеф местности в области исследований очень пересеченный: на севере скалистые участки сменяются крутыми холмами и намывными песчаными площадками в низинах. К юго-востоку пейзаж более «песчаный» и более привычный для отработанных методов разведки в Карелии и Финляндии. Здесь уровень террас Анцилового озера более крутой, чем древнего Ладожского озера и они находятся ближе друг к другу. В районе Салми анциловый максимум располагается на том же уровне, что и Ладожское озеро [Saarnisto, 2003; Saarnisto & Siiriäinen, 1970, p. 13]. Это одна из причин того, что поиски в основном производились в северной части района: здесь можно было ожидать значительные отличия в высоте площадок, которые осваивались в разные периоды. Делались безрезультатные попытки обследовать внутренние небольшие озера, находящиеся в пяти – шести километрах от берега Ладоги, борта мощных речных промоин и песчаные площадки на скальных утёсах.

Как и в древнее время, северная береговая зона Ладожского озера представляет собой множество небольших островов и несколько узких устьев рек, врезанных к северу в материк. Самые северные берега озера сложены в основном подстилающими породами. Самые высокие выходы коренных пород достигают высоты более 120 м над уровнем моря, тогда как современный уровень Ладожского озера составляет около 5 м над Балтийским морем.

В целом можно сказать, что наиболее интересные для нашего проекта отдельные стоянки и группы памятников, находятся на высоте максимального уровня Анцилового озера (25–30 м над ур. м.). Три из них раскопаны около д. Койриноя (Koīinoya/Ristimäki) летом 2011 г. Две из них (Койриноя II и III), однако, среди находок имели керамику сперингс и асбестовую. В бескерамическом комплексе материала из раскопок стоянки Импилахти III в долине р. Сумерийоки есть грузик неолитического облика. Единственный памятник, оправдавший наши ожидания – это стоянка Хетуюя I около п. Ляскеля, раскопан российско-финляндской экспедицией в 2012 г.

Стоянка Хетуюя I

В 2012 г. А. Малинен и Т. Аикас обследовали перспективные участки в нижнем течении р. Янисйоки, в 3 км к юго-востоку от пос. Ляскеля. Долина этой реки в анциловое время была длинным заливом Ладожского озера. Сегодня – это широкая, с крутыми песчаными склонами низина. Берега реки поросли лиственным и еловым лесом и несут повсеместные следы многолетней сельскохозяйственной деятельности (рис. 2).

Стоянка Хетуюя I находится в 2,93 км к юго-востоку от моста через шоссе Сортавала – Петрозаводск в пос. Ляскеля, на правом берегу небольшого руч. Хетуюя, текущего по дну глубокого понижения. Расстояние от памятника до ручья – 0,24 км к западу, до р. Янисйоки – 1,78 км к западу, до берега Ладожского озера – 2,65 км к югу. Стоянка располагается на ровной песчаной площадке террасы, высота над уровнем моря около 32 м. Поверхность незначительно понижается по направлению к западу, в сторону реки. Среднее понижение на 1 м составляет 8 см, т.е. в пределах модели комфортности. С востока памятник ограничивает подъём к скальному выходу высотой до 15 м, с запада – крутой склон древней террасы. Берег порос средним еловым лесом. Крупные камни осипи, создающие некомфортную ситуацию для поселения, располагаются очень близко к краю террасы, оставляя для поселения небольшую полосу шириной в 10–12 м. В 60 м к востоку от стоянки встречаются выходы жильного кварца. Площадь стоянки по топографии предварительно определена в 400 кв. м (30x13 м).

На площадке перед склоном террасы, в условном центре памятника, первоначально заложен шурф площадью 6 кв.м, который позже с целью лучшего понимания характера выявленных объектов был расширен до 11 кв.м. Участок разбит на квадраты 1x1 м и ориентирован по сторонам света. Культурный слой разбирался с помощью мелкого шанцевого инструмента по трём условным горизонтам толщиной 0,1–0,12 м. Регистрация находок велась поквадратно и в трёхмерной системе. Просеивание грунта свело к минимуму возможные потери материала.

Грунт – песок с большим количеством мелких камней. Стратиграфическая колонка ровная и стандартная для районов северо-восточного Приладожья. Эти территории подвергались многовековой земледельческой нагрузке и поэтому здесь мы наблюдаем очень редкий случай отсутствия следов пахоты. Вертикальная последовательность песчаных напластований в границах

исследованного участка в обобщённом виде выглядит следующим образом: дёрн мощностью 0,04–0,05 м; подзол чёрного цвета – 0,09–0,1 м; подзол тёмно-серого цвета – 0,06–0,12 м; ниже слой тёмно-жёлтого песка – 0,13–0,2 м и желтый песок – материк. Западания слоя от корней отсутствуют. Верхний слой подзола имеет чёрную окраску, скорее всего, следы непродолжительного пожара в ходе подсеки.

В границах шурфа выявлено несколько искусственных сооружений. Яма в западной части зафиксирована как западание серого подзола на уровне 0,2 м (здесь и далее отчет от современной дневной поверхности), размеры пятна в плане – 1,4x0,6 м. В северо-западном углу раскопа по профилю стенки хорошо фиксировался разрез «стены сооружения» со следующей стратиграфией: дёрн – 0,03 м; подзол чёрноватого цвета – 0,11 м, серый подзол – 0,04 м, белёсый песок с мелкими углями – 0,1–0,4 м, материк – тёмно-жёлтый песок по краям и серые озёрные отложения на «дне» ямы (0,55 м). «Стенка» крутая, «дно» ровное. Контакт с материком чёткий. Угли в белёсом песке прослеживались до уровня 0,4 м. Ниже общего уровня материка на 0,09 м или 0,41 м. в заполнении ямы найдены нуклеус, два отщепа и одна чешуйка кварца. Продолжение слоя «жилища» фиксируется и в западной части раскопа. Общий прослеженный участок имеет размеры 3,6x0,6 м. Скорее всего, это край оплавившей древней жилищной впадины, расположенной параллельно краю террасы.

С внешней стороны вдоль края «жилища» на уровне предматерика (0,3 м) зафиксированы два единообразных пятна западания серого подзола. Их размеры и форма: овальные в плане, 0,2x0,18 м и 0,18x0,6 м. Они продолжаются ниже общего уровня материка на 0,03–0,04 м. При выборке их заполнения (тёмно-жёлтый песок) зафиксировано окружное, но не коническое дно, прямые стенки и чёткий контакт с общим фоном окружающего жёлтого песка. На наш взгляд, это остатки столбов, соотносящиеся с «жилищем».

Кладка 1 выявлена в 0,5 м к юго-востоку от края «впадины» в центре раскопа и вытянута по линии север – юг параллельно краю террасы. Расколотые огнём мелкие камни (0,05–0,07 м) располагаются одним уровнем на площади 0,9x0,7 м и на глубине 0,22–0,25 м. В разрезе юго-западной части кладки хорошо видно, что они уложены в три ряда. Заполнение между камней – белёсый тёмно-жёлтый песок, отличается от окружающего тёмно-жёлтого песка. Прокал отсутствует. Западание тёмно-жёлтого песка под камнями продолжается ниже общего уровня материка на 0,1 м. Это сооружение можно интерпретировать как кратковременное костище с кладкой (рис. 3).

Кладка 2 располагается очень «некомфортно» близко от кладки 1 и несколько выше – на уровне 0,15 м. Небольшие, частично расколотые огнём камни (0,1–0,15 м) выявлены на одном уровне на площади 0,7x0,6 м. Только один камень в верху, в центре имел размеры 0,3x0,31x0,1 м. Всего было три слоя камней, общей мощностью 0,25 м. Стратиграфия разреза кладки: чёрный подзол – 0,06 м, серый подзол – 0,04 м, тёмно-жёлтый песок. Прокал отсутствует. Западание тёмно-жёлтого с лёгким красноватым оттенком песка

под камнями продолжается незначительно ниже общего уровня материка на 0,08 м. В нижней части кладки находился крупный камень размерами 0,25x0,27 м, лежавший на чёрном песке с угольками. Кроме куска кварца со следами скальвания, найденного среди верхнего ряда камней и отщепа кварца, другие находки в заполнении кострища отсутствуют. Сооружение можно интерпретировать как кострище, функционировавшее позднее каменного века.

Под нижними камнями кладок (уровень 0,32–0,35 м) собраны мелкие древесные угли, подвергнутые AMS-датированию лаборатории университета г. Хельсинки. Для перевода радиоуглеродного возраста в календарную временную шкалу использованы калибровочная IntCal09-кривая и компьютерная программа Oxcal 4,1 [Reimer et al. 2009; Bronk-Ramsey, 2009]. Калиброванные даты представлены с 68% вероятностью с доверительным интервалом в одну сигму. Датировка очага 1 – 8721 ± 56 BP (Hela-3059), калиброванный результат 7815–7605 calBC, среднее значение – 7760 calBC. Датировка очага 2 очень поздняя – 437 ± 29 BP (1430–1465 calAD, Hela-3060).

Есть несколько причин, почему датирование стоянки Хетуоя I с помощью высотных данных на современном этапе исследования необходимо производить со значительной осторожностью. Например, принятая нами высота нахождения памятника основывается только на высотных отметках на топографических картах 1930-х гг., использованных при обследовании, и в соответствии с ними стоянка находится несколько выше уровня анцилового максимума. Но наклон берегового склона террасы на данном участке очень крутой и соответственно изменения уровня воды после анцилового максимума не повлияли сильно на состояние береговой линии. Площадка, на которой располагается стоянка, могла использоваться в течение длительного периода времени.

Культурный слой (кроме места кострища и впадины) не имеет специфичной окраски, которую можно было бы рассматривать как результат антропогенного воздействия. Традиционно для этого региона он представлен горизонтом залегания находок и остатков бытовых конструкций, дошедшие до нас в виде цветовых пятен. Средняя мощность культуромешающих отложений, определяемая по распространению находок по вертикали, составляет 0,25–0,3 м. Отмечается его увеличение (до 0,35 м) на участках большей жизнедеятельности – около выявленных кострищ. Находки стали встречаться сразу в дерне. Они немногочисленны (9 экз. на 1 кв.м) и преимущественно соотносятся со слоем серого подзола – уровень 0,1–0,2 м от и локализуются около каменной кладки.

Типолого-технологический анализ каменного инвентаря

Коллекция находок из раскопа на поселении Хетуоя I составляет ровно сто каменных артефактов (табл. 1). Абсолютное большинство продуктов расщепления изготовлено из кварца (93 экз.), но представлены и изделия из кремня коричневого и розового оттенков (6 экз.) и один предмет из сланца. Это мелкий кусок расслоившейся сланцевой плитки, который может быть связан с

деятельностью человека или с одинаковой вероятностью образоваться и в результате естественных процессов.

Кварц представлен стандартными разновидностями. Это преимущественно непрозрачный белый или светло-серый, иногда полупрозрачный. Изделия из полностью прозрачного кварца не представлены, так же нет предметов из сильно трещиноватого кварца. Если не считать упомянутого сланцевого предмета, абсолютно все каменные артефакты связаны с индустрией орудий на отщепах, т.е. орудий относительно небольшого размера с режущими, скребущими, перфорирующими функциями, изготовленных из сколов-заготовок. Большинство из них – это отщепы-отходы или орудия из отщепов, однако, среди находок присутствует одна кремневая пластина со следами утилизации.

Таблица 1
Стоянка Хетуоя I. Состав каменного инвентаря

	Наименование	Кварц	Кремень	Сланец	Всего
Сколы	Микродебитаж	27	1	-	28
	Отщепы	56	1	1	58
	Всего	83	2	1	86
Нуклеусы		6	-	-	6
Орудия	Отщеп с ретушью	1	-	-	1
	Отщеп со следами утилизации	1	-	-	1
	Пластина со следами утилизации	-	1	-	1
	Резчик-нож	-	1	-	1
	Скребки	1	2	-	3
	Острие	1	-	-	1
	Всего	4	4	-	8
Всего		93	6	1	100

Сколы. К сколам без визуально различимых признаков вторичной обработки и явных следов использования отнесены 86 экз., в том числе два из кремня и один из сланца. Из них 28 экз. в том числе один кремневый, имеют размеры менее 15 мм (микродебитаж). Среди кварцевых сколов преобладают биполярные (32 экз.), на втором месте по численности неопределенные, т.е. не имеющие выраженных технологических признаков – 16 экз. Отщепов с площадкой всего восемь, однако, для данной выборки это существенное количество. Средние размеры кварцевых сколов в коллекции составляют: у биполярных – 30 мм, неопределенных – 24 мм и площадочных – 25 мм. Эти данные позволяют утверждать, что основной технологией получения сколов-заготовок на памятнике было биполярное расщепление. В то же время, поскольку отщепы с площадкой не крупнее биполярных, они не снимались в ходе предварительной подготовки биполярных нуклеусов, а по нашему мнению, имели какое-то самостоятельное значение. Особо отметим, что у двух отщепов с площадкой есть «губа» – невысокий карниз над ударным бугорком, который свидет-

ельствует об использовании для их получения мягкого ударного инструмента. Пять кварцевых сколов, три из которых биполярные и два с площадкой, могут быть признаны пластинчатыми отщепами, имеющими вытянутые пропорции и относительно ровные очертания краёв.

Единственный кремнёвый скол имеет небольшие размеры (менее 20 мм) и несёт признаки использования мягкого отбойника, прежде всего, т. н. «губу», а также следы подготовки зоны расщепления в виде редуцирования.

Пластины. В коллекции присутствует всего одна пластина из кремня, имеющая хорошо различимые следы утилизации на обоих боковых краях. Пластина узкая (34x13x2 мм), края слегка извилистые в плане, имеет довольно крупную фасетированную площадку (глубина 4 мм и длина 8 мм). Заметна «губа» над ударным бугорком и трещина, которая могла бы привести к отделению изъяна. Угол скальвания близок к перпендикулярному – 86°. Эти признаки свидетельствуют об использовании для её отделения мягкого инструмента при ударной технике скола. Наиболее вероятным представляется удар через посредник (рис. 4:6).

Нуклеусы. К нуклеусам отнесены шесть предметов, четыре из которых – биполярные. Одно ядрище – это нуклеус плоскостного площадочного скальвания (28x25x25 мм). У него есть одна плоскость расщепления для получения сколов-заготовок, а негативы сколов располагаются радиально, от краёв предмета к его центру (рис. 4:5). Ещё один предмет признан нуклевидным куском.

Орудия. Помимо уже описанной пластины, в коллекции есть семь орудий (три из кремня и четыре из кварца).

Скребки (рис. 4:1-4). Два кремневых скребка, найденные около кладки 1, изготовлены из отщепов с площадкой, и один кварцевый из биполярного отщепа. Из кремня представлены боковой и двойной концевой варианты расположения ретушированных лезвий. Двойной концевой скребок из кремня (24x23x8 мм) отличается высокими лезвиями с очень аккуратной крутой ретушью с узкими фасетками. У бокового кремневого скребка (59x37x19 мм), скорее всего, намеренно отсечён ударный бугорок наentralной плоскости. Небольшой концевой кварцевый скребок (18x28x8 мм) сделан из биполярного отщепа.

Оригинальным изделием, редким для кварцевых коллекций Карелии, является остриё из пластинчатого кварцевого биполярного отщепа. Оно подтрапециевидной формы, размерами 30x14x4 мм (рис. 4:8). Отщеп кварца, видимо, изначально имел острый конец, но дополнительно был подправлен с centralной стороны по всей длине одного края мелкой крутой ретушью. Орудие имеет сходство с асимметричными, косолезвийными наконечниками стрел из кварца. Но по сложившейся традиции однозначно интерпретируются как наконечники стрел только черешковые формы, т.е. экземпляры, у которых насад по двум краям оформлен ретушью, образующей выемки или же уплощающей ретушью по предполагаемому насаду [Агеева, 2007, с. 121]. Поэтому определение изделия как кварцевого наконечника стрелы требует осторожнос-

ти и учёта специфики сырьевого материала. Обычно наконечники стрел из кварца изготовлены в устойчивой технике, применяемой для кремневых форм, но с частичной или полной заменой ретуширования резцовым сколом.

Одно комбинированное орудие из крупного (57 мм) кремневого отщепа, интерпретировано как резчик-нож с одним коротким ровным лезвием на углу скола-заготовки, подправленным плоской ретушью (резчик) и с одним длинным лезвием во всю длину одного бокового края с мелкой ретушью утилизации. Сам отщеп довольно толстый (18 мм), однако к рабочим краям сильно утончается, благодаря чему они являются действительно острыми (рис. 4:8). Единично присутствуют отщеп с ретушью и отщеп со следами утилизации из кремня.

Выводы

На территории Южной Финляндии и Южной Карелии известно около десяти археологических памятников, которые по высотному расположению и радиоуглеродным датировкам можно отнести к периоду раннего мезолита, анциловой трансгрессии. Кратко перечислим их. Это **Ориматтила Мюллюкоски** (Orimattila Myllykoski) – 9480±90 (9200–8550 cal.BC, Hela-552) [Takala, 2004, p. 149–150], **Эно Рахакангас** (Eno Rahakangas) – 9560±60 BP (9104–8666 calBC, Hela-2721) [Pesonen et al. 2014, p. 179], **Йоутсено Сааренойя 2** (Joutseno Kuurmanpohja-Saarenoja 2) – 9438±56 BP (Hela-2490) [Крийска..., 2013, c. 165; Jussila et al., 2012], **Антреа** (Antrea Korpilahti) – 9310±140 (8779–8379 cal.BC, Hela-1303), 9230±210 (8795–8238 cal.BC, Hela-269), 9140±135 (8534–8223 cal.BC, Hela -544) [Жилин, 2002, с. 9; Takala, 2004, p. 151], **Боровское I** (Antrea Suuri Kelpojarvi) – 9275±120 (8675–8357 cal.BC, Hela-931) [Герасимов, Субетто, 2007, с. 39; Takala, 2004, p. 152], **Киркколахти I** – 9300±80 BP (8534–8223 cal.BC, Ua-24774) [Шахнович, 2007; Forsberg, 2006, p. 13], **Акунпохья Хельветинхауданпуро** (Akonpohja Helvetinhausdanpuro) – 9200±75 (8610–8280 cal.BC, Hela-918) [Jussila et al., 2007, p. 147], **Лахти Мюллюойя** (Lahti Myllyoja) – 9265±95 (8612–8355 cal.BC, Hela-544) [Takala, 2004, p. 152]. Стоянка Хетуюя I с имеющейся датой 8721±56 BP (7815–7605 cal.BC Hela-3059) хорошо вписывается в эту группу памятников, на сегодня являясь самым восточным пунктом из них.

Работы 2012 г. на стоянке Хетуюя I можно охарактеризовать как предварительные. Полученная коллекция находок небольшая, а исследованная площадь памятника незначительная, но позволим себе остановиться на некоторых важных.

1. Одним из значимых результатов раскопок стало выявление жилищной впадины на стоянке. Если на побережье Онежского озера остатки мезолитических жилищ известны на очень большом количестве памятников и широко исследовались [Филатова, 2004], то для мезолита Приладожья – это первая находка. Нам удалось найти только два упоминания о наличии жилищ на близлежащих раннемезолитических стоянках в этом регионе. Первое – это стоянка **Акунпохья Хельветинхауданпуро** в области Саво (Восточная Финляндия) с «чистым» мезолитическим комплексом. Под руководством

Т. Юссели, А. Крийски и Т. Ростедта в 2004–2006 гг. раскопано более 60 кв.м. Стоянка приурочена к террасе времени максимума анциловой трансгрессии. В ходе работ выявлено, по-крайней мере, одно углублённое жилище четырехугольной формы [Jussila et al., 2007, p. 147]. Также на раннемезолитической стоянке Эно Рахакангас 1 выявлены остатки подпрямоугольного в основании жилища, но датировка его остаётся открытой [Pesonen et al., 2014, p. 185, 189].

2. Для проблематики первых этапов заселения Приладожья особенно важно и интересно даже то небольшое число находок из кремня, которое получено в ходе работ 2012 г. Напомним, что на территории Карелии и Финляндии выходы кремнесодержащих пород отсутствуют и кремень является «импортным» сырьем из более южных территорий. Совокупность находок из кремня на раннемезолитических памятниках количественно может быть самой разной. Например, на Саареноя 2 они составляют 59% от общего числа каменных находок, в Киркколахти I – 3,8, а в Хельветинхауданпуро – 0,05 [Крийска и др., 2013, с. 166]. Скорее всего, это не отражение культурно-хронологических факторов, а какие-то очень субъективные причины, например, небольшая исследованная раскопками площадь, специфика функционального характера памятника или вскрытого участка.

Однако нельзя не согласиться с мнением, что кремень маркирует направление связей и контактов раннемезолитического населения Приладожской Карелии. Несмотря на то, что петрографический анализ кремня не производился, можно утверждать, что ближайшие выходы каменоугольного кремня известны только в 250 км к востоку от п. Ляскеля. Меловой кремень из Белоруссии и Литвы на стоянке отсутствует [например Hertell & Tallavaara, 2011, p. 13; Takala, 2004, p. 109]. Таким образом, относительно материалов из Киркколахти I и предварительно для Хетуоя I мы можем говорить о миграциях вдоль восточного берега Ладоги. В то же время кремень характерного фиолетового и чёрного цветов из коллекции Саареноя 2 свидетельствует о возможных контактах с Верхним Поволжьем, Литвой и Белоруссией [Крийска и др., 2013, с. 161]. Такая же ситуация отмечена и в коллекции кремня на мезолитическом поселении Ристола около г. Лахти [Takala, 2004, p. 107–109]. У нас нет основания полагать, что все кремневые изделия из Хетуоя I изготовлены на стоянке, вполне возможно, что они принесены в готовом виде и, как предполагают коллеги, с существенно удаленных от Ляскеля территорий.

3. Небольшие размеры коллекции не позволяют сделать далеко идущих выводов культурно-исторического характера и, опираясь на технологический анализ коллекции, можно предложить только самые общие замечания.

Присутствие пластины с признаками использования очень аккуратной техники скола (вероятно, удара через роговой посредник) позволяет связать памятник с «восточной» традицией получения пластин, хорошо представленной в Центральной России, а также на мезолитических памятниках бассейна

Онежского озера. Абсолютное преобладание биполярного расщепления при обработке кварца также характерно для коллекций известных мезолитических стоянок Южной Карелии и Карельского перешейка, материалы которых подвергались технологическому анализу [Тарасов, 2008; Тарасов и др. 2007]. В то же время проанализированные по сходной методике коллекция позднего мезолита Северного Прибеломорья (Кереть XIX, XX) демонстрируют преобладание площадочного расщепления в кварцевой индустрии, причём с использованием только жёсткого отбойника [Тарасов, Шахнович, 2006].

4. С некоторыми оговорками к культурно-хронологическим орудиям-«маркёрам» этого региона можно отнести косо- и поперечнолезвийные наконечники стрел в форме трапеции. Подобного типа геометрические орудия на отщепах с обязательным ретушированием насада единично встречаются в комплексах финальномезолитических и ранненеолитических памятников Южной Финляндии, Карельского перешейка, Северной и Западной Карелии, а также на северо-востоке лесной зоны европейской части Европы [Карманов, 2002, с. 96; Шахнович, 2008, с. 252; Mätkäinen, 1986, с. 85]. В более южных регионах Волго-Окского междуречья, Подесенья, р. Кама и на Кольском п-ове они соотносятся с финальнопалеолитическими и раннемезолитическими культурами [Гурина, 1997, с. 21–22; Галимова, Истомин, 2000; Кравцов, Конов, 2002, с. 132]. В Северном Приладожье мы можем наблюдать картину отличную от характеристик мезолита Северной Карелии. Например, на раннемезолитическом поселении Киркколахти I в массе кварцевого материала выделено десять т.н. острий [Шахнович, 2007, с. 170]. Но кварцевое остриё из Хетуоя 1 на общем фоне – это уникальный артефакт.

5. По всей видимости, стоянка Хетуоя I входит в круг памятников, связанных с развитием традиций, представленных в мезолите Восточной Европы. Дополнительные раскопки на памятнике позволят увеличить численно коллекцию артефактов и более ясно решить вопрос её культурной принадлежности.

Авторы выражают искреннюю признательность профессору Матти Саарнисто за важные комментарии текста и д.и.н. М.Г. Жилину за неоцененную методологическую помощь во время полевых работ.

Литература

- Археологические памятники Карелии. Каталог. Петрозаводск, 2007.
- Агеева К.Е.** Классификация и сравнительная характеристика наконечников стрел и геометрических микролитов иеневской мезолитической культуры // РА. 2007. № 4. С. 121–134.
- Галимова М.Ш., Истомин К.Э.** Трапеции усть-камской культуры // ТАС. Вып. 4. Т. I / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь, 2000. С. 143–150.
- Герасимов Д.В., Субетто Д.А.** История Ладожского озера в свете археологических данных // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 106. С. 37–49.

Гурина Н.Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб., 1997.

Жилин М.Г. К вопросу о пионерном заселении Южной Карелии и Финляндии в раннем голоцене // ВККМ. Петрозаводск, 2002. Вып. 4. С. 3–15.

Карманов В.Н. Памятники с трапециями на европейском Северо-Востоке // ТАС. Вып. 5 / Отв. ред. И.Н.Черных. Тверь, 2002. С. 91–98.

Кравцов А.Е., Конов С.Б. Стоянка Ладыжино 3 (предварительные результаты исследований 1999 и 2000 гг.) // ТАС. Вып. 5 / Отв. ред. И.Н.Черных. Тверь, 2002. С. 127–136.

Крийска А., Ростедт Т., Юссила Т. Поселение раннего мезолита Йоутсено Саареноя 2 в Юго-Восточной Финляндии (Результаты археологических раскопок 2008–2009 годов) // ТАС. Вып. 9 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2013. С. 160–169.

Панкрушев Г.А. Применение данных неотектоники для датировки древних поселений // Новые памятники истории древней Карелии. М.-Л., 1966. С. 5–41.

Панкрушев Г.А. Мезолит и неолит Карелии. Л., 1978. Ч. 1: Мезолит.

Субетто Д.А. История формирования Ладожского озера и его соединения с Балтийским морем // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). СПб., 2007. № 1 (2), С. 111–120.

Субетто Д.А. Донные отложения озер: палеолимнологические реконструкции. СПб., 2009.

Тарасов А.Ю. Технологический анализ продуктов первичного расщепления кварца на поселении Киркколахти I в Северном Приладожье (по материалам работ 2005 г.) // С своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Евразии в финальном плейстоцене – раннем голоцене. М., 2007. С. 182–189.

Тарасов А.Ю., Шахнович М.М. Стоянка Кереть XIX в Северо-Западном Прибеломорье (результаты работ в 2005 году) // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки, 2006. С. 264–282.

Тарасов А.Ю., Мурашкин А.И., Герман К.Э. Новые исследования на Южном Оленьем острове Онежского озера // Кольский сборник. СПб., 2007. С. 41–81.

Филатова В.Ф. Мезолит бассейна Онежского озера. Петрозаводск, 2004.

Шахнович М.М. Мезолитическое поселение Киркколахти I в Северном Приладожье (результаты работ 2005–2006 гг.) // С своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Евразии в финальном плейстоцене – раннем голоцене. М., 2007. С. 163–181.

Шахнович М.М. Характеристика каменных индустрий мезолитических памятников Западной и Северной Карелии // Человек, адаптация, культура. М., 2008. С. 248–256.

Шахнович М.М., Кожевникова Ю.Н., Бельский С.В., Герасимов Д., Лисицын С.Н., Хартанович В.И., Форсберг О., Карьялайнен Т.,

Майонен Е., Песонен П. Российско-финляндские археологические изыскания в Северном и Западном Приладожье в 2005 году // История и культурное наследие Северного Приладожья: взгляд из России и Финляндии. Петрозаводск. 2007. С. 10–15.

Bronk-Ramsey C. Bayesian analysis of radiocarbon dates // Radiocabon 51(1). 2009. P. 337–360.

Dolukhanov P.M. The Quaternary History of the Baltic Leningrad and Soviet Carelia // Acta Univrsitatis Upsaliensis Symposia Universitatis Upsaliensis Annum Quingentesimum Celebrantis. 1. 1979. P. 115–125.

Donner J.J. Deformed Late Weichselian and Flandrian shore-lines in south-eastern Fennoscandia // Commentationes Physico-Mathematicae. Vol. 40. 1970. P. 191–198.

Donner J.J. The Determination and Dating of Synchronous Late Quaternary Shorelines in Fennoscandia. In N-A. Mörner (ed.) // Earth Rheology, Isostasy and Eustasy. New York, 1980. P. 285–293.

Forsberg O. Jänisjärven reitin varhaisin asutus – inventointituloksia Värtsilästä ja Laatokan pohjoispuolelta. Muinaistutkija. 1. 2006. P. 2–16.

Hertell E. & Tallavaara M. 2011. High Mobility or Gift Exchange – Early Mesolithic exotic Chipped Lithics in Southern Finland. In Rankama, T. (ed.) // Mesolithic interfaces. Variability in lithic technologies in eastern Fennoscandia / The Archaeological Society of Finland. Helsinki, 2011. P. 11–41.

Hyppä E. Post-glacial changes of shore-line in South Finland // Bulletin de la Commission Géologique de Finlande. 120. 1937. P. 1–26.

Hyppä E. Beiträge zur Kenntnis der Ladoga- und Avcylus-transgression // Bulletin de la Commission Géologique de Finlande. 128. 1943. P. 139–176.

Huurre M. Viipurin läänin kivikausi. In M. Saarnisto (ed.) // Karjalan synty. Viipurin läänin historia. 1. Jyväskylä, 2003. P. 151–244.

Jussila T., Kriiska A., Rostedt T. The Mesolithic settlement in NE Savo, Finland. And the earliest settlement in the eastern Baltic sea // Acta Archaeologica. 78 (2). 2007. P. 143–162.

Jussila T., Kriiska A., Rostedt T. Saarenoja 2 – an early Mesolithic site in south-eastern Finland: preliminary results and interpretations of studies conducted in 2000 ans 2008–2010. Fennoscandia Archaeologica. XXIX. 2012. P. 3–27.

Karjalainen T. Jänisjärven ympäristön inventointi. Muinaisilla poluilla hanke. Museum of North-Karelia archive, Joensuu, 2005.

Matiskainen H. Beiträge zur Kenntnis der mesolithischen Schrägscheiderpfeile und Mikrolithen aus Quarz // ISKOS. Helsinki, 1986. № 6. P. 74–98.

Matiskainen H. The Chronology of the Finnish Mesolithic // ISKOS. 1989. № 8. P. 379–390.

Pesonen P. Sarvingin salaisuus – Enon Rahakankaan varhaismesoliittinen ajoitus // Muinaistutkija. 2/2005. P. 2–13.

Pesonen P., Hertell E., Simponen L., Mannermaa K., Manninen M.A., Rostedt T., Taipale N., Tallavaara M. Postglacial pioneer settlement in the Lake

Sarvinki area, Eastern Finland // Lateglacial and Postglacial in Northern Europe / BAR International Series 2599. Oxford, 2014. P. 176–192.

Reimer P.J. et al. IntCal09 and Marine09 Radiocarbon Age Calibration Curves, 0–50,000 Years calBP // Radiocarbon. 51, 2009. P. 1111–1150.

Saarnisto M. The history of Finnish lakes and Lake Ladoga // Commentationes Physico-Mathematicae. 1971. Vol. 41. P. 371–388.

Saarnisto M. Karjalan geologia – Karjalan luonnonmaiseman synty. In M. Saarnisto (ed.) // Karjalan synty. Viipurin läänin historia. I. Jyväskylä, 2003. P. 21–80.

Saarnisto M. Emergence history of the Karelian Isthmus // Karelian Isthmus – Stone Age studies in 1998–2003. Iskos. № 16. 2008. P. 128–139.

Saarnisto M. Challenging the Early Holocene Isolation Dating of the Saimaa and Ladoga Ringed Seals. In J. Haarala and M. Helamaa and J. Harjula (eds.) // Times, Things & Places, 36 essays for Jussi-Pekka Taavitsainen. Turku, 2011. P. 28–41.

Saarnisto M., Grönlund T. Shoreline displacement of Lake Ladoga – new data from Kilpolansaari // Hydrobiologia. 322 (1–3). 1996. P. 205–215.

Saarnisto M., Siiriäinen A. Laatokan transgressioraja // Suomen museo. 1970. № 77. P. 10–22.

Takala H. The Ristola Site in Lahti and the Earliest Postglacial Settlement of South Finland. Lahti, 2004.

Takala H. Kannaksen varhaisin jääkauden jälkeinen asutus. // Äyräpään kihlakunnan esihistoria. II. Lahti, 2012. P. 143–194.

Takala H. (in print). Recent Archaeological Research in the Northern Parts of Lake Ladoga Region in Karelia, Russia. In Riede F. & Tallavaara M. (ed.) / Papers presented at the EAA conference in Oslo 2011, 2014. P. 191–204.

Uino P. Kunnittainen katsaus luovutetun Karjalan muinaisjäännöksiin, arkeologisiin tutkimuksiin ja löytöihin. In M. Saarnisto (ed.) // Karjalan synty. Viipurin läänin historia. 1. Jyväskylä, 2003. P. 505–511.

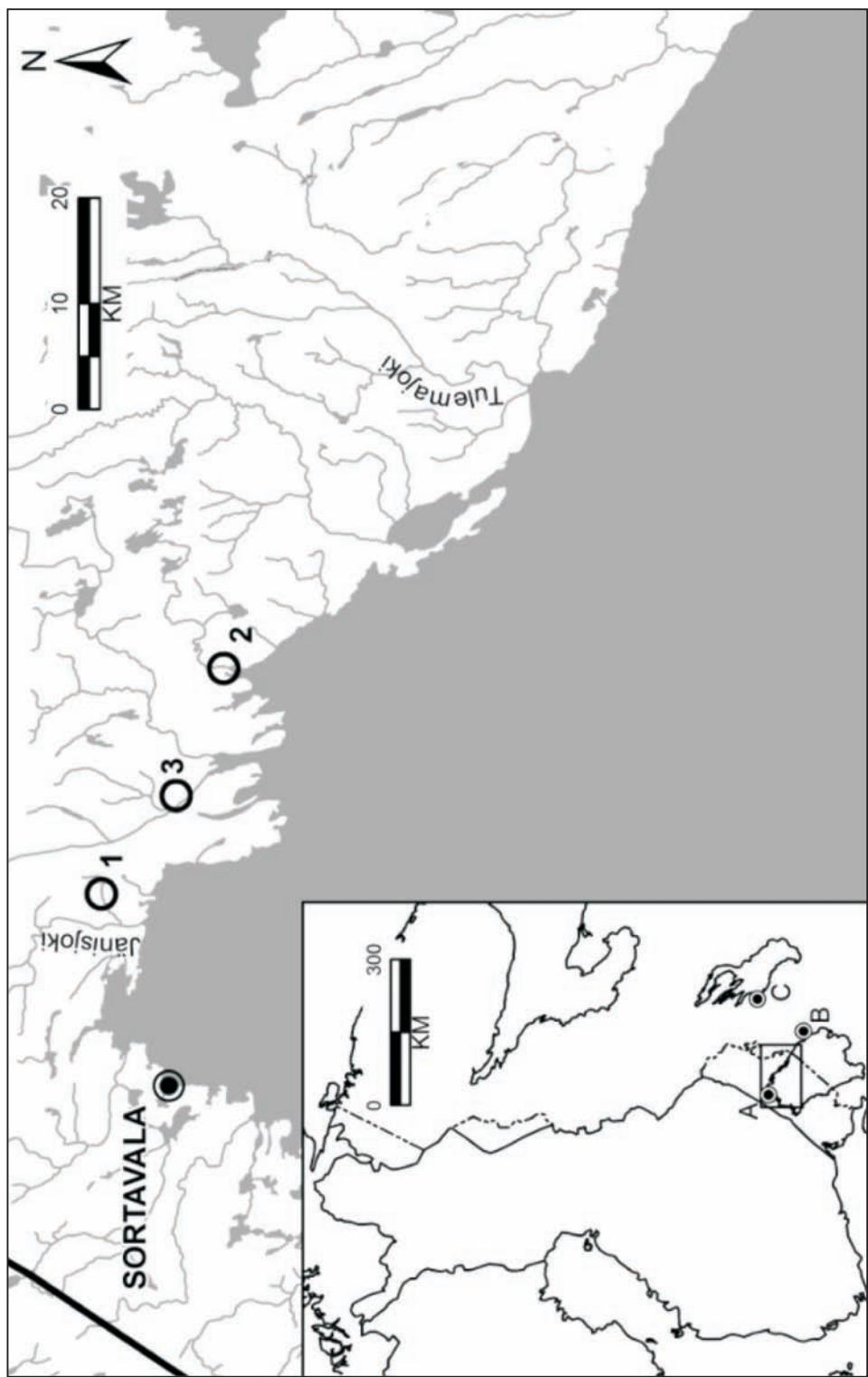

Рис. 1. Район исследования в Республике Карелия в 2008–2012 гг.
1 – п. Ляскеля, 2 – река Койрино, 3 – г. Сумерйоки. А – г. Сортавала, В – г. Олонец, С – г. Петрозаводск.

Рис. 2. Расположение стоянки Хетуя I относительно уровня максимума Анциловой трансгрессии (ок. 8100 calBC).

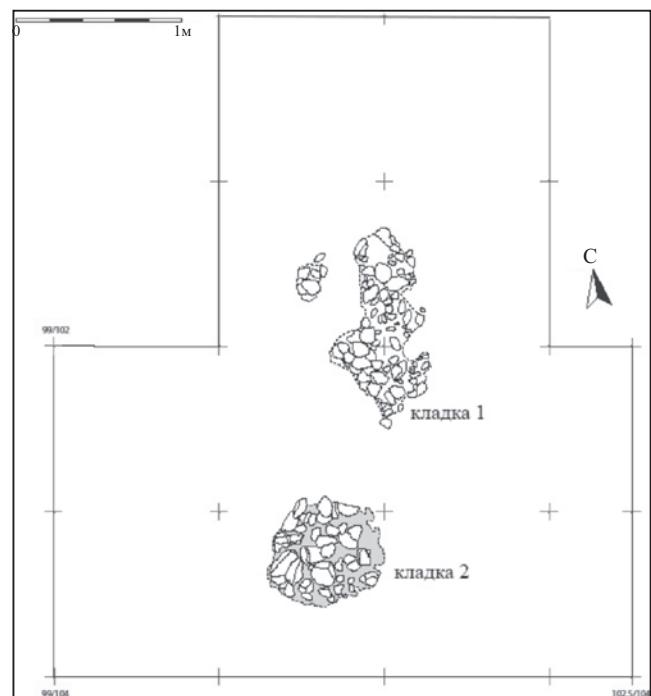

Рис. 3. Стоянка Хетуя I. Кладки.

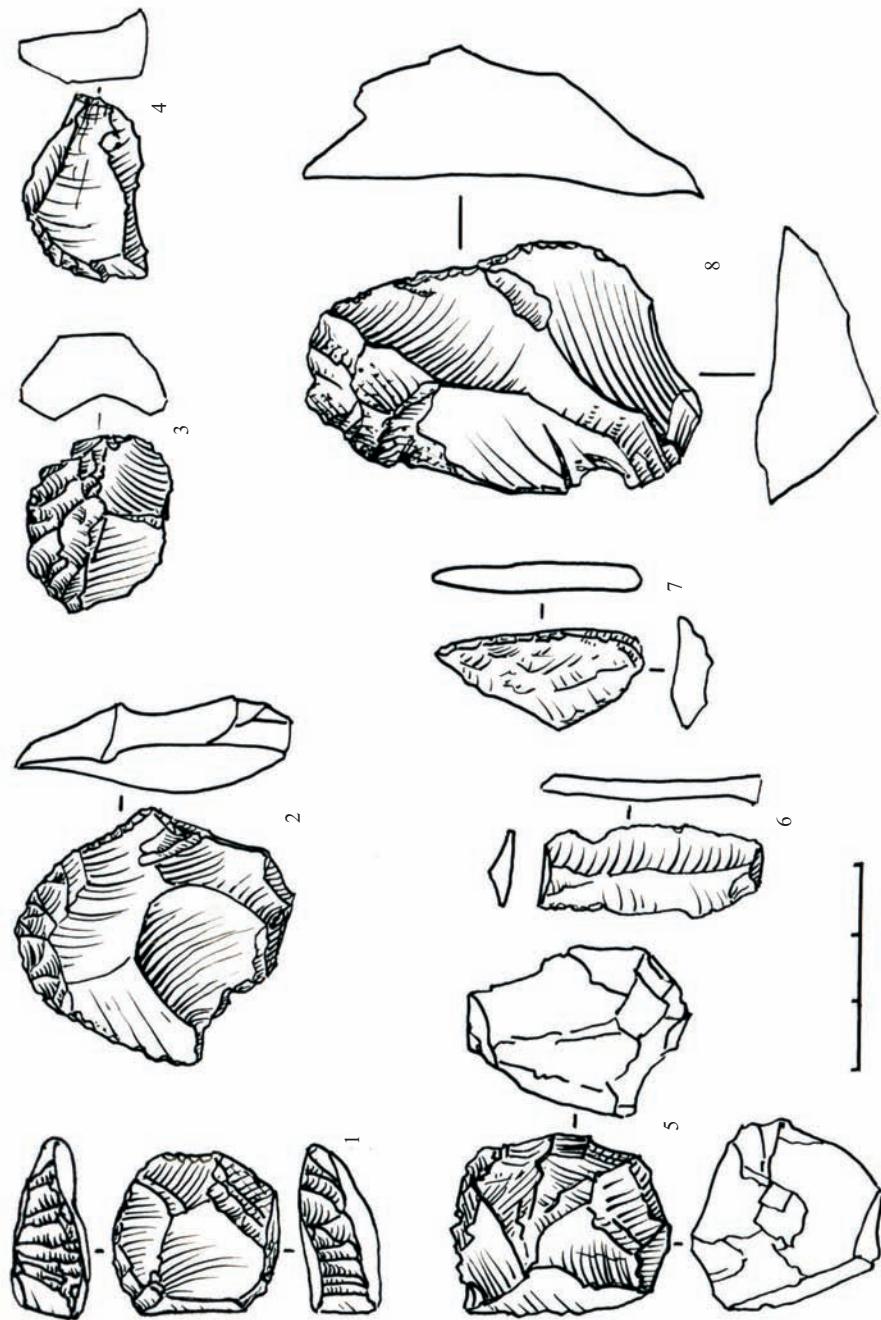

Рис. 4. Стоянка Хетую I. Найдены.
1-4 – скребки; 5 – нуклеус; 6 – пластинка; 7 – отщеп со следами использования; 8 – острій; 8 – отщеп со следами использования. 1, 2, 6, 8 – кремень; 3-5, 7 – кварц.

К.Э. Герман

Музей-заповедник «Кижи», Петрозаводск

РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЯ ПЕТРОЗАВОДСК 1 (РЕСПУБЛИКА КАРЕЛИЯ)

Территория, на которой в настоящее время располагается г. Петрозаводск, была заселена человеком еще в каменном веке. Удобные песчаные берега, небольшие заливы и проливы, где можно было укрыться в ненастную погоду, изобилие рыбы и водоплавающей птицы делали привлекательной проживание в данном районе в течение всего года. Этим фактом объясняется большое количество поселений мезолита – раннего металла в черте современного города. В настоящее время на территории Петрозаводска известно более 20 археологических памятников. В 2013 г. автором статьи было открыто и исследовано на площади 172 кв.м. новое поселение эпохи мезолита Петрозаводск 1. Найдены представлены орудиями из сланца и кварца. Материал памятника типичен для поселений обонежской мезолитической культуры и датируется второй половиной VI тыс. до н.э. по периодизации В.Ф.Филатовой.

Ключевые слова: Петрозаводск, спасательные раскопки, мезолит, стратиграфия, кварцевый инвентарь, обонежская культура.

K. German

State historical-architectural and ethnographical museum-reserve «Kizhi», Petrozavodsk

EXCAVATIONS SETTLEMENT PETROZAVODSK 1 (REPUBLIC OF KARELIA)

The territory, which currently is located in the city of Petrozavodsk, was populated since the stone age. Comfortable sandy beaches, small bays and Straits, where one can find shelter in bad weather, abundance of fish and waterfowl did attractive accommodation in this area during the year. This fact explains a great number settlements of Mesolithic and early metal in the precincts of the modern city. Currently on the territory of Petrozavodsk aware of more than 20 ancient settlements. In 2013, the author of the article was discovered on the area of 172 sq.m. a new mesolithic settlement Petrozavodsk 1. Findings presented guns from oil shale and quartz. Material of the monument is typical for settlements Obonezhye Mesolithic culture and dates back to the second half of the 6th Millennium BC at periodization of V.F.Filatova

Keywords: Petrozavodsk, rescue excavations, Mesolithic, stratigraphy, quartz inventory, Obonezhye culture.

Территория, на которой в настоящее время располагается город Петрозаводск, была заселена человеком, начиная с каменного века. Удобные песчаные берега, небольшие заливы и проливы Онежского озера, где можно было укрыться в ненастную погоду, изобилие рыбы и водоплавающей птицы делали привлекательным проживание в данном районе в течение всего года.

Этим фактом объясняется большое количество объектов археологического наследия – поселений мезолита – раннего металла в данной местности.

Однако несколько тысяч лет назад очертания береговой линии были совершенно другими, чем сейчас. Это связано с остаточным влиянием последнего оледенения, во время которого льды покрывали толстым слоем всю Фенноскандию. После ухода ледника с территории Карелии земная кора начала медленно подниматься, в результате чего самые древние археологические памятники оказались удалены от современного уреза воды на десятки и сотни метров. Например, мезолитические памятники в местечке «Пески» отстоят от современного берега Онежского озера на 300-400 метров, неолитические – на 100-200 метров, энеолитические и эпохи бронзы – на 50-70 метров.

Первые находки каменных орудий с территории г. Петрозаводск известны с конца XIX – начала XX в. и хранятся в собраниях Государственного Эрмитажа и Государственного исторического музея. Первые исследования археологических памятников эпохи камня – бронзового века провел в 1930-х гг. известный советский археолог, автор монографии «История древней Карелии» А.Я. Брюсов. Им был открыт и изучен редкий вид древнего памятника – бронзолитейная мастерская – в устье р. Томица на северной оконечности пос. Соломенное. В 1950-х гг. исследования на территории г. Петрозаводск продолжили Н.Н. Гурина и Г.А. Панкрущев. Ими были открыты и изучены поселения каменного века в черте пос. Соломенное и в местечке «Пески». В 1990-е гг. новые памятники были выявлены в ходе работ карельских археологов К.Э. Германа, А.М. Жульникова и А.М. Спиридонова.

В настоящее время на территории Петрозаводска известно более 20 древних поселений. Они располагаются в черте пос. Соломенное, Бараний Берег, Зимник, местечке «Пески», а также в самом центре города – в парке культуры и отдыха. Выявленные поселения относятся к археологическим эпохам мезолита, неолита, энеолита и бронзового века. Таким образом, древние люди жили в этих местах на протяжении обширного периода примерно с VII по II тысячелетие до нашей эры. В ходе исследования поселений выявлены остатки древних жилищ-полуземлянок, сложенные из камней-валунов очаги, собран многочисленный материал: орудия труда из сланца, кварца и кремня, фрагменты древних горшков, многочисленные отходы, образовавшиеся при изготовлении каменных орудий, обломки заготовок орудий из сланца и многое другое. Стоянки в окрестностях Петрозаводской губы относятся к типичным для Обонежья комплексам разновременных археологических поселений. Это место было столь удобно для проживания первобытных людей, что они селились здесь вновь и вновь на протяжении более пяти тысяч лет. К сожалению, большая часть археологических памятников была разрушена при проведении строительных работ и разработке Соломенского карьера.

В 2013 г. на земельном участке в черте г. Петрозаводск, в 10 м северо-восточнее улицы Береговая, в 150 м от берега Онежского озера, отводимом ООО «Консалтинговая фирма «Балтийский щит» под застройку, был открыт

памятник эпохи мезолита, поселение Петрозаводск 1. Территория земельного участка была сильно повреждена земляными и строительными работами, и нахождение на ней объектов археологического наследия казалось маловероятным. Однако в ходе разведки в шурфе (20 кв. м) после прохождения слоев строительного мусора и пожара был выявлен мезолитический комплекс находок, представленный, в основном, отщепами кварца.

В начале августа 2013 г. владельцу земельного участка необходимо было продолжить работы по проектированию зданий и сооружений на территории участка, что было возможно только после проведения спасательных археологических раскопок поселения Петрозаводск 1. Поэтому было принято решение о проведении исследований всей оставшейся части объекта археологического наследия.

Памятник располагается на ровной площадке высотой 9-10 м над уровнем Онежского озера (42-43 м над уровнем Балтийского моря). Территория представляет собой поляну, закустаренную в центральной части. Северо-восточная часть памятника ограничена склоном древней береговой террасы, северо-западная разрушена глубокой канавой, юго-западная – улицей Береговая, юго-восточная – строительными работами. Общий периметр границы территории объекта археологического наследия составляет 52 м. Площадь территории объекта археологического наследия – 169 кв.м.

В раскопе площадью 152 кв.м, включившим разведочный шурф, была выявлена следующая стратиграфия:

- 1) дерн (луговина) – 4-15 см;
- 2) серый подзолистый песок (1 горизонт) – 16-18 см;
- 3) розово-черный песок – 20-25 см;
- 4) оранжевый углистый песок – 25-30 см;
- 5) черно-серый углистый песок – 20-25 см, в ямах до 55 см;
- 6) материк – бело-желтый песок.

В ходе работ было снято четыре условных горизонта и выбрано 11 ям.

Культурный слой памятника был сильно переотложен и поврежден строительными работами и пожаром. Найдки концентрировались в юго-восточной части раскопа. Не было зафиксировано каменных сложений и ям, которые были бы связаны со временем функционирования поселения.

Характеристика инвентаря (табл. 1).

Каменный инвентарь немногочисленен, но любопытен. Это, в первую очередь, три совершенно разные сланцевых заготовки размерами 7,6x7x4,3 см (рис. 1:1), 13x8,8x4,1 см (рис.1:2) и 8,8x5,5x2,9 см (рис. 1:3). Если первая заготовка представляет собой слегка окатанную гальку со сколами по противоположащим сторонам, то вторая – прямоугольный бруск, расколотый вдоль с короткими вертикальными сколами на одном торце, а третья – дисковидную гальку, полностью оббитую по брюшку и спинке. Также найден редкий для инвентаря мезолитических памятников Карелии нуклеус размерами 11x8,4x10 см под треугольной формы с одной рабочей площадкой.

Среди сланцевых орудий стамеска подпрямоугольной формы с подшлифованной с двух сторон лезвийной частью (рис. 2:1), тесло на отщепе размерами 5,5x2,3x0,9 см подпрямоугольной формы, подпрямоугольной в поперечном сечении с пропилом на спинке с подшлифованной с двух сторон лезвийной частью (рис. 2:2) и обломок полностью зашлифованной лезвийной части тесла (рис. 2:3).

Абразивы представлены двумя шлифовальными плитами из сланца (рис.2:5) и двумя из кварцита, а также пилой из кварцита (рис. 2:4). На развитую технику пиления и шлифования указывают кусок сланцевой гальки с пропилом до середины боковой грани (рис. 2:7) и три обломка со следами шлифования (рис. 2:6,8).

Из лидита представлен только нуклеус подтреугольной формы с одной рабочей площадкой (рис. 1:4).

Из кварца же изготавливались почти все виды артефактов: нуклеусы (рис. 3:7, 8), нож (рис. 3:10), долотовидные орудия (рис. 3:2, 24), резец (рис. 3:15), скребки (рис. 3:1, 3-5, 9, 11-14, 16-18, 20-23, 25, 26) и отщепы с обработкой (рис. 3:19). Все орудия на отщепах средних и мелких размеров.

Скребки из кварца выполнены на отщепах разных размеров, от 3x2x0,5 до 3,5x3x1 см, неправильной формы, с одним лезвием, обработанным мелко – и среднефасеточной ретушью. Долотовидные орудия имеют прямоугольную форму, одно рабочее дугообразное лезвие, оформленное мелкофасеточной ретушью. Резец вытянутой прямоугольной формы относится к типу срединных.

Кремневые изделия представлены скребком подтреугольной формы (кремень серого цвета), подовальным в поперечном сечении, с лезвием, обработанным мелкофасеточной ретушью (рис. 3:6) и отщепом с обработкой (рис. 3:27). Соотношение орудий к отходам производства 11,6% к 88,4%. Соотношение отходов каменного производства по сырью: сланец 1,3%, кварцит 3,5%, кварц 96,2%.

Выводы.

В ходе раскопок поселения Петрозаводск 1 получен материал, типичный для поселений обонежской мезолитической культуры. В общих чертах он сведен с материалами расположенного неподалеку поселения Пески 9. По высотным данным и характеру инвентаря памятник можно отнести ко второй половине VI тыс. до н.э. по периодизации В.Ф. Филатовой [Филатова, 2004, с.75].

Литература

Филатова В.Ф. Мезолит бассейна Онежского озера. Петрозаводск: Изд-во Карельский НЦ РАН, 2004. 420 с.

Таблица 1

Находки из шурфа и раскопа на поселении Петрозаводск 1

Наименование предмета	1 гор.	2 гор.	3 гор.	4 гор.	Шурф	Итого
Тесло, сланец	-	-	2	-	-	2
Стамеска, сланец	-	-	1	-	-	1
Скребок, кварц	1	2	11	-	4	18
Скребок, кремень	-	-	-	-	1	1
Резец, кварц	-	-	1	-	-	1
Долотовидное орудие, кварц	-	-	1	-	1	2
Нож, кварц	-	-	1	-	-	1
Обломок со шлифовкой, сланец	1	-	1	-	-	2
Обломок со следами пиления, сланец	-	1	-	-	-	1
Заготовка орудия, сланец	1	1	1	-	-	3
Пила, кварцит	-	1	-	-	-	1
Нуклеус, кварц	-	1	1	-	-	2
Нуклеус, сланец	-	-	1	-	-	1
Нуклеус, лидит	-	1	-	-	-	1
Отщеп с обработкой, кремень	-	-	1	-	-	1
Отщеп с обработкой, кварц	-	2	-	-	-	2
Шлифовальная плита, обломок шлифовальной плиты, сланец	-	2	1	-	-	3
Шлифовальная плита, обломок шлифовальной плиты, кварцит	-	2	-	-	-	2
Отщепы:	19	58	142	-	-	265
Сланца	1	-	2	-	-	3
Кварца	18	51	139		46	254
Кварцита	-	7	1		-	8
Итого:	22	71	165	-	52	310

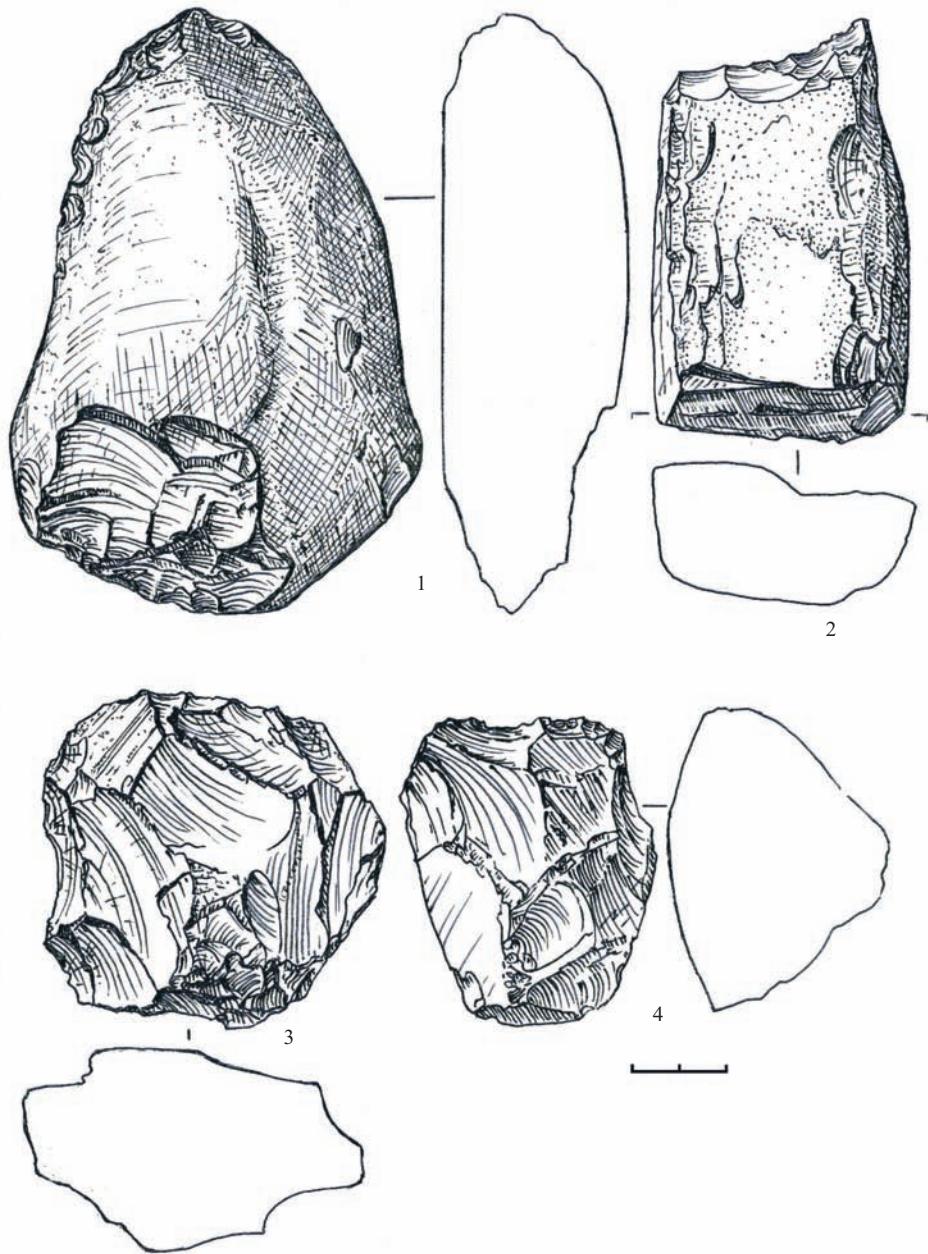

Рис. 1. Поселение Петрозаводск 1, раскоп: 1-3 – заготовки орудия, гор.3, кв. В-2;
4 – нуклеус, лидит.

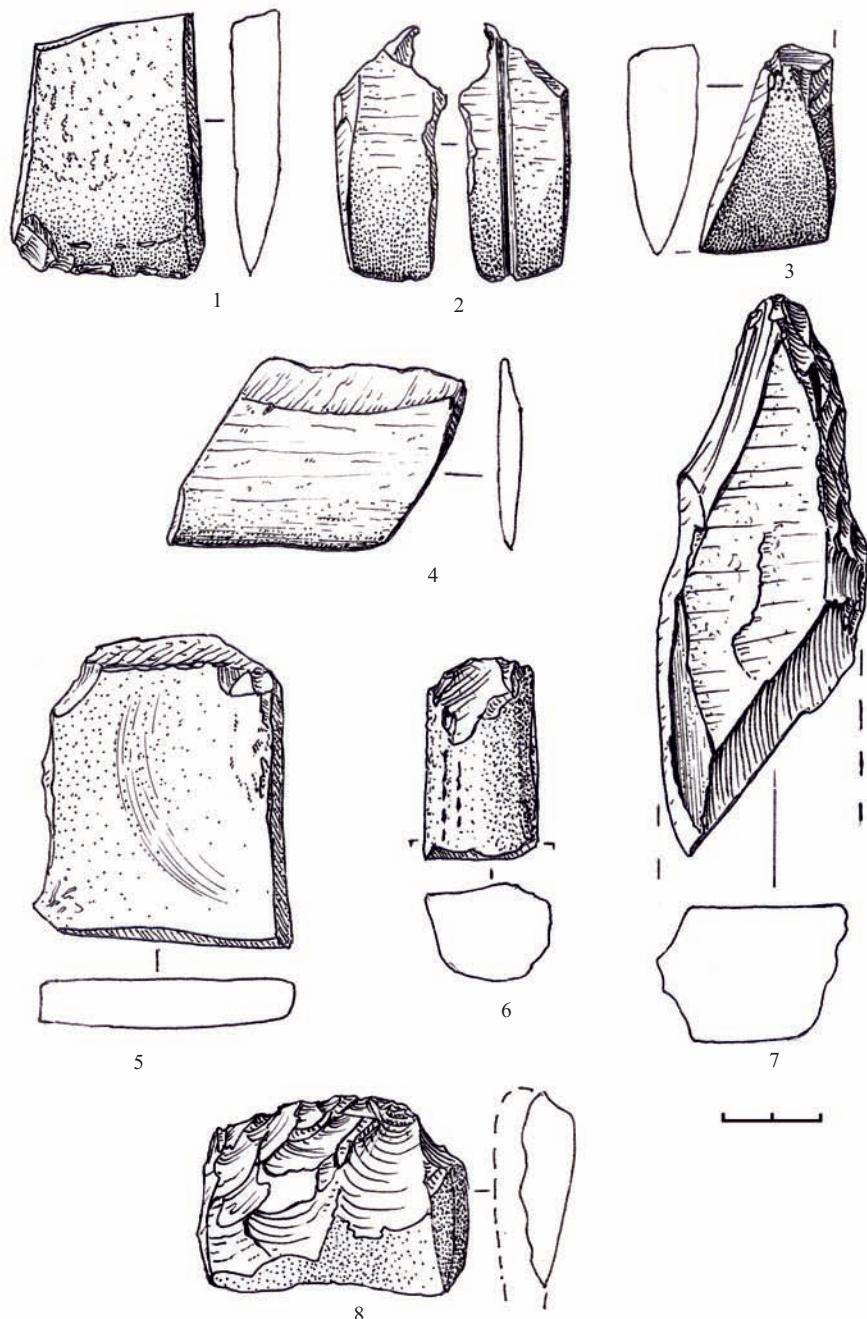

Рис. 2. Поселение Петрозаводск 1, раскоп:
 1 – стамеска, сланец; 2-3 – тесла, сланец; 4 – пила, кварцит;
 5 – обломок шлифовальной плиты, сланец; 6, 8 – обломок со шлифовкой, сланец;
 7 – обломок со следами пиления, сланец.

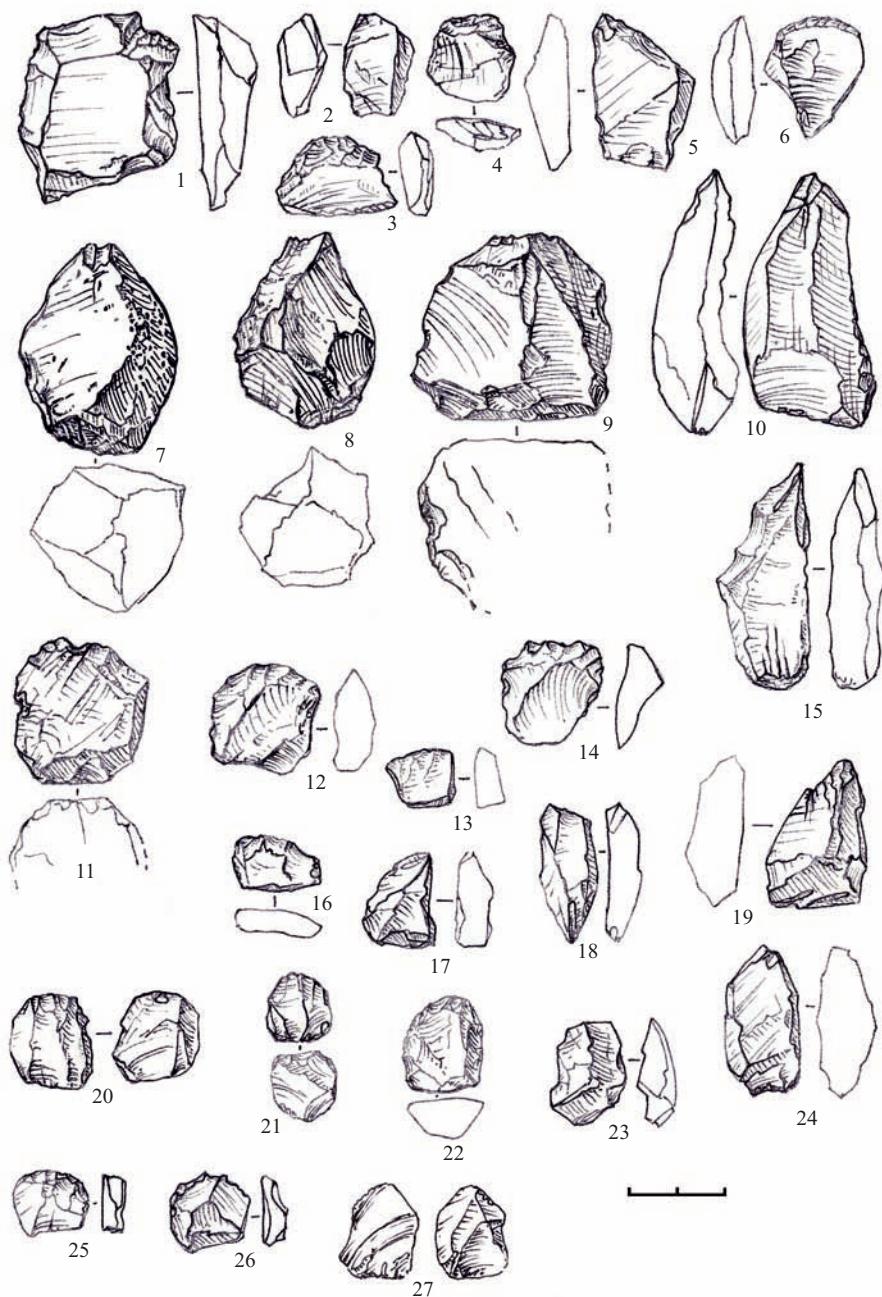

Рис. 3. Поселение Петрозаводск 1.

Шурф: 1, 3-5 – скребки, кварц; 2 – долотовидное орудие, кварц; 6 – скребок, кремень.
 Раскоп: 7-8 – нуклеусы, кварц; 9, 11-14, 16-18, 20-23, 25, 26 – скребки, кварц;
 10 – нож, кварц; 15 – резец, кварц; 19 – отщеп с обработкой, кварц;
 24 – долотовидное орудие, кварц; 27 – отщеп с обработкой, кремень.

М.М. Шахнович

Национальный музей Республики Карелия, Петрозаводск

ОПЫТ ПОИСКА ПИСАНИЦ В ЗАПАДНОЙ КАРЕЛИИ

Писаницы, многочисленные на территории Финляндии, в Карелии не выявлены, и нам неизвестны попытки их специального научного поиска. В 2010 г. начато обследование «перспективных» мест для наскальной живописи в лесных районах Западной Карелии. В южной части озера Пизанец, на восточном береговом склоне среди огромных глыб рухнувшей скалы обнаружен каменный блок с писаницей. Это хорошо узнаваемый стилизованный рисунок лодки с людьми, сделанный красной краской.

Ключевые слова: *писаницы Фенноскандии, сейсмодислокация, наскальное искусство, Западная Карелия.*

M. Shakhnovitch

National Museum of the Republic of Karelia, Petrozavodsk

SEARCHING FOR ROCK PAINTINGS IN WESTERN KARELIA

In Finland, a large number of rock paintings is known. In Karelia, however, rock paintings are not described and, as far as we know, they have not been even looked for. In 2010, we examined places suitable for rock paintings in forests of Western Karelia. A large block containing a rock painting has been found in the southern part of lake Pizannets, on the eastern bank slope, among large pieces of a collapsed rock. This was an easy-to recognize stylized image of a boat with people sitting in it, which was painted with red ink.

Keywords: *Rock Paintings of Fennoscandia, seismic dislocations, rock art, Western Karelia*

Как и остальные регионы Фенноскандии, Карелия входит в зону с традицией наскального искусства, представленной не только петроглифами, но и рисунками. Росписями принято называть древние изображения, нанесённые на поверхность камня каким-либо пигментом вне зависимости от его консистенции [Дэвлет, 2002, с. 43]. Писаницы, столь многочисленные на территории Финляндии, в Карелии – «стране петроглифов» – не выявлены, и нам не известны попытки их специального научного поиска. Хотя опыт финляндских коллег показывает, что активизация целенаправленных работ археологов и волонтёров в этом направлении приводит к положительным результатам. Например, в начале 80-х гг. XX в. в Финляндии были известны 48 местонахождений и около 400 изображений [Miettinen, 1982, p. 14-15], сейчас – более 130 пунктов древних рисунков, что и прогнозировалось специалистами по наскальному искусству Севера Европы [Шумкин, 1990, с. 43].

За последние годы в Национальный музей Республики Карелия поступало несколько сообщений о наскальных изображениях, но при проверке они, к сожалению, оказывались плодами фантазии. В 2010 г. было решено начать обследовать «перспективные» места для наскальной живописи в таёжных

районах Западной Карелии. В качестве консультанта в экспедиции принял участие известный исследователь наскального творчества каменного века из Эстонии Лойт Йыекалда (Loit Jõekalda).

Как пробный «полигон» для отработки поисковой методики не случайно было выбрано озеро, фигурирующее на топографических картах под современным названием «Пизанец». Его скалистые берега очень живописны и эффектны, и кажется, что самой природой они предопределены стать «полотном» для древнего художника.

Очень интересное в геологическом отношении это озеро находится в 31 км к востоку от пос. Суккозеро или в 24 км от пос. Паданы Медвежьегорского района Республики Карелия. Оно располагается в узкой скальной расщелине сейсмического происхождения. Длина озера – 6,0 км, ширина – 0,1 км. Его северный берег в процессе изостатического поднятия сильно поднимается, о чем свидетельствуют остатки древнего русла в самой северной оконечности водоёма, дно которого в месте порога возвышается над современным уровнем воды на 2 м.

На границе преобора и бореала (около 9000 л.н.) в этом районе Карелии произошло катастрофическое землетрясение, что подтверждает радиоуглеродная дата (8920 ± 60 л.н. SU-2824), полученная из органических отложений в болоте на вершине знаменитой горы Воттовааара, находящейся в 28 км к юго-западу от озера [Демидов, 1997; Демидов и др., 1998, с. 29]. Изучение последствий сильных землетрясений в современных сейсмически активных зонах показало, что ярко проявляющиеся в рельфе сейсмические деформации образуются при интенсивности $M=6-6,5$ и выше [Сыстра и др., 2009, с. 434]. Древние землетрясения периода раннего голоцене достигали 7–8 и более баллов [Шаров, 2009, с. 486].

По обоим берегам озера существуют многочисленные сейсмодислокации послеледникового возраста, сейсмообвалы из крупных угловатых глыб, провалы, раздробленные и смешанные скалы, каменистые осыпи высотой до 70 м, высокие каменные столбы и перья. Они создают превосходные отвесные скальные плоскости разной площади, очень удобные для нанесения рисунков. Многие участки отвесных скал покрыты красноватыми окислами.

Первые археологические изыскания на оз. Пизанец проведены экспедицией Карельского государственного краеведческого музея в 2001 г. Тогда был предварительно осмотрен наиболее пригодный для древних стоянок северный берег озера, где обнаружена стоянка каменного века Пизанец I. Она имеет небольшие размеры (200 кв.м). На её территории хорошо прослеживается впадина от углублённого жилища, врезанного в крутой песчаный холм. Из шурфа (1 кв.м) происходят многочисленные кварцевые орудия и отходы производства (всего 214 экз.). На том же берегу можно отметить большое земляное сооружение – яму подпрямоугольной формы размерами 8x10 м и глубиной до 4 м. Скорее всего, это остатки «позднего» ледника. В поисках писаниц в 2010 г. осматривались многочисленные наклонные и вертикальные плоскости открытых скал и ниши под карнизами в

разное время дня при различном световом освещении. Проверялась гипотеза о взаимосвязи скальной основы и изображений, поэтому особое внимание уделялось перспективным местам: «гrotам», вертикальные плоскостям около «необычных» скал, «стенам с козырьками». Расчистка поверхности скал не проводилась. Охристые пятна, недосягаемые без специальных скалолазных приспособлений, рассматривались с помощью бинокля.

Наши усилия увенчались успехом. В южной части озера, на восточном береговом склоне среди огромных глыб осыпи рухнувшей скалы обнаружен крупный обломок каменного блока с писаницей. Расстояние до объекта от с. Сельга – 15,4 км к северо-западу, от пос. Паданы – 23,8 км к юго-западу.

Большое красное пятно выхода охры хорошо видно на сером фоне камня от подошвы осыпи, т.е. с расстояния до 70 м. Оно находится на высоте около 30 м над уровнем озера. Место для рисунка выбрано пропорционально относительно поверхности скального блока. Плоскость с изображением, длиной около 70 см, обращена на запад. Нельзя сказать, что его хотели как-то скрыть. Данное наскальное изображение можно отнести к четвертому типу по А.А. Формозову – на каменных блоках сравнительно небольших размеров [Формозов, 1987, с. 17-18].

Линейный монохромный рисунок красного цвета, традиционно используемого при создании писаниц, сделан на уровне выше человеческого роста, и его нужно было наносить с подставки. Возможно, это желание разместить рисунок на скале с охристым выходом, но на отдельной плоскости и с хорошим обзором снизу. Выгодная солнечная экспозиция и полное освещение в большую часть дня, как отмечают многие исследователи, является одним из общих признаков «не пещерной» скальной живописи.

Это плохо просматривающийся, но хорошо узнаваемый стилизованный профильный рисунок лодки с людьми. «Экипаж» стандартно изображён в виде трёх коротких линейных вертикальных «столбиков», а лодка – как простая изогнутая линия. Кормовой штевень отсутствует. Отметим «серповидный» тип профиля корпуса лодки – «визитная карточка» лодок писаниц Южной Финляндии [Kivikas, 2006]. Приподнятый нос с форштевнем с лосиной или оленьей головой без прорисованных рогов и ушей угадывается слева, но визуально уверенно не определяется. В основном на наскальных изображениях лодок в Фенноскандии изображалась голова лося [Колпаков, 2007, с. 159]. Рисунок выполнен пигментом красного цвета. Судя по цветовой гамме нижней части пятна, вполне возможно, что в состав рецепта краски входила не только охра, но и уголь или жжённая кость [Житенёв, 2012, с. 311]. На писаницах Урала цветовая гамма красного варьировалась в пределах одного изображения [Чернецов, 1964, с. 17]. Нечёткость рисунка не должна нас смущать. Большинство известных писаниц Финляндии, которые мы знаем в основном по обработанным фотографиям, в своём естественном состоянии также очень «размыты».

Изображение лодки с людьми не является оригинальным. Оно повсеместно присутствует в известных скоплениях петроглифического искусства в лесной и тундровой зонах Евразии – от Норвегии до Чукотки. Например, среди

петроглифов Канозера на Кольском п-ве выбивок лодок – 16% от общего числа изображений [Колпаков, 2011], в Залавруге – 44 [Савватеев, 1970, с. 159], а на петроглифах Онежского озера – 7 [Жульников, 2006, с. 21], в Финляндии – 14 [Lahelma, 2008, р. 198].

Писаницы обычно датируются в Финляндии широким периодом от конца V до I тыс. до н. э., но чаще всего соотносятся с культурой типичной гребенчатой керамики [Миеттинен, 1992, с. 26]

Предваряя «здравую» волну скепсиса «кабинетных учёных», отметим, что вполне осознаём неизбежную субъективность визуального наблюдения подобного рода объектов. При всей нашей уверенности в подлинности изображения до проведения дополнительных химических анализов «краски» не будем однозначно говорить об открытии первой писаницы в Карелии. К счастью, памятник не известен туристам, и у нас есть время для повторного исследования.

Несомненно, наша работа носит рекогносцировочный характер и предшествует более подготовленной в плане методологии и экипировки экспедиции. Продолжение работ на оз. Пизанец может дать очень интересные дополнительные результаты, так как многие сотни метров береговых скал осмотрены лишь предварительно. Среди нагромождений камней скальных осипей нередко встречаются полости – своего рода «пещеры». Все исследователи писаниц отмечают, что поиски наскальных изображений требуют многократных осмотров.

В Карелии для поиска писаниц есть и другие перспективные места: многочисленные скальные выходы по живописным берегам как небольших внутренних озёр Западной Карелии, Заонежья, Приладожья, так и крупных водоёмов (озёра Ладожское, Онежское, Куйто, Сямозеро) [Геологические памятники..., 2007]. Поле деятельности для будущих изысканий представляется более чем значительным. Конечно, потребуются годы экспедиций. А пока вопрос о писаницах Карелии остаётся открытым.

Литература

Геологические памятники природы Карелии. Петрозаводск, 2007.

Дэвлет Е.Г. Памятники наскального искусства: изучение, сохранение, использование. М., 2002.

Демидов И.Н. Формирование рельефа горы Воттоваара в ледниковое и послеледниковое время (к проблеме культовых камней-«сейдов») // Археология Севера. Петрозаводск, 1997. Вып. 1. С. 200–203.

Демидов И.Н., Лукашов А.Д., Лаврова Н.Б., Шелехова Т.С., Вяхирев С.А. Палеоэкология и палеосейсмология района горы Воттоваара (Западная Карелия) в поздне- и послеледниковые // Палеоклиматы и эволюция палеогеографических обстановок в геологической истории Земли. Петрозаводск, 1998. С. 28–29.

Житенёв В.С. Новые исследования свидетельства художественной деятельности в Каповой пещере // КСИА. 2012. Вып. 227. С. 306–314

Жульников А.М. Петроглифы Карелии: образ мира и миры образов. Петрозаводск, 2006.

Колпаков Е.М. Петроглифы Канозера: типологический анализ (по состоянию на 2005 г.) // Кольский сборник. СПб., 2007. С. 155–183.

Колпаков Е.М. Петроглифы Канозера и Северной Европы // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. М.-СПб., 2011. Т. I. С. 155–156.

Миеттинен Т. Новые находки наскальных изображений в Финляндии // Древности славян и финно-угров. СПб., 1992. С. 23–29.

Савватеев Ю.А. Залавруга. Археологические памятники низовья реки Выг. Ч. I. Петроглифы. Л., 1970.

Сыстра Ю.Й., Спунгин В.Г., Сыстра И.Ю. Сейсмичность Фенноскандинавского щита и изучение новейших движений по палеосейсмодислокациям // Геологические опасности. Архангельск, 2009. С. 433–437.

Формозов А.А. Наскальные изображения и их изучение. М., 1987.

Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала // Археология СССР. Свод археологических источников. В4-12. М., 1964.

Шаров Н.В. Глубинное строение и сейсмичность Карельского региона // Геологические опасности. Архангельск, 2009. С. 484–489.

Шумкин В.Я. Новые наскальные изображения Северной Фенноскандии и старые проблемы их изучения // КСИА. Вып. 200. М.: Наука, 1990. С. 39–44.

Kivikas P. The Rock Paintings of Finland // In situ. СПб., 2006. С. 110–130.

Lahelma A. A Touch of Red: Archaeological and Ethnographic Approaches to Interpreting Finnish Rock Paintings. ISCOS. 15. Helsinki, 2008.

Miettinen T. Pictures of Finnish Rocks. Helsinki, 1982.

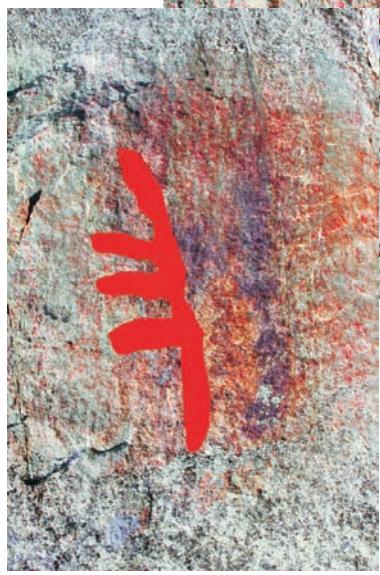

Рис. 1. Писаница на оз. Пизанец. Фото М. Шахновича, 2010 г.
К статье М.М. Шахновича «Отыт поиск писаниц в западной Карелии».

В.Н. Широков

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург

ПЕЩЕРНОЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО УРАЛА И ФРАНКО-КАНТАБРИИ: ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ

В статье сопоставляются южноуральские и западноевропейские пещеры с настенными изображениями верхнего палеолита. Краткое сравнение осуществляется по параметрам, связанным с размещением древних рисунков, их темам, иконографиям и стилям. Делается вывод, что украшенные пещеры двух центров палеолитического пещерного искусства очень близки между собой, настолько, что это невозможно объяснить с позиций конвергенции. По мнению автора, в основе такого сходства лежат определённые периоды верхнего палеолита, когда на огромных просторах Северной Евразии существовали сходные природные условия, благоприятные как для передвижения людей, так и для передачи или обмена технологий, идей и стилей. Распад позднеграветтского единства обусловил феноменологическую общность пещерного палеолитического искусства от Атлантики до Урала, и южноуральский центр пещерного палеолитического искусства имеет в своих истоках западноевропейскую изобразительную традицию.

Ключевые слова: пещерное палеолитическое искусство, верхний палеолит Урала, пещеры Каповая (Шульган-Таш), Игнатиевская (Ямазы-Таш) и Серпневская 2 (Колокольная), граветт, Франко-Кантабрия.

V.N. Shirokov

*Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg*

URALIC AND FRANCO-CANTABRIAN PALEOLITHIC CAVE ART: AN ATTEMPT OF COMPARISON

The article compares Upper Paleolithic cave paintings from the southern Uralic region to those from the Western Europe. The criteria of the brief comparison include the locations of the paintings, their sceneries, iconography, and styles. The comparison seem to show that the cave paintings from the two centers of the cave art are so close to each other that this cannot be explained by a simple converging. It can be supposed that the similarities emerged due to migrations and the exchange of technologies, ideas, and artistic styles that were enabled by favorable natural environments throughout the large expanses of the Northern Eurasia in certain periods of the Upper Paleolithic. The disintegration of the late Gravette unity has left the phenomenological unity of the Paleolithic cave art expanding from the Urals till Atlantic. Therefore, the southern Uralic center of the Paleolithic cave art emerged from the Western European art tradition.

Keywords: the Paleolithic cave art, the Upper Paleolithic of the Ural, the Capova cave (Shul'gan-Tash), the Ignatievskaya cave (Yamazy-Tash), Serpievskaya 2 (Kolokol'naya), Gravette, Franco-Cantabrian.

На Урале есть три пещеры с верхнепалеолитическими изображениями – Каповая (Шульган-Таш), Игнатиевская (Ямазы-Таш) и Серпневская 2 (Колокольная). Напомню кратко их основные характеристики.

Каповая пещера находится в юге Башкортостана, на правом берегу южной излучины р. Белой. Протяжённость трёх ярусов пещеры более 2 км. Древние рисунки дислоцированы на среднем и верхнем этажах, между которыми провал высотой около 14 м.

На верхнем этаже находится Зал рисунков, его стены украшают два больших панно – Западное и Восточное.

На Восточном панно сохранилось восемь фигур, расположенных в три яруса (здесь и далее мы учитываем только результаты работ экспедиции В.Е. Щелинского). В двух верхних нарисованы четыре мамонта, две лошади и носорог. Звери изображены натуралистично, многие из них с четырьмя ногами, их контуры обрисованы линией красного цвета, немного расплывшейся.

Мамонты хорошо узнаваемы. У них крупные куполообразные головы, отделённые от характерного вислозадого туловища шейными перехватами. У всех нарисован опущенный вниз хобот, у двух показаны бивни [Любин, 1991, с. 20-40]. Крупная центральная «лошадь Рюмина» (названная по имени её первооткрывателя А.В. Рюмина) типична для палеолитического искусства: у неё массивный корпус, приострённая морда, «воздвигнутая» грива и отвислое брюхо. Носорог изображён внушительным и тяжеловесным, с одним рогом, внутренняя поверхность его туловища расчерчена линиями, как и находящегося под ним знака в виде трапеции с «ушками».

Все животные на Восточном панно, за исключением одного мамонта, названного «диссидентом», обращены головой влево. Облик «диссidenta» отличается от облика других животных в этой группе впалым, аркообразным животом и более «жёстким» контуром, тогда как животы остальных зверей выпуклые, а очертания их контуров «смягчены».

На Западном панно четыре фигуры воспроизведены примерно на одном уровне – один бизон и три мамонта. Все они нарисованы идущими влево друг за другом. Первый слева в этой цепочке бизон. Его туловище показано в профиль, изображены два рога в «скрученной» перспективе и четыре ноги. За ним следуют два мамонта, туловища которых, как и у бизона, очерчены контурной линией. Замыкает процессию мамонт с тонированным корпусом и головой. Ни у одного из этих мамонтов нет бивней. Отличие их между собой касается способа передачи животов: у крайнего справа животного он слегка выпуклый, у двух других он вогнутый, как у «диссidenta».

На среднем ярусе рисунки начинаются в Купольном зале, где преобладают фрагменты разрушенных эрозией фигур зверей и знаков. Есть остатки трапеций с «ушками» и расчерченным внутренним пространством. В следующем за ним зале Знаков, на левой стене преобладают геометрические фигуры: есть трапеции и прямоугольники с «ушками» и без них, с вертикально расчерченным внутренним пространством, два вложенных треугольника, овал и другие,

менее чёткие, символы. После мощной глыбовой осыпи в зале Хаоса, на правой стене видна прекрасная группа рисунков из двух лошадей и четырёх знаков, два из которых – трапеции с «ушками» и вертикальными линиями внутри них. Лошади очень натуралистичны и выразительны. У них по четыре ноги, передающих движение, с хорошо проработанными копытами, отвислые животы, маленькие приострённые морды и пышные, «воздвигнутые» гривы. Изображения, расположенные друг над другом, разделены знаком. Лошадь вверху крупнее и с более длинным хвостом. В оформлении её морды использована чёрная краска, у той, что ниже – морда и грива оконтурены тонкой чёрной линией. Чёрные параллельные линии покрывают и её туловище. В левой части панно частично расчищена фигура, напоминающая антропоморфную.

Далее, в глубине пещеры, на верхней наклонной стене расселины находится большая группа знаков – четырёхугольники с «ушками» и без них, треугольники, лесенкообразный мотив, а также пятна, овалы и отрезки. Высоко над ними, над аркой отчётливо изображено зоантропоморфное существо. Его контурное туловище с вогнутым животом, согнуто под углом 45°. У существа голова мамонта, передние конечности раздвоены внизу, задние конечности и хвост лошадиные. Над этим композитным персонажем когда-то был ещё один рисунок, намного превышающий его по размерам, но почти уничтоженный из-за непродуманной расчистки. Остатки фигуры напоминают мамонта, или, скорее, лошадь.

При раскопках найдено около 200 каменных изделий. В орудийном наборе преобладают пластины с ретушью, острия, скребки, выемчатые формы, пластинки с притупленным краем, есть обломок граветтийского остряя. Среди обнаруженных украшений три цилиндрические и одна плоская бусины из серпентинита, две небольшие плоские округлые бусины из бивня. Костяные изделия представлены скреблом и шилом. Уникальной находкой можно считать светильник из обожжённой глины диаметром около 6 см. Куски охры, найденные в раскопе, свидетельствуют об изготовлении в этом месте красок, а небольшой блок известняка с изображением, отпавший от стены, позволяет синхронизировать рисунки на стенах и культурный слой. При помощи радиоуглеродного анализа угля из очагов получены следующие даты: 13930 ± 300; 14680 ± 150; 13990 ± 130; 15050 ± 100; 16010 ± 100 [Ščelinskij, Širokov, 1999, s. 17-85].

Игнатиевская пещера находится в северо-западных предгорьях Южного Урала, на правом берегу р. Сим – притоке р. Белой, примерно в 200 км севернее Каповой пещеры. Подземная полость просторная и горизонтальная, протяжённостью более 600 м, имеет четыре основных отдела: Входной грот, Основной коридор, Большой зал и Дальний зал. Древние изображения обнаружены только в Большом и Дальнем залах, более чем в 120 м от входа.

Среди изображений животных в Большом зале доминируют мамонты: их пять, если учитывать все спорные и плохо сохранившиеся фигуры. Есть еще рисунок лошади и мотив, напоминающий схематичное воспроизведение лошадиной головы.

Бестиарий Дальнего зала представлен фигурами животных и фантастических созданий: красный носорогоподобный зверь, два чёрных мамонта, составленные животные – одно с туловищем лошади и головой быка, другое – с туловищем верблюда в профиль и мордой-маской в анфас, мамонтообразное существо, и три лошади, одна из которых изображена без головы, а вторая без живота и ног.

Антропоморфные изображения встречены только в Дальнем зале. Выполнены они схематично, в линейной манере (так называемые «палкообразные» фигуры). Несмотря на крупные размеры, фигура женщины стилистически близка мужскому существу чёрного цвета. Его же отличают согнутые в локтях и опущенные на пояс руки и три небольшие чёрточки над головой. К антропоморфным относится и рисунок «фантома». В Большом зале имеется «авиаформа», которую отдельные исследователи относят к антропоморфным мотивам.

Практически на всех образных фигурах Игнатиевской пещеры лежит отпечаток схематизма, статичности и стилизации. Рисунки животных в Большом зале выполнены тонированным силуэтом. Все животные примерно равных размеров, длиной от 20 до 30 сантиметров, натуралистичнее других выглядит первый мамонт у входа в Большой зал. В воспроизведении зверей заметны различия, в частности, у одних показаны четыре конечности, у других каждая их пара передана одной линией.

В Дальнем зале все рисунки зверей контурные, хотя у некоторых отмечается незначительная тонировка – задней части красного носорогоподобного зверя, головы чёрного мамонта на Красном панно и, возможно, всей поверхности одного чёрного мамонта на Чёрном панно. Хотя чёрные фигуры животных Дальнего зала кажутся более выразительными и натуралистичными, им также присущи определённые схематизм и статичность. Движение ощущается только в рисунке чёрного мамонта на Красном панно по характерному положению его ног. У всех зверей чёрного цвета показано по две конечности – передняя и задняя, за исключением фантастического существа, напоминающего мамонта на Чёрном панно. Размеры животных в Дальнем зале значительнее, чем в Большом: длина чёрных рисунков варьирует от 0,3 м до 1,3 м, красный же «носорог» вообще выглядит «монстром», достигая 2,3 м длины.

Среди красных знаков важное место занимают пятна (не фрагменты разрушенных фигур), как отдельные так и их совокупности. Они могут группироваться без видимого порядка, располагаться пунктирными линиями или образовывать полуокружности, дополнять образные произведения. Не менее многочисленны линии вертикальные или горизонтальные, иногда наклонные, прямые или слегка изогнутые. Они чаще всего встречаются сериями, располагаясь субпараллельно друг другу. Многие из них приурочены к стенным нишам. В одной из ниш Большого зала отмечена клавиформа, а в Дальнем зале на Красном панно необычны два крестообразных знака. Имеются также волнистые линии («серпентiformы»), включающие от двух до семи изгибов, и два острия, или стреловидных знака. Оригинальные нефигуративные мотивы в

виде круга, обрамлённого с трёх сторон овальными отрезками, получившие название «след носорога», встречаются в двух местах Большого зала, есть один трезубец.

Знаки чёрного цвета более разнообразны. Среди них практически отсутствуют пятна, за исключением двух, имеющих спиралевидную структуру. Одиночные линии редки, чаще они встречаются субпараллельными группами, но их меньше, чем красных. «Серпентiformы» шире, чем красные, и количество изгибов у них не превышает двух или трёх. Трижды отмечены стреловидные формы, но их «черешок» длиннее такого же элемента у аналогичных красных знаков. Остальные чёрные знаки встречены в единичных экземплярах и не находят подобий среди красных: якореобразный и лесенкообразный мотивы, треугольник, расчерченный параллелограммом и овал.

В количественном отношении красных знаков больше, но репертуар чёрных знаков богаче и состоит из более сложных форм. Различия в составе красок, ширине красочных линий и стиле рисунков, пример наложения красной краски на чёрную, позволяют считать ансамбль росписей разновременным.

В коллекции каменных изделий преобладают скребки, ретушированные пластины, резцы, долотовидные орудия, зубчатые и выемчатые формы. Выразительную серию составляют пластинки с притупленным краем, в том числе с обработанным концом, есть микроострия. Украшения представлены двумя подвесками, сделанными из клыка песца и зуба бизона, и двумя мелкими, округлой формы плоскими бусинами из бивня. Такие же бусы есть и в коллекции из Каповой пещеры. Три ^{14}C даты по уголькам из культурного слоя Большого зала уточняют время создания декораций Игнатиевской пещеры: 14240 ± 150 (СОАН-2209); 13335 ± 193 (ИЭМЭЖ-365); 10400 ± 465 (СОАН-2468) [Петрин, 1992; Petrin, Sirokov, 1991; Scelinski, Širokov, 1999, s. 86-133; Широков, 2013]. Имеющиеся прямые датировки чёрных рисунков [Steelman, Row, Shirokov et al., 2002, pp. 341-348.], на мой взгляд, омоложены [Широков, 2006, с. 99-105].

Серпневская 2 карстовая полость характеризуется четырьмя условными залами и двумя кольцевыми ходами, общей протяжённостью около 180 м. Рисунки отмечены в девяти местах: на стенах полости и в одном случае на крупном блоке известняка. Все они выполнены красной краской, сохранность их неудовлетворительная. Нефигуративные изображения представлены группами субпараллельных линий, овальными пятнами и шалашевидной фигурой. Анималистических рисунков два: схематичная фигура северного оленя и голова зверя, напоминающего как копытных, так и псовых. Этот рисунок находится в окружении красочных пятен аналогично некоторым композициям из Игнатиевской пещеры, особенно на Красном панно Дальнего зала. Как и многие рисунки Игнатиевской пещеры, анималистические мотивы выполнены в манере «абсолютного» профиля.

Фауна мелких млекопитающих из слоя с угольками в раскопе внутри Серпневской 2 пещеры аналогична фауне из культурного слоя Игнатиевской пещеры, что позволяет существенно сблизить во времени функционирование

этих двух подземных святилищ [Петрин, Широков, Чайкин, 1990, с. 7-20; Косинцев, Кузьмин, Нохрина и др., 2011, с. 100-102].

Помимо красочных рисунков в Серпиевской 2 обнаружены гравировки. На естественном стенном выступе известняка, имеющего сходство с головой кошачьего, видны хаотично нанесённые линии и несколько многорядных зигзагов.

Знакомство с материалами Каповой и Игнатиевской пещер оставляет впечатление о различии между ними [Широков, 1998, с. 132-134]. Сходство наблюдается в расположении изобразительных ансамблей в крупных карстовых полостях, преобладании мамонтов и лошадей среди воспроизведённых видов животных, а также в обивке стен. Предположительно, учитывая две ранние даты для культурного слоя Каповой пещеры, рисунки в ней старше, чем в Игнатиевской пещере. Отличие наборов нефигуративных мотивов может информировать о специфике оставивших их групп людей.

Репертуар Серпиевской 2 пещеры существенно отличается от такового в Каповой, где нет ни групп субпараллельных линий, ни воспроизведений северного оленя и отдельных голов зверей. И хотя по набору видов животных пещеры Серпиевская 2 и Игнатиевская также различаются, однако присутствие общих групп знаков и воспроизведение животных в стиле «абсолютного профиля» сближает их ансамбли. Они весьма близки и по времени создания и их использования.

Коллекции каменных изделий Каповой и Игнатиевской пещер имеют определённое сходство. П.Ю. Павлов относит индустрии обоих памятников к материалам выделенной им уральской археологической культуры. По мнению исследователя, её ареал в период существования от примерно 20 до 9,5 тысяч лет назад охватывал территорию от р. Печора на севере до р. Белая на юге, а генезис связан с мелкопластинчатыми индустриями Северной Азии [Павлов, 2009, с. 32-33].

Однако вопрос о генезисе уральской верхнепалеолитической культуры не вполне ясен. До конца XX в. предположения строились, в основном, на материалах Островской стоянки им. Талицкого, которая является одной из самых известных и наиболее изученных стоянок этого периода под открытым небом. Долгое время именно её материалы определяли суждения специалистов об облике материальной культуры уральского населения в позднем палеолите [Щербакова, 1994].

Одни исследователи (М.В. Талицкий, М.В. Воеводский, А.Х. Халиков, З.А. Абрамова, О.Н. Бадер), анализируя материалы стоянки Талицкого (радиоуглеродный возраст 18700 ± 200) относили её к сибирскому палеолиту; другие (П.П. Ефименко, А.В. Рогачев, А.А. Формозов) считали её облик европейским. Т.И. Щербакова, детально изучавшая материалы стоянки, находила близкие им аналогии не только в Сибири, но и в инвентаре стоянок городцовской культуры Среднего Дона. Аналогичная точка зрения высказана и на страницах свода «Палеолит СССР» [Палеолит СССР, 1984, с. 186]. Самые существенные отличия Островской стоянки от памятников Восточной Европы заключаются, по

мнению многих исследователей, в отсутствии резцов. Теперь, после открытия стоянки Шированово II [Макаров, Павлов, 2007, с. 7-21], этот критерий не может быть применим к «сибирской» специфике уральской культуры.

Некоторые специалисты считают, что Урал в конце плейстоцена не являлся существенным барьером для перемещения людей и вещей по обе стороны от него. С.А. Васильев подтверждение этому видит в европейских чертах комплекса стоянки Черноозерье II в Приртышье, где господствует техника «сколы-вания призматических пластинок... Доминируют скребки, пластиинки с ретушью, резцы, выемчатые орудия. Не находит аналогий в материалах и специфический набор орудий и украшений из кости». Этот комплекс «носит ярко выраженный европейский характер и резко контрастирует с известными на Алтае, Енисее и Ангаре комплексами» [Васильев, 1990, с. 83-84]. Согласно мнению Г.П. Григорьева, «Урал... был не границей между верхнепалеолитической Европой и Сибирью, а областью, где (видимо, в разное время) обитали и носители сибирского палеолита и проникавшие туда группы европейского населения» [Григорьев, 2001, с. 120-121]. Среди характерных черт палеолита Сибири исследователь называет «...плоские ядрища и признаки, выраженные количественно. В сибирском палеолите мало памятников с резцами и мало памятников с пластинками с притупленным краем» [Григорьев, 2001, с. 153].

Многие авторы отмечают, что с начала сартанского периода от Приуралья (стоянка Талицкого, Постников овраг в Поволжье) до Прибайкалья (стоянка Мальта) появляются памятники, схожие между собой мелкими размерами орудий, преобладанием призматической техники расщепления, использованием широкой сырьевой базы, и связанные с мамонтовой фауной [Абрамова, 1975, с. 19-23; 1989, с. 145-243; Зенин, 2002, с. 22-44; Деревянко, Молодин, Зенин и др., 2003; Макаров, 2008, с. 188-199]. Правда, в вопросе об их происхождении мнения специалистов расходятся.

Нам близка позиция исследователей, сближающих такие памятники, как Мальта и Буреть с восточным граветтом. На европейский облик сибирских стоянок указывали П.П. Ефименко в 1953 г. и А.П. Окладников в 1968 г. Позднее об этом писал М.В. Аникович (1999), убедительно обосновывая сходство памятников малтинской археологической культуры с костенковско-виллендорфской культурой (или поздней фазой граветта) по таким признакам, как домостроительство, структурные элементы поселения, костяной инвентарь, украшения, искусство, включающее знаменитых «венер». В итоге автор приходит к следующему заключению: «...чем больше мы узнаём о палеолите Сибири, тем ярче вырисовывается УНИКАЛЬНОСТЬ (так у автора – В.Ш.) малтинской АК, тем более выглядит она на общем культурно-историческом фоне региона «белой вороной». Это особенно заметно сейчас, когда мы знаем о палеолите Северной Азии несравненно больше, чем в шестидесятые годы (не говоря уже о тридцатых)... Таким образом, я решительно поддерживаю миграционную версию и полагаю, что сейчас можно указать точные её корни: виллендорфско-костёнковскую АК! Перенесённые на такое громадное расстояние,

культурные традиции сильно изменились, – в достаточной степени, чтобы говорить о самостоятельной, мальтинской АК, но, к счастью, не настолько, чтобы не узнать её прародительницу» [Аникович, 1999, с. 81].

Эту точку зрения поддерживал Н.Ф. Лисицын. По его мнению, стоянки Мальта, Ачинская, Тарачиха, Афанасьевка гора и Шленка возрастом около 20–18 тысяч лет, образуют единство, отличное от палеолитических памятников Сибири: «В основе каменной индустрии стоянок лежит техника отделения с небольших галечек мелких тонких пластинок, из которых изготавливались орудия. Инвентарь: мелкие пластинки с притупленной спинкой, пластинки с усечённым и ретушированным концом, пластинки с выемками, атипичные острия, проколки, концевые и округлые скребки. Есть группа скребков высокой формы на небольших массивных отщепах. Резцы немногочисленны, единичны скребла, галечные орудия. Нет крупных остроконечников, долото-видных форм... Енисейские стоянки с мелкой пластинчатой индустрией вместе с Ачинской, Островской стоянками образуют круг памятников, отражающих поздний этап мальтинско-буретской культуры. В эту группу следует включить и Томскую стоянку, материалы которой близки стоянке Талицкого... Аналогии подобным комплексам можно найти на Русской равнине среди инвентаря поселений «граветтоидного» пути развития» [Лисицын, 1999, с. 123-124].

Как считает исследователь Каповой пещеры В.Е. Щелинский – «культурная атрибутика археологического комплекса святилища Шульган-Таш вполне отчётливая. Это типичный верхний палеолит, какой можно встретить, например, к западу от Урала на Восточно-Европейской равнине. В комплексе представлены орудия на нормальных пластинах, хорошо выражен микроинвентарь в целом позднеграветтийского облика... Факт наличия в комплексе украшений из раковин ископаемых моллюсков, больше всего известных в Поволжье и Прикаспии, позволяет думать о возможных связях верхнепалеолитических культурных традиций святилища Шульган-Таш в первую очередь с этими регионами» [Щелинский, 1997, с. 34].

Мы также отметим, что некоторые признаки каменного инвентаря уральской культуры присущи индустриям позднего граветта и эпиграветта Восточной Европы. Это касается пластинок с притупленным краем и обработанным концом, а также микроострий с притупленным краем. В Зауралье известна стоянка Шикаевка II со специфическим набором артефактов, включающим геометрические изделия, в том числе и микролиты [Петрин, Смирнов, 1975, с. 75-85]. Многие специалисты истоки этой индустрии склонны были видеть в материалах янгельской культуры. Однако имеющаяся ¹⁴C дата 18050±95 (СОАН-2211) [Зенин, 2002, с. 22-44] скорее свидетельствует о граветтийских истоках этой традиции. В павловскую фазу близкие изделия составляют устойчивую серию [Svoboda, 2004, с. 283-297; tabl.2; Bosinski, 1990, р. 147]. Геометрические микролиты отмечены и на верхнепалеолитической стоянке в пещере Байсланташ [Котов, 2004, с. 36-55] на Южном Урале. Кроме того, если принять точку зрения на происхождение уральской культуры

только от памятников «сибирского» облика, трудно объяснить феномен декорированных верхнепалеолитических пещер Южного Урала, близких европейским пещерным святилищам с настенным искусством.

На вопрос об истоках феномена верхнепалеолитических изобразительных ансамблей Южного Урала давались разные ответы. О.Н. Бадер считал появление росписей в Каповой пещере конвергентным, независимым от западноевропейского центра «украшенных» пещер явлением [Бадер, 1965, с. 23].

В.Е. Щелинский не касался этого вопроса в своих публикациях [Щелинский, 1987, с. 5-16; 1990, с. 47-55; 1997, с. 29-38; 2001, с. 33-53; Ščelinskij, Širokov, 1999]. В.Т. Петрин предположил, что создатели росписей южноуральских подземных галерей были в приатлантических пещерах [Петрин, 1992, с. 157]. З.А. Абрамова находила много общего между материалами Каповой пещеры и западноевропейскими. Однако от каких-либо выводов она воздержалась, считая решение этого вопроса уделом будущего [Абрамова, 1997, с. 52-55]. Попробуем сравнить пещерные памятники Урала и Франко-Кантабрии между собой, насколько это позволяет формат статьи.

В Каповой и Игнатиевской пещерах рисунки мамонтов и лошадей наиболее многочисленны. К концу XX в. насчитывали более 400 изображений мамонтов в палеолитическом искусстве Евразии (настенное и мобильное искусство вместе). Известно более 40 пещер с фигурами мамонтов во Франко-Кантабрии [Bosinski, 1999, с. 139-166], около 15 изображений – на Урале, в Каповой и Игнатиевской пещерах.

Техника изображений в пещерах чаще представлена гравировкой, а также пальцем или палкой по мондмильху. Красочные рисунки выполнены красным и чёрным цветом. Красных изображений немного – в Эль Кастильо, Пиндель (Испания), Большом Гроте в Арси-сюр-Кюр (Франция) и некоторых других. Можно найти и детализированные воспроизведения, и простые сокращённые мотивы в форме характерных спинных линий или частичных контуров, как например, в Комбарель.

Изображения мамонта есть во все периоды палеолитического искусства. Для периода 30–20 тысяч лет назад имеются многочисленные рисунки мамонтов. Все эти стилизованные фигуры с глубоко опущенным задом, куполообразным черепом, часто с негабаритными ногами, были датированы или отнесены к граветту или солютре. Для этого же времени есть необычные рисунки мамонтов в Пэр нон Пэр, Арси-сюр-Кюр и Шове [Bosinski, 1999]. Тогда же зарождается характерная стилистическая черта воспроизведения зверей – с удлинёнными ногами и параболическим животом. Такую манеру моделировки линии живота называют также «центральной аркой» или «копытом лошади», – стилистика, характерная для пещер ущелья Ардеш (Шабо, Фигье, Ле До-Увертюр), регионов Дордонь и Перигор (Жовель, Ля Грез) и Лот (Пеш-Мерль, Куњяк, Рукадур) [Clottes, 1995, р. 112-113]. Для периода 20-12,5 тысяч лет назад известно больше всего изображений мамонтов. По стилистике выделяются две группы. Первая древняя и наиболее многочисленная – обычные

животные с натуралистическими чертами: такие фигуры есть в Руффиньяк и Фон де Гом, датируемые временем 18-14 тысяч лет. Рисунки Каповой пещеры также принадлежат этому временному интервалу. Интересно, что в Каповой пещере многие мамонты сохраняют черты западноевропейской стилистики предшествующего периода: у них массивные куполообразные головы, глубокие шейные перехваты, вислозадость, у трёх вогнутые животы в видеentralной арки. Однако воспроизведения мамонтов в Каповой пещере с четырьмя ногами в движении сближают их с мадленскими рисунками.

Вторая, поздняя группа изображений во Франко-Кантабрии как будто не имеет описанных форм и особенностей, а показывает каждое животное индивидуально, в различных позах и движениях. Мотивы этой группы лучше представлены в гравировках переносного искусства [Bosinski, 1999, s. 139-166]. Мамонты красного цвета из Игнатиевской пещеры в большей степени соответствуют характеристикам второй группы фигур из Франко-Кантабрии, однако, в отличие от них, они крайне схематизированы, их туловища выполнены тонированным силуэтом. Чёрный контурный мамонт на красном панно Дальнего зала показан в движении, но у него лишь две конечности, а линия живота почти прямая (рис. 1).

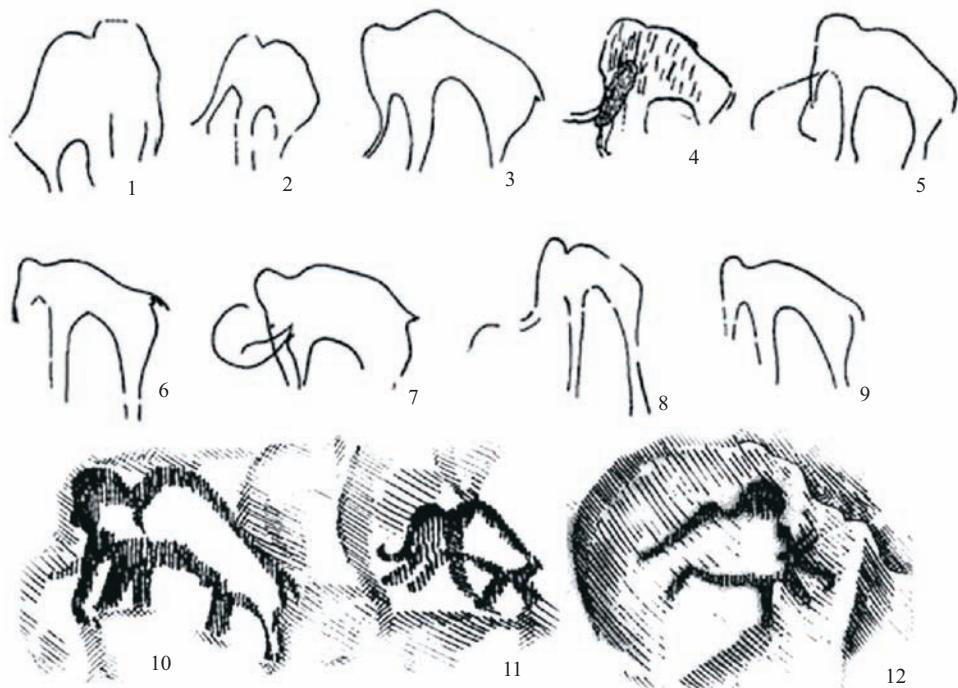

Рис. 1. Изображения мамонтов с животами в стиле «центральная арка» из пещер: 1-2 – Шабо; 3 – Шове; 4 – Пеш-Мерль; 5 – Куньяк; 6-7 – Рукадур; 8 – Ля Грез; 9 – Жовель (по Combier, Delluc, Glory, Lorblanchet); 10-12 – Каповая пещера (по В.Е. Щелинскому).

В пещерах Западной Европы имеются рисунки мамонтов с фантастическими чертами. Такие образы порождены не природой, а человеческим воображением. В центральной части декораций пещеры Шове среди панно львов начертаны необычные маленькие существа с головой мамонта, с маленьким коротким хоботом. Есть фигура с вытянутым в длину телом, мало похожим на туловище мамонта. У животного нет хвоста, четыре длинные конечности заканчиваются округлыми утолщениями. Известны фантастические мамонты из Бом Латрон [Bosinski, 1999, s. 139-166]. На этом фоне не выглядит инородным мамонтообразное существо чёрного цвета из Дальнего зала Игнатиевской пещеры.

Что касается изображений лошади, то по количеству они находятся на первом месте – всего более 1000 (настенные и мобильные произведения вместе). Изучение иконографии их рисунков выявило важные стилистические характеристики. Например, для граветтийских фигур отмечают тенденцию к удлинённым головам, в то время как у солютрейских лошадей наблюдаются уменьшенные головы, а в мадлене фигуры лошадей имеют сначала тенденцию к крошечным головам, переходящим затем в натуралистичные.

На некоторых плечевых частях рисунков видны полосы, напоминающие зебровидную окраску (например, в Экаин, Эббу). Эту особенностьDarwin заметил ещё у живших в его время особей диких лошадей [Bahn, Vertut, 1997, p. 141-142]. Любопытно, что туловище одной из красных лошадей в Каповой пещере покрыто линиями чёрного цвета!

Лошадь имела огромное культурное значение для людей верхнего палеолита в Западной Европе. Известен пример, когда зубы и кости этого животного были найдены в мадленских очагах в глубоких пиренейских пещерных святилищах – Лабастид и Эрберуа. Особенно впечатляет их присутствие около очагов на мадленской стоянке под открытым небом Пинсеван около Парижа, поскольку остатки северного оленя достигают там почти 100%. В Дурути (Лэнд), вырезанные фигуры лошадей были найдены в своего рода «прибежище лошади», датированном около двенадцатого тысячелетия до н.э. Самая большая фигура из песчаника покоялась на двух черепах и фрагментах челюстей лошади, и три кулона в виде лошади находились в непосредственной близости от них [Bahn, Vertut, 1997, p. 141-142].

В древнюю фазу средней поры верхнего палеолита в Западной Европе (около 30–22 тыс. л.н.) с культурным контентом граветт – солютре изображеные лошади имеют круглые формы с пропорционально утончёнными конечностями. Край их морд заострён, а грива производит впечатление головного убора в виде капора. Такая морфология головы получила среди специалистов знаменитое название «ключ утки», а приём стал считаться характерным для изображений лошадей средней поры верхнего палеолита.

Все лошади и в Каповой, и в Игнатиевской пещерах контурные, красного и чёрного цветов. В Каповой пещере все они, как говорилось выше, имеют пышные «воздвигнутые» гривы и узкие морды, что удивительным образом

напоминает головы лошадей западно-европейских пещер периода средней поры верхнего палеолита. Однако эта черта несколько видоизменена в фигурах среднего яруса на Панно лошадей, у которых конец морды чуть приострён кверху. Наличие у фигур четырёх ног, передающих движение, без показа копыт фронтально, характерно в большей степени для мадлена.

В Игнатиевской пещере иконография средней поры верхнего палеолита хорошо заметна на примере двух лошадей на Чёрном панно Дальнего зала – одной незаконченной, другой целой, а также маленькой красной лошади Большого зала. В Пеш-Мерль имеется Чёрный фриз периода граветта с контурными фигурами мамонтов, полорогих и лошади, удивительным образом напоминающей лошадь на Чёрном панно Игнатиевской пещеры. Частичный рисунок лошади без живота и копыт, а также голова маленькой красной фигуры в Большом зале явно несут отпечаток стилистики «клюв утки» (рис. 2).

Помимо этого, в двух регионах внутри большой анималистической темы

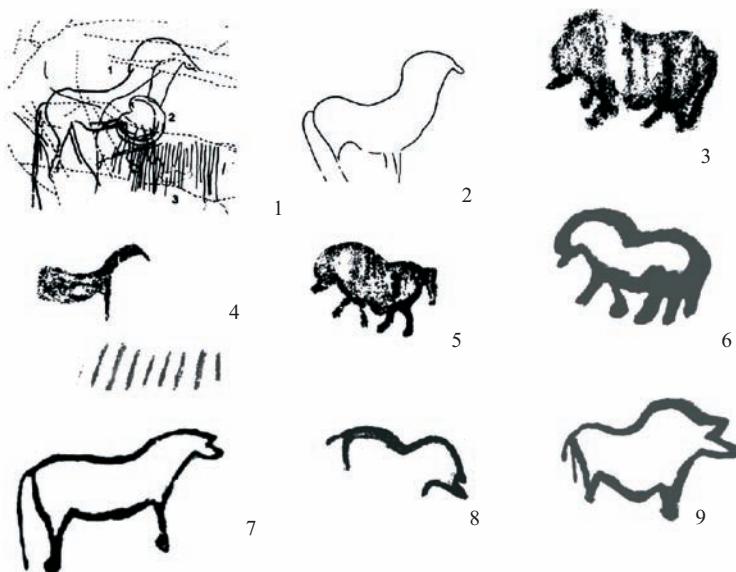

Рис. 2. Изображения лошадей в стиле «голова в капоре» и мордой «клюв утки»: 1, 2 –

Рукадур (граветт), 3, 5, 6 – Капова пещера (3, 5 – по Щелинскому, 6 – с фотографии автора); 4, 8, 9 – Игнатиевская пещера; 7 – Пеш-Мерль, (граветт, может быть солютре; 1, 2, 7 – по Lorblanchet).

есть схожие частичные воспроизведения. Таковы животные, нарисованные без голов: например, медведи в Экаин [Altuna, 1996, с. 91, abb. 89] и маленькая чёрная лошадь на Чёрном панно в Игнатиевской пещере. Есть анималистические мотивы только в виде голов животных, как в Серпиеевой 2 пещере. В одном только гроте Эль Кастильо (Испания) их не менее девяти [Diez, Rodriguez, 2010, р. 179-190]. Многочисленным частичным контурам зверей из пещер Франко-Кантабрии вполне соответствует такой же мотив лошади на Чёрном панно из Игнатиевской пещеры. И там и тут имеются фантастические

анималистические мотивы, среди которых выделяются «шаржированные» и составленные из разных частей животные. К ним относятся лошадь и мамонт из Майенн-Сийанс (Mayenne-Sciance), мамонты из Бом Латрон, «антилопы» из Пеш-Мерль [Lorblanchet, 1995, p. 234], с одной стороны, и, с другой, – маленький красный мамонт, чёрное мамонтообразное создание и животное с туловищем верблюда из Игнатиевской пещеры.

Другие изобразительные темы также схожи. Зоо-антропоморфные существа играют важную роль в западноевропейском палеолитическом искусстве. Они появляются в граветте, но особенно многочисленны в мадлене. Известны антропоморфные существа с головами бизонов в пещерах Шове, Габилю, Труа-Фрэр и некоторых других. Зоо-антропоморфные существа с чертами мамонта происходят из Комбарель, Габилю, и некоторых других. Эти создания поразительно схожи с составленным зоо-антропоморфным персонажем из Каповой пещеры (рис. 3).

Человекообразные существа из Игнатиевской пещеры представлены так называемыми «палкообразными» фигурами с мужской и женской

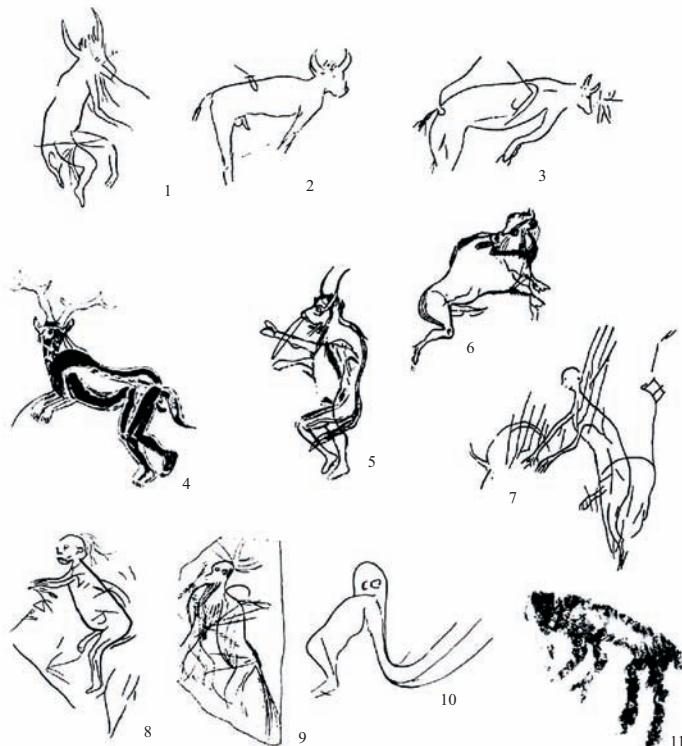

Рис. 3. Изображения зооантропоморфных существ в палеолитическом искусстве Западной Европы и Урала: 1-3, 10 – Габилю; 4-6 – Труа Фрэр; 7 – Су-Гранд-Лак; 8 – Сэнт-Сирк-дю-Буг; 9 – Эспелюг; 11 – Каповая (1-10 – по Bosinski).

сексуальной символикой. Подобные изображения не характерны для пещер Франции и Испании, что может объясняться региональной спецификой. Следует напомнить, что и в Каповой пещере на Западном панно после применения компьютерной обработки обнаружили профильную антропоморфную фигуру в аналогичном «палкообразном» стиле. Близкие схематичные скульптурные формы известны в Дольни Вестонице (граветт).

К этой же теме относятся и воспроизведения отдельных частей человеческой фигуры. Подразделение внутри этой темы, сходное для двух регионов – изображение головы, называемое «phantom», которое есть как в Игнатиевской, так и в некоторых пещерах Западной Европы (рис. 4).

Что касается нефигуративных мотивов, то они схожи в двух сравниваемых районах в общих чертах. И там, и тут есть простые знаки в виде линий прямых

Рис. 4. Примеры изображений фантомов в палеолитическом искусстве Западной Европы и Урала: 1 – Куньяк; 2 – Труа Фрэр; 3-5 – Марсулас; 6 – Игнатиевская пещера (1-5 – по M. Lorblanchet).

или волнистых, групп пятен, расчерченных четырёхугольников, «лесенок». Лесенкообразные знаки отмечены в пещерах Альтамира и Эль Кастильо. Тем не менее они не тождественны мотивам из Игнатиевской или Каповой пещер. Однако в Игнатиевской пещере есть пример клавиформы, поразительно напоминающей отдельные аналогичные мотивы из Западной Европы. Наибольшее распространение эти изображения получили в позднем мадлене –

примерно в то же время, в какое были созданы рисунки и в Игнатиевской пещере. Все эти знаки распространены преимущественно во французских Перинеях и Кантабрии. Подобны и знаки в виде острый или стрел из Игнатиевской пещеры и, например, Нио и Пиндаль. Один из гравированных знаков в пещере Комбарель напоминает расчерченные трапеции Каповой пещеры, только без «ушек». Очень близки им и красочные решётчатые знаки из пещеры Ерриа в Испании [González-Pumariega, 2008, р. 103]. В Куньяк имеются спиралевидные пятна с окончанием в виде запятой, очень похожие на два знака в Игнатиевской пещере.

Различные типы знаков в Западной Европе имеют территориальное и хронологическое распределение. То же самое можно видеть и на Урале, где нефигуративные мотивы Каповой и Игнатиевской пещер различны.

Таким образом, заметно значительное сходство западноевропейских глубоких декорированных пещер с уральскими. В первую очередь бросается в глаза использование их громадных размеров, естественно, применительно к своим региональным особенностям. Основные темы в репертуаре уральских пещер тождественны темам палеолитических украшенных пещер Западной Европы. Кроме того, во всех трёх пещерах Урала поверхность стенной основы интегрирована в изобразительные ансамбли, что очень типично для Франко-Кантабрийской области.

Это может означать только одно: в период верхнего палеолита в Европе на протяжении 20 тысяч лет существовала традиция создания и использования декорированных пещер, с огромной степенью вероятности отражающая первый в истории человечества религиозно-мифологический континуум, напоминающий распространение мировых религий в исторический период. Ранее А. Леруа-Гуран сравнивал палеолитические украшенные пещеры с религиозными храмами позднейших эпох, с чем, несомненно, следует согласиться. Распределение по планете храмов мировых религий – это цивилизационный феномен, охватывающий огромные по площади территории с разными народами и культурами. На наш взгляд, украшенные пещеры также представляют транскультурный религиозно-мифологический феномен ледникового века, что позволяет отказаться от поиска тождества каменных индустрий на территории распространения пещер с палеолитическими росписями.

Близкого взгляда придерживаются и другие специалисты. По мнению Герхарда Бозински, уральские декорированные пещеры, находящиеся примерно в 4000 км к востоку от западноевропейского центра украшенных пещер, показывают, что «уральское широко вариативное настенное искусство принадлежит к ценностям каменного века Европы. Они (уральские пещеры – В.Ш.) входят и всецело укладываются в рамки западноевропейского искусства пещер... Они не имеют параметров Шовэ, Ляско, или Альтамиры, но они относятся к важнейшим пещерам. Конечно, обе уральские пещеры имеют свои особенности, каждая пещера имеет свои собственные особенные рисунки, и объяснить это нужно не один раз, так как своеобразие Каповой и Игнатиевской в том, что они находятся на

большом географическом расстоянии» [Bosinski, 1999; s. 139].

По-видимому, феноменологическую общность пещерного палеолитического искусства от Атлантики до Урала можно связать с периодом граветта и эпиграветта. В этой связи следует напомнить о находках в гроте Безымянном, где обнаружена представительная коллекция изделий из кости: обломок или часть браслета; три обломка овального в сечении стержня, изготовленного из бивня мамонта; крупная цилиндрическая бусина; проколка, а также стилизованная фигурка животного из тонкой пластинки мамонтового бивня, напоминающая изготовленвшегося к прыжку хищника семейства кошачьих [Петрин, Смирнов, 1977, с. 56–71]. О.Н. Бадером и В.Т. Петриным это изделие сопоставлялось в самом общем плане со скульптурой льва, происходящей с Павловской стоянки [Бадер, Петрин, 1978, с. 26–31]. Радиоуглеродная дата для этого комплекса – 19240 ± 265 (СО АН – 2212) [Петрин, 1992, с. 84], близка по времени ранним эпиграветтийским памятникам. К востоку от Урала костяная скульптура в технике «*contoure decoupé*» не известна. Не известны и крупные цилиндрические бусины, подобные найденным в Каповой пещере и гроте Безымянном. А вот к западу от Урала на граветтийских памятниках известны и плоская скульптура «*contoure decoupé*», и цилиндрические бусы (стоянки Павлов, Долни Вестонице и некоторые другие) (рис. 5, *цв. вклейка*).

Средняя пора верхнего палеолита в Европе считается расцветом палеолитической культуры. Культуры граветта (около 30–22 тыс. лет назад) достигают технического и культурного процветания в евразийской степи и лесостепи. По мнению И. Свободы, «... В своих локальных вариантах и хронологических этапах граветт создает в Европе (и в сибирском сестринском комплексе верхнего палеолита) плавающую мозаику, в которой образование и рассредоточение жилых центров закономерно является моделью агломерации и дисперсии населения. Непрерывное развитие граветта связано с климатически благоприятными и стабильными условиями в карстовых областях... на юго-западе Франции и на севере Испании... моравский граветт достигает высшей точки в своей более ранней стадии – павловской, которая также ближе всего к комплексным обществам охотников-собирателей (в данном случае, специализированной охоте на мамонта). В младшую виллендорфско-костенковскую fazу моравского граветта уже очевидна дисперсия населения и появление новых центров в Карпатском регионе (Паннония) и в Восточной Европе.

Примерно около 22000 лет назад последний ледниковый максимум повлиял на всю Европу... Центрально-Европейский граветт, связанный со стадами крупных млекопитающих и с более сложными растительными ландшафтами, изменения климата во всей своей комплексности не пережил. Зато продолжилось развитие крупных обитаемых центров в Восточной Европе, достаточно далеко от ледников Фенноскандии, в бассейнах таких крупных рек, как Днестр, Днепр и Дон. Аналогичное развитие наблюдается дальше на востоке, на реке Ангаре» [Svoboda, 2011, s. 93–97].

В Восточной Европе, на Балканах и в Италии, где влияние ледниковых максимумов не было таким сильным, после завершения граветта «создалась непрерывная мозаика эпиграветтских культурных образований (22–11 тыс. лет назад). На Украине и в России в памятниках Мезин, Межиричи или Елисеевичи... продолжается граветтская традиция figurативных изображений, особенно в отношении реалистичных женских персонажей (Елисеевичи), но эпиграветт также реагирует на определенные импульсы из Западной Европы, где местная перспектива женского изображения радикально преобразована в простой, но типичный стиль с выделенными ягодицами (Мезин)» [Svoboda, 2011, s. 93–97]. Вероятно, именно эти импульсы привели к появлению декорированных пещер на Южном Урале.

Помимо уральского центра настенного палеолитического искусства, с 70-х гг. XX в. существует другой, карпатский центр. В 1978 г. в пещере Кучиулат (Cuciulat) на северо-западе Румынии были обнаружены фигуры лошади и хищного кошачьего красного цвета [Cârciumaru, 1985, pp. 89–97]. В 2009 г. румынские спелеологи открыли изображения в другой пещере, Колибоайа (Coliboaia). В ней обнаружены частичные контуры тел животных чёрного цвета очень раннего, предположительно ориньякского или граветтского, возраста. Эта карстовая полость показывает, что уже в среднюю пору верхнего палеолита в западной и восточной частях Европы существовала сходная традиция нанесения изображений в глубоких пещерах, а между западноевропейскими и уральскими памятниками появилось карпатское связующее звено.

Исходя из всего выше сказанного, можно с большой долей вероятности сделать предположение, что в определённые периоды верхнего палеолита, на огромных просторах Северной Евразии существовали благоприятные условия, как для передвижения людей, так и для передачи или обмена технологий, идей и стилей, и уральский центр пещерного палеолитического искусства имеет в своих истоках западноевропейскую изобразительную традицию.

Работа выполнена по проекту 12-П-6-2016 «Истоки и традиции уральских культур: пространственно-временная динамика» в рамках Программы Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» и научно-исследовательской темы «Культурное наследие древних обществ Урала: археологические проявления».

Литература

Абрамова З.А. Археологические культуры в верхнем палеолите Северной Азии и южносибирская культурная область // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск: Наука, 1975. С. 19–23.

Абрамова З.А. Палеолит Северной Азии // Палеолит Кавказа и Северной Азии. Л.: Наука, 1989. С. 145–243.

Абрамова З.А. Пещера Шульган-Таш (Капова) – палеолитическое святилище мирового значения // Пещерный палеолит Урала. Уфа, 1997. С. 52-55.

Аникович М.В. О миграциях в палеолите // Stratum plus. №1. 1999. С. 81.

Бадер О.Н. Капова пещера. М.: Наука, 1965. С. 23.

Бадер О.Н., Петрин В.Т. Произведение искусства и костяные изделия эпохи палеолита с восточного склона уральских гор // У истоков творчества. Первобытное искусство. Новосибирск: Наука, 1978. С. 26-31.

Васильев С.А. Поздний палеолит Урала и Зауралья: к вопросу о границах Европейской и Североазиатской зон развития культуры // Методология, историография и источники изучения исторического опыта регионального развития: Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции. Свердловск, 1990. С. 83-84.

Григорьев Г.П. Относится ли стоянка Талицкого к сибирскому палеолиту? // Проблемы первобытной культуры. Уфа: изд-во «Гилем», 2001. С. 120-121.

Деревянко А.П., Молодин В.И., Зенин В.Н., Лещинский С.В., Мащенко Е.Н. Позднепалеолитическое местонахождение Шестаково. Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2003. 168 с.

Зенин В.Н. Основные этапы освоения Западно-Сибирской равнины палеолитическим человеком // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. №4. (12). С. 22-44.

Косинцев П.А, Кузьмин Я.В., Нохрина Т.И., Ходжинс Г. Хронология отложений пещеры Серпиевская 2 (Южный Урал) // Пещеры: сборник научных трудов. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2011. Вып. 34. С. 100-102.

Котов В.Г. Исследование палеолитического слоя в пещере Байсланташ (Акбутинская). Предварительные итоги // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. Уфа: Изд-во «Гилем», 2004. С. 36-55.

Лисицын Н.Ф. О европейско-сибирских контактах в позднем палеолите // Stratum plus. №1. 1999. С. 123-124.

Любин В.П. Изображения мамонтов в палеолитическом искусстве (по материалам Каповой пещеры) // СА. 1991. №1. С. 20-40.

Макаров С.С. Заселение и освоение Западно-Сибирской равнины в позднем плейстоцене (хронология и периодизация) // Путь на Север: окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики (материалы международной конференции). М.: Изд-во Института географии РАН, 2008. С. 188-199.

Макаров Э.Ю., Павлов П.Ю. Стоянка Шированово II – новый памятник позднего палеолита в бассейне Верхней Камы // Каменный век Европейского Севера. Сыктывкар, 2007. С. 7-21.

Павлов П.Ю. Палеолит Северо-Востока Европы. Автореферат на соискание учёной степени доктора исторических наук. СПб., 2009. С. 32-33.

Палеолит СССР. М.: Наука, 1984. 385 с. (Серия «Археология СССР»).

Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск: изд-во «Сибирское отделение РАН», 1992. 205 с.

Петрин В.Т., Смирнов Н.Г. Палеолитический памятник в Шикаевке на правобережье Тобола // Вопросы археологии Урала. Свердловск: Изд-во «Уральский государственный университет», 1975. Вып. 13. С. 75-85.

Петрин В.Т., Смирнов Н.Г. Палеолитические памятники в гротах Среднего Урала и некоторые вопросы палеолитоведения Урала // Вопросы археологии Урала. Свердловск: Изд-во «Уральский государственный университет», 1977. № 14. С. 56-71.

Петрин В.Т., Широков В.Н., Чайкин С.Е. Древнее святилище во 2-й Серпиевской пещере на Южном Урале // Семантика древних образов. Новосибирск: Наука, 1990. С. 7-20.

Синицин А.А. Раскрашенные плитки стоянки Талицкого // Пещерный палеолит Урала. Материалы Международной конференции (9 сентября – 15 сентября 1997 г.). Уфа, 1997. С. 86–87.

Широков В.Н. Верхнепалеолитические изобразительные ансамбли Каповой и Игнатиевской пещер на Южном Урале // Урал в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции. Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1998. Ч. I. С. 132-134.

Широков В.Н. Проблема возраста настенных рисунков Игнатиевской пещеры в связи с первыми радиоуглеродными датировками красочного пигмента // РА. 2006. № 2. С. 99-105.

Широков В.Н. Искусство ледникового века. Игнатиевская и Серпиевская 2 пещеры на Южном Урале. Екатеринбург: Изд-во «Ажур», 2013. 189 с.

Щелинский В.Е. Некоторые итоги новых исследований пещеры Шульган-Таш (Каповой) на Южном Урале // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. Уфа: изд-во БФАН СССР, 1987. С. 5-16.

Щелинский В.Е. Настенная живопись Каповой пещеры на Южном Урале (датировка, размещение, культурная принадлежность) // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М.: ИА АН СССР, 1990. С.47-55.

Щелинский В.Е. Некоторые итоги и задачи исследований пещеры Шульган-Таш (Каповой). Уфа: Изд-во «Гилем», 1996. 30 с.

Щелинский В.Е. Палеогеографическая среда и археологический комплекс верхнепалеолитического святилища пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Пещерный палеолит Урала. Уфа: Изд-во «Гилем», 1997. С. 29-38.

Щелинский В.Е. Настенное искусство верхнепалеолитического святилища в пещере Шульган-Таш (Каповой) на Южном урале: композиция «лошади и знаки» в зале Хоса // Проблемы первобытной культуры. Уфа: Изд-во «Гилем», 2001. С. 33-53.

Щербакова Т.И. Материалы верхнепалеолитической стоянки Талицкого (Островской). Препринт. Екатеринбург, 1994. 95 с.

Altuna J. Ecain und Altxerri bei San Sebastian. Zwei altsteinzeitliche Bilderhohlen im spanischen Bascenland. Sigmaringen: Thorbecke, 1996. 200 s.

Bahn P. G., Vertut J. Journey through the Ice age. London: Weidenfeld & Nicolson, 1997. 240 p.

Bosinski G. Homo sapiens. L'histoire des chasseurs du Paleolithique superieur en Europe (40.000 – 10.000 avant J. C.). Paris, Errance, 1990. 281 p.

Bosinski G. Die Bilderhohlen des Urals und in Sudwesteuropa – Einige Vergleiche // Scelinskij V.E., Širokov V.N. Hohlenmalerei in Ural. Kapova und Jgnatievka. Die altsteinzeitlichen Bilderholen im Sudlichen Ural. Deutschland, Sigmaringen: Jan Thorbecke Verlag, 1999. S. 139-166.

Cărciumaru M. La grotte de Cuciulat. Penture rupestre recemment decouvert en Romania // Bolletino del Centro Camuno di studi Preistorici. 1985. Vol. XXII. pp. 89–97.

Clottes J. Postface. La grotte Chauvet aujourd'hui // J. M. Chauvet, E. Brunel Deschamps & C. Hillaire. La grotte Chauvet à Vallon Pont-d'Arc. Paris, Editions du Seuil, 1995. P. 112-113.

Diez M.G., Rodriguez R.G. El Castillo // Las cuevas con arte paleolitico en Cantabria. Edita Cantabria, 2010. P. 179-190.

González-Pumariega M. Guía del Arte Rupestre Paleolítico en Asturias. Ménsula Ediciones in Pola de Siero (Asturias), 2008. 203 p.

Lorblanchet M. Les grottes ornée de la prehistoire. Nouveaux regards. Paris, Errance, 1995. 288 p.

Petrin V., Širokov V. Die Ignatievka-Hohle (Ural) // Zwei neue jungpalaeolithische Bilder-hohlen in Sudfrankreich und im Ural. Jahrbuch des Romisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 38. Jahrgang, 1991. S. 17-31.

Šcelinskij V.E., Širokov V.N. Hohlenmalerei in Ural. Kapova und Jgnatievka. Die altsteinzeitlichen Bilderholen im Sudlichen Ural. Deutchland, Sigmaringen: Jan Thorbecke Verlag, 1999. 171 S.

Steelman K.L., Row M.W., Širokov V.N., & Sounthor J.R. Radiocarbon dates for pictographs in Ignatievskaya cave, Russia: Holocene age for supposed Pleistocene fauna // Antiquity. 2002. 76. Pp. 341-348.

Svoboda J.A. The Pavlovian as a part of the Gravettian mosaic // The Gravettian along the Danube. The Dolni Vestonice Studies, vol. 11. Brno: Archeologicky ustav AV CR, 2004. S. 283-297.

Svoboda J. Počátky Umení. Praha: Academia, 2011. 335 s.

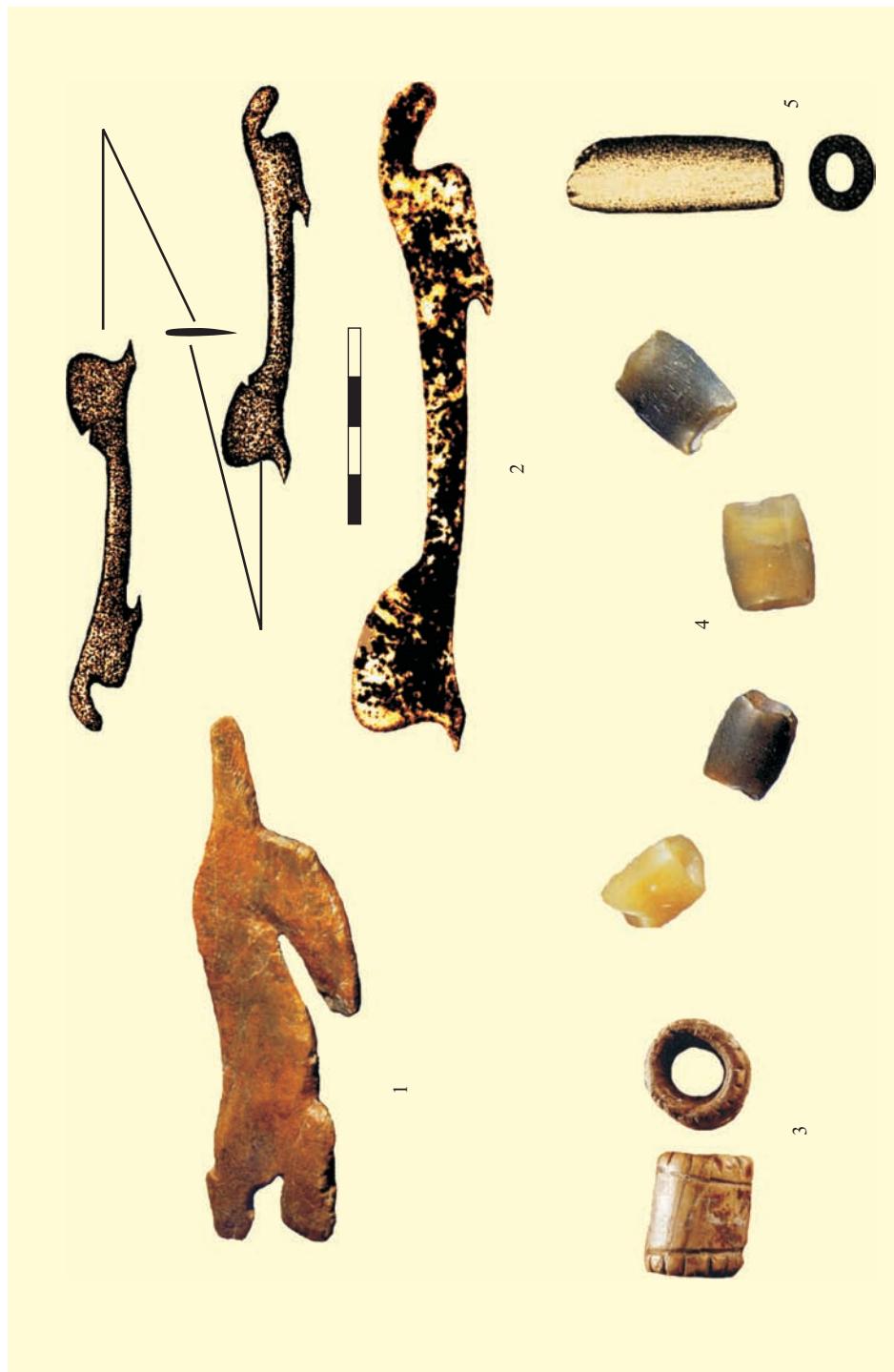

Рис. 5. 1 – Павлов; 2, 5 – Безымянный; 3 – Дольни Вестонице; 4 – Каповая пещера (1, 3 – по Svoboda; 2, 5 – по Петрину; 4 – по Щелинскому).

К статье В.Н. Широкова «Пещерное палеолитическое искусство Урала и Франко-Кантаабрии: опыт сопоставления».

А.Н. Сорокин

Институт археологии РАН, Москва

О КОСТЯНЫХ И РОГОВЫХ ИЗДЕЛИЯХ УЧАСТКА 1 СТОЯНКИ И МОГИЛЬНИКА МИНИНО 2 В ПОДМОСКОВЬЕ

В статье описана и проанализирована коллекция костяных и роговых изделий, найденных в нижнем культурном слое участка 1 стоянки и могильника Минино 2 в Подмосковье. Мелиорация Заболотского торфяника и удаленность памятника от реки привели к значительным повреждениям изделий из органических материалов, однако даже будучи сильно фрагментированными, они представляют значительный источниковоедческий интерес.

Ключевые слова: Минино 2, Московская область, Заболотский торфяник, стоянка, могильник, костяные и роговые орудия, финальный палеолит, мезолит.

A.N. Sorokin

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow

ON BONE AND ANTLER ARTEFACTS FROM THE LOCALITY 1 OF THE MININO 2 CAMP AND BURIAL SITE NEAR MOSCOW

The article describes and analyses the collection of bone and antler artefacts found in the lower cultural layer of the locality 1, Minino 2 camp and burial site near Moscow. The melioration works on the Zabolotye bog have led to a significant damage of the organic artefacts. However, these artefacts, even significantly fragmented, are of a great scientific interest.

Keywords: Minino 2, Moscow Zabolotye bog, camp site, burial site, bone and antler artefacts, Final Paleolithic, Mesolithic.

Изделия из органических материалов в археологии каменного века Русской равнины, хотя и перестали с некоторых пор быть чем-то экстраординарным, не превратились, тем не менее, в нечто совсем рядовое и обыденное. Природа неумолима к ним, вероятно, поэтому добыча, постижение и фиксация их бренных остатков всегда притягательны как все малодостижимое и зыбкое. Более того, эти даже в массе своей некогда повседневные вещи, добытые в ходе раскопок, не перестают удивлять и вызывать неподдельный интерес не только новичков, но и маститых исследователей.

Памятники, где встречаются органические материалы, чрезвычайно важны для науки, и их исключительную роль в процессе познания трудно переоценить. Одна из самых богатых групп таких стоянок в Восточной Европе располагается на границе Сергиев-Посадского и Талдомского районов Московской области и приурочена к котловине приледникового Заболотского палеоозера. Образовавшийся в ее акватории Заболотский торфяник расположен примерно в 100 км к ССВ от Москвы (рис. 1, цв. вклейка) и

приурочен к среднему течению р. Дубна – правобережного притока Волги.

В геоморфологическом отношении бассейн р. Дубна унаследовал восточную половину котловины обширного Тверского приледникового озера [Квасов, 1975]. Озерная равнина простирается у подножья Клинско-Дмитровской гряды, в Валдайское время запиравшей сток ледниковых вод на юг. После падения уровня приледникового озера на лужской стадии Валдайского оледенения до отметки 120 м открылся сток приледниковых озер на запад. На месте Верхневолжской низменности образовалась цепочка не менее чем из десятка озер, одним из которых и было известное ныне как Заболотское.

Заболотское палеоозеро – остаток плеса, оконтуренного уступом террасы с отметкой 129,5 м в Балтийской системе высот. Размеры его составляют приблизительно 7x4 км, но берега водоема читаются с большим трудом, так как вся котловина в настоящее время заполнена торфом.

Современный рельеф Заболотского торфяника в значительной мере сформирован позднейшим озером, срвнявшим и частично скрывшим палеорельеф. Завершение нивелировки связано со спрямлением русла р. Дубна, строительством закрытого дренажа на ее левобережье в начале 1970-х гг. и превращением левобережной территории в окультуренный сенокос. В настоящее время торфяник активно зарастает смешанным лесом и частично повторно заболачивается.

Начиная с 1984 г., в результате изысканий Подмосковной (начальник В.В. Сидоров) и Окской (начальник А.Н. Сорокин) экспедиций ИА РАН, в акватории Заболотского палеоозера, было открыто 25 многослойных археологических памятников, не менее половины которых содержали фаунистические остатки, артефакты из кости и рога, а также растительных материалов. Значительное число разновременных уникальных памятников, открытых здесь, прекрасная стратиграфия отложений и отменная сохранность органики делают Заболотский полигон бесценным для реконструкции палеосреды, палеоландшафта, жизнедеятельности первобытного человека и его облика. А наличие мезолитического и неолитического могильников и присутствие предметов искусства лишний раз подчеркивает значимость этого полигона для первобытной археологии России.

В силу известных обстоятельств основное внимание Окской экспедицией ИА РАН на Заболотском торфянике уделялось раскопкам стоянки и могильника Минино 2. За восемь полевых сезонов (1997–2001, 2006–2008 гг.) в Минино 2 был получен обильный археологический материал: помимо каменных изделий (около 25000 предметов) были собраны артефакты из кости и рога, а также изучены четыре погребения и частично раскопаны два жилища [Сорокин, 2011]. Комплексный характер памятника и многообразие добытых данных делают наиболее актуальной задачу их публикации. Однако полученные здесь сведения оказались настолько велики и разнообразны, что требуют поэтапного ввода сведений в научный оборот. Впрочем, цель данной статьи значительно скромнее: публикация коллекции костяных и роговых артефактов нижнего слоя участка 1 Минино 2. Несмотря на небольшой объем и значитель-

ную фрагментарность, их введение в научный оборот важно потому, что предмет исследования слабо изучен, а публикации, несмотря на значительный рост источниковедческой базы региона в 1990-2000-е годы, – все еще является довольно насущной.

Минино 2 было открыто в 1997 г. За восемь полевых сезонов на нем было вскрыто 528 кв. м в суходольной части памятника и, помимо могильника, было зафиксировано не менее двух поселенческих слоев. Верхний культурный слой оказался практически полностью разрушен аллювиальными процессами и переотложен. Он содержит, в основном, малочисленные остатки эпох неолита и бронзы. Нижний – включает представительный комплекс финальнопалеолитического – мезолитического времени, содержащий фауну, хозяйствственные и бытовые ямы, два жилища, а также изделия из камня, кости и рога. Кроме того, было исследовано четыре погребения и собраны разрозненные человечьи кости. В восточной части раскопа, приуроченной к береговому склону, мезолитический слой распадается надвое. Сохранность органических остатков там существенно лучше, чем в суходольной части, но это предмет для отдельного сюжета.

Всего было заложено три раскопа, которые в результате работ были сомкнуты воедино. Площадь раскопа 1 составляет 200 кв.м, она вскрывалась на протяжении пяти полевых сезонов – в 1997–2000 и 2006 гг. Площадь раскопа 2 равняется 165 кв.м. Ее изучение велось четыре сезона – в 1999–2001 и 2007 гг. И, наконец, площадь раскопа 3, исследованная за три сезона – в 2006–2008 гг., составила 157 кв.м. Для удобства описания инвентаря в пределах раскопов было выделено пять отдельных участков [Сорокин, 2011]. Раскоп 1 был разбит на два равных по площади участка 1 и 2 по 100 кв.м в каждом, в раскопе 2 было также выделено два участка – 4 и 5, при этом площадь участка 5 составила 100 кв.м, участка 4 – 65 кв.м. И, наконец, раскоп 3 из-за его компактности не дробился и был обозначен как участок 3. Его площадь, как отмечалось, равняется 157 кв.м. Разумеется, разделение на отдельные участки – искусственное и необходимо исключительно для детального описания артефактов, полученных в процессе раскопок, и возможности их последующего корректного сравнения.

Участок 1 располагается в западной части вскрытой площади, наиболее удаленной от современного русла р. Дубна. Он вскрывался в 1997–1999 гг., включает квадраты 1–50, 151–200. Наибольший интерес в его пределах вызывает погребение 1, с которого, собственно, и начинается открытие и изучение памятника. Тем не менее, этот участок оказался и наименее удачным с точки зрения сохранности органических материалов и их числа. Данное обстоятельство определяется несколькими причинами: наибольшей удаленностью участка 1 от воды, близостью культурного слоя к современной дневной поверхности, его приуроченностью к суходольной части стоянки и, наконец, последствиями мелиорации.

Всего на участке 1 было собрано около 1000 экз. остатков фауны и 48 предметов из кости и рога с вторичной обработкой. Ниже приводится их описание (порядковый номер предмета соответствует его номеру по описи):

1) Острие с углом заострения под 45° (рис. 2:1, *цв. вклейка*), выполнено из трубчатой кости (метаподия) лося, происходит из квадрата 31В-119 (здесь и далее цифры обозначают квадрат, сектор и глубину залегания предмета от условного нуля). Предмет значительно фрагментирован: судя по всему, утрачено более половины изделия со стороны основания и имеется небольшой слом боевой части. Сохранившиеся габариты составляют 11,2 см по длинной оси и 2,8 см – по короткой. Изделие тщательно заполировано с внешней стороны и частично (по острию) с внутренней, на которой заметны следы грубых сколов по верхнему краю. Нижний край сохранил следы работы резцом при расчленении заготовки и последующего слома вдоль паза. На внешней поверхности вдоль естественного желобка, слегка подправленного резцом, по обеим его сторонам, нанесен орнамент в виде двух рядов коротких косых насечек: сверху их сохранилось девять, снизу просматривается не менее 16. При этом в правой части образуется подобие «елочки», а в левой – нижние риски утрачивают параллельность и начинают «разбегаться». Примерно посередине от них под углом отходят еще две четкие риски, нанесенные параллельно рискам верхнего ряда. Присутствие орнамента не характерно для острий с углом заострения под 45° . Обычно он встречается на наконечниках копий. Возможно, описываемый предмет им и является, однако последние традиционно имеют симметричную форму, что делает подобное предположение достаточно зыбким.

2) Фрагмент острия из трубчатой кости, вероятно, лося происходит из квадрата 42А-124. Обломок длиной 4,3 см и максимальной шириной 0,7 см весьма невыразителен, но сохраняет следы резки и слома с торца и шлифовки по внешней поверхности. Кроме того, имеет две прямые субпараллельные тонкие линии на внешней поверхности. Форма изделия достоверно не определяется.

3) Фрагмент желобчатого тесла (рис. 2:2, *цв. вклейка*) из трубчатой кости лося, найденный в квадрате 47В-134, имеет максимальные размеры 8,0x3,1 см. Наиболее тщательно обработана лезвийная часть, залощена как внешняя поверхность лезвия, так и наиболее тщательно фрагмент желобка с внутренней стороны. Шлифовка хорошо различима также с внешней стороны вдоль левого края. Сквозь нее просматриваются следы параллельных линий, связанных с предварительной обработкой. В широкой части изделия различимы две перекрещивающиеся линии и одна прямая.

4) Фрагмент ножа (?) из ребра животного длиной 4,2 см и шириной до 1,3 см происходит из квадрата 50Г-119. На внутренней и внешней поверхностях заметны следы шлифовки. В процессе первоначальной обработки частично обнажена компакта.

5) Фрагмент острия с углом заострения под 45° (рис. 2:3, *цв. вклейка*) выполнен из трубчатой кости, вероятно, лося, происходит из квадрата 27Г-104. Предмет значительно фрагментирован как с боевой части, так и с насада, при этом утрачено более половины всего изделия. Сохранившиеся габариты составляют 7,2 см по длинной оси и 2,9 см – по короткой. Изделие тщательно

заполировано с внешней и внутренней сторон, причем зауженная часть сохраняет четкие следы предварительной обработки в виде длинных прямых линий.

6) Фрагмент острия с углом заострения под 45° или фрагмент копья (рис. 2:4, *цв. вклейка*), выполненный из трубчатой кости (метаподия) лося, происходит из квадрата 30В-101. Предмет значительно фрагментирован с обоих концов, поэтому типологическая принадлежность однозначно не устанавливается. Утрачено более половины всего изделия. Сохранившиеся габариты составляют 10,6 см по длинной оси и 3,0 см – по короткой. По обоим торцам различимы следы работы резцом и последующего слома по пропилу, а также присутствует шлифовка острийной части.

7) Фрагмент острия с углом заострения под 45° или фрагмент копья из трубчатой кости лося (рис. 2:5, *см. цв. вклейка*), из квадрата 34А-109 сохранился лучше трех предыдущих, но тоже значительно фрагментирован с обоих концов, поэтому типологическая принадлежность однозначно не устанавливается. Утрачено более половины всего изделия. Сохранившиеся габариты составляют 7,3 см по длинной оси и 3,0 см – по короткой. Оба торца сначала обработаны резцом, затем сломаны и тщательно зашлифованы по пропилам. Лучше всего зашлифована частично утраченная боевая (рабочая) часть.

8) Фрагмент копья или лезвийной части острия с углом заострения под 45° из трубчатой кости (рис. 2:6, *цв. вклейка*) происходит из квадрата 34А-113. Учитывая симметричность формы, первое предположение кажется наиболее вероятным, однако размер фрагмента столь невелик (3,8x2,1 см), что однозначная трактовка невозможна. Как и предыдущие обломки, зашлифован по торцам, но поверхность более корродированна, и другие следы однозначно не различимы.

9) Фрагмент костяной подвески или жерлицы происходит из квадрата 29Г-95, его сохранившиеся размеры составляют 2,0x0,9 см. Предмет тщательно заполирован и с целого края на внешней поверхности имеет неглубокий желобок, нанесенный в 3 мм от торца заготовки (рис. 3:1, *цв. вклейка*).

10) Фрагмент асимметричного острия, вероятно проколки, из квадрата 12А-104 выполнен из расколотой вдоль небольшой трубчатой кости. Сохранившая часть имеет размеры 5,6x1,2 см. Торцы и внешняя поверхность первоначально были зашлифованы, но к настоящему времени сильно корродированы (рис. 3:2, *цв. вклейка*).

11) Два фрагмента предмета размером 2,2x1,6 см со следами шлифовки на внешней поверхности из мелкой трубчатой кости животного происходят из квадрата 44Б-109. В силу незначительных размеров типологическая принадлежность не устанавливается.

12) Фрагмент симметричного острия из трубчатой кости лося длиной 7,6 см и шириной 2,5 см (рис. 3:4, *цв. вклейка*) происходит из квадрата 70Б-150. Изделие тщательно отполировано по торцам и боевому концу. Судя по всему, это наконечник копья или рогатины.

13) Фрагмент орудия из трубчатой кости лося длиной 5,5 см и шириной 2,6 см с одним прямосрезанным и заполированным торцом найден в квадрате 7Г-107. Форма и назначение орудия достоверно не определяются.

14) Фрагменты симметричного острия (проколки) с одним частично сохранившимся эпифизом выполнены из локтевой кости кабана (рис. 3:3, *цв. вклейка*). Изделие имеет габариты в плане 6,3 x 1,4–1,8 см, происходит из квадрата 4А-117. Тыльная часть сохраняет естественные очертания, а средняя и рабочая части тщательно зашлифованы.

15) Десять фрагментов плоского ножа из лопатки лося (рис. 3:5) размером 10,2x8,0 см происходят из квадрата 21БВ-127. Верхний край предмета сохраняет естественную поверхность, нижний – приострен и зашлифован с обеих сторон, внутренняя сторона лопаты подрезана резцом и частично срублена до компакты. Несмотря на фрагментированность, функциональное назначение предмета сомнения не вызывает.

16) Подвеска из клыка медведя (рис. 4:1, *цв. вклейка*) происходит из квадрата 45А-121. Предмет почти целый, немного утрачены эмалевая часть, основание корня и выкрошен фрагмент внутренней поверхности около корня. Сохранившиеся размеры 7,4x2,5 см. Поперек и частично наискось корня с внешней стороны нанесен паз шириной и глубиной около 2 мм. С внутренней стороны паз отсутствует.

17) Фрагмент рубящего орудия из рога лося – вставки тесла с прямым лезвием (рис. 4:6, *цв. вклейка*) – обнаружен в квадрате 151А-152. Обушок отсутствует, лезвие скошено под углом порядка 30°. Размеры 3,7x2,0 см.

18) Фрагмент крупного наконечника копья (?) из трубчатой кости лося с утраченной боевой частью (рис. 5, *цв. вклейка*) происходит из квадрата 14А-144. Эпифиз частично сбит с внешней поверхности, а с внутренней стороны кость расчленена пазами, выполненными резцом. После разделения заготовок один из торцов был оббит и пришлифован, другой только зашлифован. Габариты изделия составляют 20,1x4,5–3,3 см.

19) Фрагменты симметричного острия из трубчатой кости лося длиной 9,5 см и шириной 3,4 см из квадрата 159В-144 имеют два пришлифованных торца и тщательно скругленное острие. Изделие представляет собой наконечник копья или рогатины.

20) Фрагменты симметричного острия из трубчатой кости лося длиной 10,3 см и шириной 3,5 см, обнаруженные в квадрате 159В-154, имеют два пришлифованных торца и тщательно скругленное острие. Судя по всему, изделие представляет собой наконечник копья или рогатины.

21) Подвеска из клыка медведя, квадрат 12Б-163 (глубина дана от поверхности шурфа № 7. Это же относится и ко всем остальным предметам, происходящим из заполнения могильной ямы) обнаружена в заполнении могильной ямы погребения № 1 в 1997 г. и, возможно, первоначально находилась на теле погребенного. Сохранилась лишь частично в виде двух фрагментов (раскололась в процессе фиксации) одной половины клыка, максимальные размеры которой составляют 6,2x1,2 см. В корневой части различим желобок шириной

3 мм и глубиной 1 мм, служивший, по-видимому, для обвязывания. Был ли он кольцевым установить невозможно из-за утраты второй половины.

22) Два фрагмента пера костяного весловидного(?) наконечника стрелы (рис. 4:2, *цв. вклейка*) обнаружены в 1997 г. в квадрате 12Б-117 в заполнении могильной ямы погребения № 1. Максимальные размеры – 3,0x0,7 см, профиль – линзовидный. Из-за значительной поврежденности целая форма предмета достоверно не устанавливается. Отсутствие посткраниального скелета в могильной яме не позволяет также судить об его местоположении по отношению к погребенному.

23) Два фрагмента трубчатой кости лося с гравировкой в виде двух параллельных и одной косой линий (рис. 4:3, *цв. вклейка*) из квадрата 12А-112 происходят из заполнения той же могильной ямы, что и два описанных выше. Максимальные размеры предмета составляют 3,8x1,4 см.

24) Фрагмент острия с углом заострения под 45° из кости лося (рис. 4:4) происходит из могильной ямы в квадрате 12В-106, его максимальные размеры – 4,7x1,8 см. Кончик, средняя часть и насад утрачены. На сохранившейся части по торцам сверху различим паз, по которому сломана заготовка при ее отделении, и заполированный нижний фас.

25) Фрагмент подвески из резца бобра происходит из заполнения могильной ямы в квадрате 12А-114, его максимальные размеры – 2,8x1,0 см. Подвеска была изготовлена из осколка, так как паз был нанесен не только на ее эмалевую поверхность, но и на внутреннюю сторону (рис. 4:5, *цв. вклейка*).

26) Два фрагмента массивного рогового клевца из рога лося (рис. 6) обнаружены в квадрате 22Г-113. Утрачены обушковая и боевая части. Сохранившиеся габариты составляют 21,0x4,5–3,5 см. Наиболее тщательно отшлифовано острие. Для изготовления использован участок сочленения лопаты и первого отростка. Для крепления рукояти поперек длинной оси сделано овальное отверстие с размерами по осям 2,5x2,0 см.

27) Три фрагмента массивного острия, возможно, клевца, из рога северного оленя, происходят из квадрата 22В-125. Утрачены обушковая и боевая части (рис. 7:1, *цв. вклейка*). Сохранившиеся габариты составляют 18,5x2,0–3,5 см. Сечение овальное. Вся поверхность тщательно отшлифована, сильно корродирована.

28) Фрагмент игловидного (?) костяного наконечника (квадрат 40Б-102) длиной 2,6 и диаметром 0,6–0,8 см со следами шлифовки на поверхности.

29) Одиннадцать фрагментов ножа из лопатки лося обнаружены в квадрате 44В-127, оба конца орудия утрачены (рис. 7:2, *цв. вклейка*). Сохранившаяся длина составляет 19,0 см при максимальной ширине до 3,6 см. Поверхность зашлифована, включая фрагмент губчатой массы, обушок и лезвие. Последнее обработано наиболее тщательно.

30) Семь фрагментов заготовки кинжала или наконечника копья (рис. 8, *цв. вклейка*) происходят из квадрата 49А-117, они выполнены из трубчатой кости (метаподия) лося. Рукоятчная часть (насад) и острие утрачены. Максимальная

длина – 26,5 см при ширине 3,6–4,2 см. Крупная пластина-заготовка была отчленена от кости с помощью двух глубоких пазов, сделанных резцом, и последующего слома. Места пропилов тщательно заполированы в процессе работы.

31) Два фрагмента роговой муфты происходят из квадрата 196Г-104, они имеют размеры 7,6x2,9 см, сечение овальное. В зауженной части сохранилось основание отверстия для кремневой вставки диаметром 0,8 см (рис. 9:1, *цв. вклейка*).

32) Три фрагмента наконечника копья (?) найдены в квадрате 200Г-112, сохранившиеся размеры – 9,5x3,0 см, основание и острие утрачены (рис. 9:2, *цв. вклейка*). Заготовка орудия была отчленена от трубчатой кости (плюсны) лося с помощью двух глубоких пазов, сделанных резцом, и последующего слома. Места пропилов тщательно заполированы и скруглены.

33) Фрагмент вкладышевого орудия неясного назначения длиной 6,2 см и шириной 1,4 см, происходящий из квадрата 161В-195, имеет скругленный дугообразный полированный торец с фрагментом желобка и ровную полированную внешнюю поверхность (рис. 9:3, *цв. вклейка*). Форма и назначение орудия достоверно не устанавливаются.

34) Ретушер из клыка медведя длиной 7,7 см и максимальной шириной 2,4 см из квадрата 169Б-161, кроме характерного выкола на рабочем участке, не имеет никакой дополнительной обработки (рис. 9:5, *цв. вклейка*).

35) Подвеска из резца бобра, происходящая из квадрата 169Б-181, изготовлена из фрагментированной заготовки. Ее длина – 3,0 см, ширина – 0,5 см. Головка выделена двумя мелкими надпилами по торцам (рис. 9:4, *цв. вклейка*).

36) Фрагмент муфты из рога лося (рис. 9:6, *цв. вклейка*) обнаружен в квадрате 169А-150. Она выполнена из ствола, обрубленного около основания лопаты, но из-за нынешнего состояния фрагмента характер обработки не совсем ясен. С торца имеется выемка подовальной формы длиной – 2,8 см, шириной – до 1,1 см и глубиной – 1,5 см, куда вставлялось лезвие рубящего орудия. Впрочем, паз должен был быть гораздо глубже, ибо в таком закрепить вставку не представляется возможным.

37) Острие однопазовое изготовлено из ребра молодого лося (рис. 10:1, *цв. вклейка*). Происходит из квадрата 190Г-185. Боевой конец – симметричный, основание с эпифизом сломано. По одному из краев в 2 см от начала острия имеется короткий (1,7 см), узкий (до 1 мм) мелкий паз, в который можно было поместить, вероятно, единственный кремневый вкладыш. Длина предмета – 9,0 см, максимальная ширина – 1,3 см. Поверхность тщательно заполирована. Судя по всему, предмет мог использоваться в качестве наконечника стрелы.

38) Фрагмент асимметричного острия (рис. 10:2, *цв. вклейка*) из квадрата 100Г-185 выполнен, судя по всему, из трубчатой кости лося, возможно, из плюсны или пясти. Об этом говорит редуцированная в процессе вторичной обработки каннелюра, характерная для них. Хорошо сохранились боевой конец и часть корпуса. Длина предмета – 9,5 см, максимальная ширина – 3,3 см.

Вся поверхность тщательно заполирована. Верхний край – слабоволнистый с легким изгибом к острию, нижний – имеет контур, характерный для острей с углом заострения под 45°, но, в отличие от последних, его край заужен и срезан не прямо, а закруглен. Верхняя половина орудия более массивная, чем нижняя. На ней с обеих сторон имеются выемки, одна из которых, более глубокая, представляет собой расточку естественного желобка, другая, что мельче, нанесена с внутренней стороны кости, благодаря чему полностью снята ее губчатая сердцевина.

В результате были созданы два ребра жесткости. С обеих сторон в верхней части каннелюра сделано по пазу, причем «внешний» более широкий и глубокий, чем «внутренний». Назначение пазов не совсем понятно, так как для крепления вкладышей они, по-видимому, не годятся, да и их местоположение для этого не подходит. Эти пазы, особенно глубокий, перерезаются многочисленными линиями, по которым сложно судить, являются ли они результатом предварительной технологической разметки или остатками некоего орнамента. Однако характер обработки и строгая выдержанность формы позволяют предположить, что перед нами все же фрагмент вооружения – парадного копья или кинжала.

39) Фрагмент острия с углом заострения под 45° (рис. 10:3, *цв. вклейка*) происходит из квадрата 160В-127. Он имеет в длину 6,6 см и максимальную ширину – 1,6 см. Выполнен из трубчатой кости лося. Несмотря на сильную степень повреждения, достаточно выраженная асимметрия рабочей части и участок скошенного края не оставляют сомнения в первоначальном назначении предмета.

40) Фрагмент острия с углом заострения под 45° (рис. 10:5, *цв. вклейка*) из квадрата 186Г-155, изготовленный из трубчатой кости (метаподия) лося – более крупный, чем предыдущий; его длина – 12,3 см, ширина – 2,9 см. Поверхность также значительно корродирована, но абрис достаточно четок, поэтому функциональное назначение предмета совершенно ясно.

41) Фрагмент вставки из рога лося (рис. 10:4, *цв. вклейка*), найденный в квадрате 200В-183, невелик и имеет аморфную форму; максимальная длина – 4,8 см, ширина – 4,3 см. Почти вся поверхность предмета коррадирована, однако присутствие скошенного хорошо заполированного края и материал не оставляют сомнения в принадлежности предмета к вкладышам рубящих орудий.

Кроме того, присутствуют 15 мелких осколков со следами шлифовки и резания или обивки, не дающими возможности определить назначение орудий, от которых они происходят. Этим исчерпывается список костяных и роговых изделий, найденных на участке 1.

Таким образом, выборка весьма малочисленна, поэтому нет особой нужды говорить о каком-либо процентном соотношении изделий, происходящих отсюда. Тем более рассуждать о закономерностях их распределения: количества орудий несоизмеримо с площадью участка 1. Напомню, что она составляет

100 кв. м. Подобные штудии могли бы завести весьма далеко, но вряд ли бы имели отношения к тому реальному распределению, которое было на памятнике в период его обитания. Нет нужды напоминать, что археологу достается для анализа не «живая материальная культура», а «следы следов». Но и следы, как известно, бывают разные. Если каменные артефакты практически нетленны, хоть и остаются без оправ, рукоятей, а часто и контекста, то органические материалы в значительной степени исчезают физически, не оставляя вообще никаких следов или лишь намеки на свое присутствие. Это, в значительной мере, и наблюдается в Минино 2 на участке 1. Тем не менее определенные выводы можно сделать и на основании имеющихся данных.

1) Несложно заметить, что количественно преобладают, чтобы не сказать доминируют, фрагменты наконечников копий или рогатин, которых, включая заготовку, 10 экз. Это неудивительно в силу их относительной массивности.

Следует подчеркнуть, что грань между наконечниками копий и рогатин весьма зыбка. И связано это не столько с их естественным состоянием, сколько с постпозиционным воплощением. По прошествии тысячелетий маркерные признаки растворяются, и по тем фрагментам, которые нам достаются для анализа, часто не удается понять, с чем же конкретным мы имеем дело.

2) Острый с углом заострения под 45° , которым тоже присуща массивность, найдено не менее восьми. Обычно считается, что они использовались в качестве пешней или землекопных орудий [Жилин, 2001; Лозовский, 2006]. Тем не менее, как справедливо заметил В.В. Сидоров, на их рабочих концах отсутствуют следы замятости или выщербины, что было бы логично при соприкосновении со льдом. Нет на них и выразительных линейных следов, уместных как результат рытья ям. Да и тщательно зашлифованные поверхности при этом совершенно излишни.

А вот «зеркальная обработка» рабочих лезвий с целью уменьшения трения – весьма результативна. Напомню, что она и присутствует на подобных остриях. Значит, весьма возможно их использование в качестве наконечников рогатин. Использование острий с углом заострения под 45° в качестве наконечников рогатин способно обеспечить их проникновение в брюшину, а вот визуальные следы при этом на орудии могут не фиксироваться. Значит, подобное предположение, как кажется, снимает видимые противоречия в интерпретации данной категории изделий. И, если это так, усиливает составляющую охотничье вооружения мезолитического населения Минино 2. Впрочем, совершенно очевидно и то, что на имеющихся материалах этой проблемы не решить, и необходимы специальные исследования в данном направлении. А дать их могут лишь новые раскопки торфяниковых стоянок и данного памятника в частности.

3) Среди предметов охотничье вооружения следует отметить и фрагменты массивного рогового сверленого клевца.

4) Наконечников стрел всего три, из них два – значительно фрагментированы и не поддаются четкому различению до типа. Один, по-видимому, весловидный, два других – игловидные, причем один – простой, другой – пазовый. Без сомнения

ния, такая малочисленность вызвана характером сохранности, ведь среди каменных изделий на участке 1 наконечники стрел имеются [Сорокин, 2011].

5) Среди бытовых изделий присутствуют два ножа из ребер, фрагментированный нож из лопатки лося, проколка с симметричным жальцем, две роговых вставки тесел и фрагмент желобчатого долота. В связи с последними, необходимо отметить и присутствие фрагментов двух роговых муфт, ясно указывающих на наличие сложносоставных изделий.

6) Из обрабатывающих орудий присутствует ретушер из клыка медведя.

7) Культовые предметы тоже неплохо представлены, всего их найдено – по две подвески из клыка медведя и резцов бобра и плоская подвеска (?) из трубчатой кости. Первые крепились к одежде с помощью односторонних пазов, вторые – торцевыми надпилами. Во втором случае допустим вариант свободного подвешивания, то есть не в качестве нашивки на основу.

Не менее трех предметов имеют следы гравировки в виде двух параллельных и косых линий или даже орнаментальных композиций, как острие с углом заострения под 45° (№ 1 по описи), на внешней поверхности которого нанесены два ряда коротких косых насечек, образующих подобие елочки.

Этим исчерпывается список изделий, до известной степени поддающихся интерпретации. Прочие фрагменты совсем невыразительны и убедительной трактовке не поддаются. Можно заметить, что преобладают фрагменты массивных инструментов, тогда как мелких грацильных изделий, за редким исключением, почти нет. Исключение составляют артефакты, происходящие из заполнения могильной ямы, что объяснимо ее большей глубиной и обвоженностью.

Современное состояние коллекции однозначно является результатом процессов постпозиционной деструкции, вызванной мелиорацией Заболотского торфяника и удаленностью этой части памятника от «живой» воды. Немаловажную роль играет и приуроченность рассматриваемого участка к возвышенной части жилой площадки. В силу сохранности, ни о каком функциональном назначении участка 1 или культурной специфике собранного здесь инвентаря речи не идет.

Интересно отсутствие резцов из нижних челюстей бобра, что, вероятно, связано с условиями сохранения, а не с функциональной специализацией участка 1. Нет и ни одного рыболовного крючка, для объяснения причин отсутствия которых абсолютно не хватает позитивных сведений. Но все сказанное выше означает, что для определения культурного своеобразия костяного и рогового инвентаря участка 1 Минино 2 данных явно недостаточно. Исходя из анализа каменного инвентаря, можно утверждать, что в нижнем слое залегают изделия заднепилевской и рессетинской культур [Сорокин, 2011], при этом охотниче вооружение первой из них располагается в целом выше, чем второй. Костный инвентарь в силу сохранности тяготеет в основном к основанию слоя, и заманчиво было бы отождествить его с артефактами рессетинской культуры. Опыт, однако, показывает, что суходольные отложе-

ния, а участок 1 приурочен именно к ним, в этом отношении достаточно неблагодарны и материал на них в силу объективных причин [Wood, Johnson, 1978; Сорокин, 2002] бывает чаще всего смешан. Во всяком случае, вероятность смешения достаточно высока, и до проведения пространственного анализа преждевременно утверждать, что стратиграфия напластований не была нарушена и изделия обеих культур можно корректно разделить на отдельные комплексы. В процессе раскопок весь инвентарь без исключения фиксировался по трем координатам, и предварительный пространственный анализ показывает высокую вероятность разделения, по крайней мере, слоев, приуроченных к береговому склону. Аналитическая работа еще ждет своего часа, и предварять ее результаты было бы преждевременно. Пока же лишь можно констатировать, что собранный материал, судя по имеющимся естественнонаучным датам, датируется в пределах 8,5–10,2/10,5 тыс. л. н. [Среда обитания ..., 2002] и находит аналогии в материалах этого времени на территории Центральной России [Жилин, 2001] и Восточного Прионежья [Ошибкина, 1997, 2006].

Литература

- Жилин М.Г.** Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 328 с
- Кvasov D.D.** Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. Л.: Наука, 1975. 278 с.
- Лозовский В. М.** Изделия из кости и рога мезолитических слоев стоянки Замостье 2 // Человек, адаптация, культура / Отв. редактор А. Н. Сорокин. М., 2006. С. 200-222.
- Среда обитания человека в голоцене по данным изотопно-геохимических и почвенно-археологических исследований (Европейская часть России) / Под ред. В.И. Николаева. М.: ИГ РАН, 2002. 190 с.
- Ошибкина С.В.** Веретье 1. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М.: Наука, 1997. 204 с.
- Ошибкина С. В.** Мезолит Восточного Прионежья: культура веретье. М.: Гриф и К, 2006. 324 с.
- Сорокин А. Н.** Мезолит Жиздринского полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. М.: Наука, 2002. 251 с.
- Сорокин А.Н.** Стоянка и могильник Минино 2 в Подмосковье. М.: Гриф и К, 2011. 264 с.
- Wood W.R., Johnson D.L.** A survey of disturbance processes in archaeological site formation // Advances in Archaeological Method and Theory. V. 1. New York, 1978. P. 315–370.

Рис. 1. Местоположение Минино 2 на карте Европейской России.
К статье А.Н. Сорокина «О костяных и роговых изделиях участка 1 стоянки и могильника
Минино 2 в Подмосковье».

Рис. 2. Минино 2. 1 – изделие №1; 2 – №3; 3 – №5; 4 – №6; 5 – №7; 6 – №8.
К статье А.Н. Сорокина «О костяных и роговых изделиях участка 1 стоянки и могильника
Минино 2 в Подмосковье».

Рис. 3. Минино 2. 1 – изделие №9; 2 – № 10; 3 – №14; 4 – №12; 5 – №15.
К статье А.Н. Сорокина «О костяных и роговых изделиях участка 1 стоянки и могильника
Минино 2 в Подмосковье».

Рис. 4. Минино 2. 1 – №16; 2 – №22; 3 – №23; 4 – №24; 5 – №25; 6 – №17.

К статье А.Н. Сорокина «О костяных и роговых изделиях участка 1 стоянки и могильника Минино 2 в Подмосковье».

Рис. 5. Минино 2. Изделие №18.

К статье А.Н. Сорокина «О костяных и роговых изделиях участка 1 стоянки и могильника Минино 2 в Подмосковье».

Рис. 6. Минино 2. Изделие №26.

К статье А.Н. Сорокина «О костяных и роговых изделиях участка I стоянки и могильника Минино 2 в Подмосковье».

Рис. 7. Минино 2. 1 – №27; 2 – №29 (на фото изображены наиболее крупные фрагменты).
К статье А.Н. Сорокина «О костяных и роговых изделиях участка I стоянки и могильника Минино 2 в Подмосковье».

Рис. 8. Минино 2. Изделие №30.

К статье А.Н. Сорокина «О костяных и роговых изделиях участка 1 стоянки и могильника Минино 2 в Подмосковье».

Рис. 9. Минино 2. 1 – изделие №31; 2 – №32; 3 – №33; 4 – №35; 5 – №34; 6 – №36.
К статье А.Н. Сорокина «О костяных и роговых изделиях участка 1 стоянки и могильника
Минино 2 в Подмосковье».

Рис. 10. Минино 2. 1 – изделие №37; 2 – №38; 3 – №39; 4 – изделие №41; 5 – №40.
 К статье А.Н. Сорокина «О костяных и роговых изделиях участка I стоянки и могильника
 Минино 2 в Подмосковье».

¹**В.А. Аверин, ²А.В. Новиков, ³А.В. Аверина**

¹ООО "Ивановская Археологическая Экспедиция", Иваново,

²ООО "Костромская археологическая экспедиция, Кострома,

³Департамент культуры и культурного наследия Ивановской области, Иваново

НОВЫЕ МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ РАСКОПОК ФЁДОРОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ В КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ (по итогам исследований 2008 года)

Цель предлагаемой статьи – введение в научный оборот новых мезолитических материалов из раскопок 2008 г. известного ещё с 1920-х гг. Фёдоровского поселения, расположенного в Чухломском районе Костромской области. Характеристика орудийного комплекса, выделенного по результатам типологического анализа всей коллекции каменного инвентаря, предваряется кратким описанием памятника и историей его изучения. В заключение предпринята попытка определения возраста и культурной принадлежности комплекса мезолитических находок с Фёдоровского поселения.

Ключевые слова: поселение Фёдоровское, поздний мезолит, каменный инвентарь, типологический анализ.

V.A. Averin, A.V. Novikov, A.V Averina

¹LTD Ivanovo archaeological expedition, Ivanovo,

²LTD Kostroma archaeological expedition, Kostroma,

³The Department of Culture and Cultural Heritage of Ivanovo Regin, Ivanovo

NEW MESOLITHIC FINDINGS FROM THE FEDOROVSKOE DWELLING PLACE, KOSTROMA REGION (The results of excavations made in 2008)

This article describes new archaeological findings made on the Fedorovskoe dwelling site, Chukhloma raion, Kostroma Region, Russia. The site was discovered in 1920s. The article describes the site and the history of its investigations before proceeding to the description of the toolkit as it can be isolated from the analysis of the whole set of stone artifacts. The article is concluded by the attempt to date the complex of Fedoprovskoe Mesolithic findings and define their cultural belonging.

Keywords: *Fedorovskoe site, Late Mesolithic, stone artefacts, typological analysis.*

Поселение Фёдоровское, расположенное в Чухломском районе Костромской области, открыто 27 сентября 1923 г. В.И. Смирновым – заведующим Костромским губернским музеем и Л.Н. Казариновым – заведующим Чухломским музеем местного края [Казаринов, Смирнов, 1923]. В этом же году ими были проведены небольшие пробные раскопки и составлен план местности [Казаринов, 1923]. В 1925 г. раскопки на поселении проводили А.Я. Брюсов и М.Е. Фосс [Брюсов, 1925]. В 1926 г. исследования велись Л.Н. Казариновым и

В.И. Смирновым при участии сотрудников Костромского научного общества Л.С. Китицыной, Г.И. Лебедева и др. [Казаринов, 1926; Смирнов, 1926].

После продолжительного перерыва, раскопки поселения были возобновлены И.В. Гавриловой, работавшей здесь в 1962–1964 и 1969–1973 гг., которая разделила культурный слой на четыре последовательных горизонта и выделила пять типов керамики: 1) ямочно-гребенчатая; 2) гребенчатая; 3) волосовская; 4) фатьяновидная; 5) сетчатая [Гаврилова, 1969]. Кроме того, анализируя материалы раскопок, она типологически выделила комплекс кремнёвых изделий мезолитического облика [Гаврилова, 1967].

В 1981 г. территория поселения обследовалась Ю.Н. Убаном, во время широкомасштабных разведок Волго-Окской экспедиции ИА АН СССР [Убан, 1981], им же составлен паспорт на данный памятник.

В 2004–2008 гг. раскопки памятника проводила Костромская археологическая экспедиция под общим руководством А.В. Новикова. В последние два полевых сезона в работах принимали участие сотрудники Ивановской археологической экспедиции под руководством В.А. Аверина, которым был обработан каменный инвентарь, полученный в ходе раскопок. Наряду с многочисленными артефактами неолитического времени в коллекции присутствовали и мезолитические материалы, часть из которых уже введена в научный оборот [Аверин и др., 2011]. Публикации неизданных ранее материалов посвящена данная статья.

Поселение Фёдоровское расположено на низком мысовидном выступе первой надпойменной террасы левого берега р. Вёкса (современная ширина реки в данном месте колеблется от 50 до 90 м), вытекающей из Чухломского озера в 400 м восточнее пос. Фёдоровское (рис. 1). В настоящее время сохранилась лишь часть поселения, размерами около 120 x 80 м. Мыс возвышается над урезом воды р. Вёкса от 0,5 до 2,2 м. Подножие мысовидной площадки заболочено, повышение уровня дневной поверхности происходит плавно к центральной части мыса. Максимальная высота мысовидного выступления по Балтийской системе высот соответствует отметке 252.7. (юго-западная часть поселения).

Практически вся площадь поселения долгое время распахивалась, была занята огородами (картофельниками), в связи с чем культурный слой сильно перемешан, задернованными оставались лишь бровки между отдельными распашками и узкая заболоченная полоса в прибрежной части. Кроме того, по южному краю поселения проходит грунтовая дорога, прорезающая его с запада на восток. Береговая линия заболочена и поросла камышом и кустарником. С восточной стороны мыс так же окаймляется кустарником, отдельно стоящими деревьями и так же заболочен. В южной части мыса в 1980-е гг. были прокопаны мелиоративные каналы. Из-за высокого уровня воды, поднявшегося по причине постройки плотины ниже по течению реки, большая часть поселения оказалась затоплена. Под водой оказалась восточная часть поселения, где находились раскопы И.В. Гавриловой 1962–1964 гг., а также шурф 1973 г. Раскопы 1969–1973 гг., располагавшиеся вдоль береговой линии р. Вёкса,

также заболочены, заросли камышом и кустарником. Таким образом, на сегодняшний день не заболоченными остались лишь южная и юго-западная части поселения.

Раскоп 2008 г. (№ 6 по общей нумерации) примыкал к раскопу 2007 г. и продолжал его в восточном направлении. Кроме того, с северо-восточной стороны раскоп № 6 практически вплотную подходил к болоту и располагался к западу от раскопов 1962–1964 гг. и юго-восточнее раскопов 1969–1973 гг. И.В. Гавриловой. Общая площадь раскопа 2008 г. была невелика и составила 48 кв. м. Совокупная же площадь исследований составляет более 1500 кв. м, из них 504 кв. м раскопано в период с 2004 по 2008 г. (рис. 2).

Всего к мезолитическому комплексу (из раскопок 2008 г.) нами отнесено 65 предметов (не считая отщепов). Сырьём для изготовления орудий служил валунный и галечный кремень среднего качества, преимущественно красновато-коричневого цвета. Наряду с ним использовался кремень коричневого, тёмно-жёлтого и иных цветов.

Техника первичной обработки кремня направлена на получение пластин и отщепов. Для получения пластин применялся «мягкий» роговой отбойник или посредник, микропластины, вероятно, снимались с помощью отжимной техники. Отщепы, по всей видимости, скальвались жёстким отбойником.

Нуклеусов в коллекции 9 экз. Все небольших размеров, одноплощадочные, сильно сработанные. Площадки у всех нуклеусов неоднократно подправлялись поперечными сколами. Присутствуют конический (рис. 4:25), подконический (рис. 4:29), клиновидные (2) (рис. 4:23, 28), торцевые (2) (рис. 4:24, 27). Определить изначальную форму ещё трёх нуклеусов затруднительно, по причине их сильной сработанности (рис. 4:21, 22, 26).

К мезолиту нами также отнесена ножевидная пластина без вторичной обработки (рис. 4:8), а также несколько десятков отщепов из того же сырья, что и орудийный комплекс.

Изделий с вторичной обработкой – 52 экз., большинство изготовлено на отщепах.

Скребков – 16 экз. Все на отщепах. Рабочие лезвия большинства изделий обработаны крутой (реже полукрутой) дорсальной ретушью, лишь в трёх случаях аналогичная ретушь нанесена с вентральной стороны. Найдены концевые орудия с дугообразным лезвием (3) (рис. 3:1, 9, 35), концевые-боковые (3) (рис. 3:2, 14, 15), концевые скошенные (2) (рис. 3:11, 12), концевые-двойные-боковые (2) (рис. 3:3, 6), боковой (рис. 3:10) и подокруглые (5) (рис. 3:4, 5, 7, 8, 13).

Резцы представлены 9 экз. Среди них угловые изделия с узкой (до 2 мм) кромкой на обломках пластин (4) (рис. 3:16, 17, 20, 24), угловые на отщепах с кромкой средней (до 4 мм) ширины (2) (рис. 3:22, 23). Кроме того, встречены двойные угловые резцы с узкими (до 2 мм) кромками (2) (рис. 3:18, 19) и единственный срединный резец с узкой (до 2 мм) кромкой на отщепе (рис. 3:21).

Выразительной серией представлены *комбинированные орудия* (11 экз.). Среди них следующие изделия. Угловой резец с узкой (до 2 мм) кромкой на

пластине в сочетании с ножом и скобелем (рис. 3:25), лезвие ножа оформлено приостряющей дорсальной ретушью, у скобеля две выемки, обе узкие, одна неглубокая, вторая – глубокая. Угловой резец с узкой (до 2 мм) кромкой на пластине в соединении с ножом (рис. 3:26), лезвие ножа оформлено приостряющей ретушью по обоим краям. Угловые резцы (2) с узкой (3 и 2 мм) кромкой в совмещении со скобелями на отщепах (рис. 3:27, 29), выемка скобеля в одном случае широкая и неглубокая, во втором – широкая и глубокая. Двойной концевой скребок на пластине плюс скобель (рис. 3:28), лезвия скребка оформлены крутой (одно) и полукрутой (второе) дорсальной ретушью, выемка скобеля широкая и неглубокая. Двойной угловой резец с узкими (менее 2 мм) кромками плюс нож на пластине (рис. 3:30), лезвие ножа оформлено приостряющей вентральной ретушью по одному краю. Угловой резец с узкой (2 мм) кромкой на отщепе в сочетании с развёрткой (рис. 3:31), кончик которой выделен и скруглён при помощи полукрутой дорсальной и вентральной ретуши. Концевые скребки (2) на отщепах с прямым (в одном случае) и дугообразным (в другом случае) лезвиями, оформленными полукрутой дорсальной ретушью в сочетании с угловыми микрорезцами с узкими (1 мм) кромками (рис. 3:32, 36). Аморфные скребки (2) на отщепах комбинации со скобелями (рис. 3:33, 34), скребковые лезвия подправлены крутой и полукрутой дорсальной ретушью, у скобелей несколько выемок, среди которых широкие и узкие, глубокие и неглубокие.

Наконечники стрел (включая обломки и заготовки) найдены в количестве 6 экз., все на пластинах. Среди них миниатюрный черешковый наконечник, края которого частично обработаны пологой ретушью с обеих сторон, черешок выделен крутой дорсальной ретушью (рис. 4:1); сломанная заготовка черешкового наконечника, насад (находящийся в начальной стадии оформления) обработан крутой ретушью по краю, острие сломано (рис. 4:2); иволистный наконечник, острие и насад оформлены приостряющей дорсальной ретушью (рис. 4:3); фрагмент черешкового наконечника – острие сломано, насад оформлен полукрутой противолежащей ретушью по краям и основанию (рис. 4:4); черешковый наконечник, острие которого обработано пологой дорсальной ретушью по одному краю и несколькими фасетками аналогичной вентральной ретуши; насад подработан полукрутой ретушью с вентральной стороны (рис. 4:5); сломанная заготовка черешкового наконечника – острие отсутствует, насад оформлен полукрутой вентральной ретушью, с дорсальной стороны присутствуют фасетки пологой ретуши (рис. 4:6).

Микропластины с вторичной обработкой найдены в количестве 3 экз. Первая имеет правильную огранку, один край частично обработан мельчайшей полукрутой вентральной ретушью (рис. 4:7). Вторая микропластина, тоже правильной огранки, имеет мельчайшую дорсальную ретушь по краям и несколько фасеток приостряющей ретуши с вентральной стороны (рис. 4:9). На наш взгляд, эти изделия могли использоваться в качестве вкладышей в костяные оправы предметов вооружения. Третья пластинка имеет неправильную огранку, один её край подправлен мельчайшей полукрутой ретушью с

центральной стороны (рис. 4:10). Характер использования данного орудия не вполне ясен.

Острия представлены 3 экз. Одно изделие на продолговатом отщепе, края обработаны полукруглой дорсальной ретушью, выделенный кончик подправлен аналогичной приостряющей ретушью (рис. 4:11). Другое острие на подтреугольном обломке пластины, один край оформлен приостряющей вентральной ретушью (рис. 4:13). Третье орудие, изготовленное на продолговатом отщепе, полностью оформлено пологой дорсальной ретушью, а с вентральной стороны такой же ретушью обработано две трети поверхности (рис. 4:14).

Скобелей – 2 экз., оба на отщепах, имеют широкие и неглубокие выемки, оформленные полукруглой вентральной ретушью (рис. 4:15, 16).

Коллекцию дополняют *сверло и нож* на обломках пластин. Сверло имеет выделенный кончик, обработанный полукруглой ретушью с обеих сторон. Рабочая часть сильно залощена, что, на наш взгляд, свидетельствует о частом использовании орудия (рис. 4:12). Лезвие ножа обработано приостряющей дорсальной ретушью по одному краю. Другой край подправлен несколькими фасетками полукруглой дорсальной ретуши (рис. 4:17).

Интерес представляют три обломка *сланцевых галек с орнаментом* в виде перекрецивающихся линий (рис. 4:18-20), зачастую условно называемых в литературе «чурингами». Подобные изделия (с аналогичным орнаментом) нередко встречаются в мезолитических и ранненеолитических слоях поселений [напр. Ошибкина и др., 1992; Лозовский, 1997; Сидоров, Энговатова, 1998]. Учитывая полное отсутствие на рассматриваемом нами поселении ранненеолитических материалов, мы склонны связывать данные артефакты с мезолитическим комплексом.

Вышеописанный материал, в целом, подтверждает сделанные ранее выводы о позднемезолитическом возрасте всего комплекса [Гаврилова, 1983; Аверин и др., 2011].

Что касается его культурной принадлежности, то данный вопрос продолжает оставаться открытым, несмотря на то, что в разные годы исследователями неоднократно, прямо или косвенно, высказывались мнения на этот счёт [Гаврилова, 1967; 1973; 1983; Ошибкина, 1983; 1997; Верещагина, 2010; Аверин и др., 2011; Аверин, 2013].

На сегодняшний день, нам кажется достаточно обоснованной точка зрения И.В. Гавриловой, что «...эти находки обнаруживают сходство с находками из позднемезолитических местонахождений европейского Северо-Востока, с одной стороны, и Волго-Окского междуречья – с другой, отражая этим своё промежуточное положение» [Гаврилова, 1983. С. 92]. Ранее мы писали, что «...именно в это время (поздний мезолит) мезолитическое население продвигается с Волги вверх по течению р. Костромы, откуда попадает в её левый приток – р. Вёksa, берущую начало в Чухломском озере» [Аверин и др., 2011, с. 123]. В этой связи интересно мнение А.В. Волокитина, высказанное, правда, относительно преобразального периода. Согласно ему, «...Галичская возвы-

шенностъ, которая начинается в районе г. Кострома, и Северные увалы, к которым она подходит ... это путь, по которому передвигались древние коллективы ... эти передвижения первоначально были сезонными ... связаны с миграциями стад северного оленя. В последующем же часть населения оставалась на северных территориях» [Волокитин, 2006, с. 49]. Это наводит на мысль, что и в более позднее (бореал и начало атлантика) время мезолитическое население могло регулярно посещать эти места, делая временные (возможно, сезонные) остановки в наиболее благоприятных для жизни пунктах. Прекрасное знание особенностей местной сырьевой базы уже не требовало перенесения запасов кремня на дальние расстояния, как это было, например, в раннем мезолите Волго-Окского бассейна [Жилин, 1998; Аверин, 2008; 2011]. Возможно, в данном случае именно этим объясняются различия в кремнёвом сырье, из которого изготавливались орудия, на разных памятниках, тогда как основные технологические приёмы их производства оставались практически неизменными.

В завершение отметим, что всё вышесказанное носит исключительно предположительный характер. Хочется надеяться, что публикуемые материалы в какой-либо мере помогут исследователям дать ответы на многочисленные вопросы, связанные с бытованием мезолитического населения на обширных пространствах лесной зоны Восточной Европы.

Источники и литература

Аверин В.А. Мезолит Волго-Клязьминского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 28 с.

Аверин В.А. Ивановский край в эпоху мезолита. Иваново: Изд-ль Епишева О.В., 2011. 164 с.

Аверин В.А. Мезолит Костромского Поволжья: история изучения // ТАС. Вып. 9/Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2013. С. 170-181.

Аверин В.А., Новиков А.В., Аверина А.В. Мезолитические кремнёвые изделия с Фёдоровского поселения в Костромской области (по материалам раскопок 2007 г.) // ТАС. Вып. 8. Т. I. / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2011. С. 115-124.

Брюсов А.Я. Отчёт о раскопках в Чухломском уезде в 1925 году // Научный архив ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник» [рукопись].

Верещагина И.В. Мезолит и неолит крайнего Европейского Северо-Востока. СПб.: Изд-во «Петербургское Востоковедение», 2010. 232 с.

Волокитин А.В. Мезолитические стоянки Парч 1 и Парч 2 на Вычегде. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2006. 126 с.

Гавrilova И.В. Новые мезолитические памятники Костромской области // КСИА. М.: Наука, 1967. Вып. 111. С. 101-107.

Гавrilova И.В. Керамика Фёдоровской стоянки в связи с новыми исследованиями // КСИА. М.: Наука, 1969. Вып. 117. С. 76-83.

Гаврилова И.В. Новые мезолитические находки Фёдоровского поселения // КСИА. М.: Наука, 1973. Вып. 137. С. 74-79.

Гаврилова И.В. Некоторые итоги раскопок Фёдоровского поселения // КСИА. М.: Наука, 1983. Вып. 173. . 89-93.

Жилин М.Г. Адаптация мезолитических культур Верхнего Поволжья к каменному сырью // ТАС. Вып. 3 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Изд-во Тверской государственный объединённый музей, 1998. С. 25-30.

Казаринов Л.Н., Смирнов В.И. Отчёт заведующих: Костромским губмузеем В.И. Смирнова и Чухломским музеем местного края Л.Н. Казаринова по археологическому исследованию 27 сентября 1923 г. берега Чухломского озера у истока р. Вёксы, при котором открыта стоянка первобытного человека // Научный архив ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник» [рукопись].

Казаринов Л.Н. Отчёт об археологических раскопках вновь открытой стоянки первобытного человека, на побережье Чухломского озера около истока р. Вёксы в 1923 г. // Научный архив ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник» [рукопись].

Казаринов Л.Н. Отчёт о раскопках стоянки около деревни Фёдоровской на р. Вёксе в Чухломском уезде Костромской губернии летом 1926 г. // Научный архив ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник» [рукопись].

Лозовский В.М. Искусство мезолита – раннего неолита Волго-Окского междуречья (по материалам стоянки Замостье-2) // Древности Залесского края. Материалы международной конференции «Каменный век европейских равнин». Сергиев Посад: Изд-во Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник, 1997. С. 33-51.

Ошибкина С.В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.: Наука, 1983. 295 с.

Ошибкина С.В. Каменный и бронзовый век // Археология Костромского края. Кострома: Изд-во Издательско-полиграфическое предприятие «Кострома», 1997. С. 26-83.

Ошибкина С.В., Крайнов Д.А., Зимина М.П. Искусство каменного века: Лесная зона Восточной Европы. М.: Наука, 1992. 136 с.

Сидоров В.В., Энговатова А.В. Знаки и орнаменты на изделиях со стоянок Заболотского озера // РА. 1998. № 1. С. 126-139.

Смирнов В.И. Отчёт о раскопках на р. Вёксе Чухломской у д. Фёдоровское 4-10 августа 1926 г. экспедиции Этнологической станции Костромского научного общества и Костромского государственного областного музея // Научный архив ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник» [рукопись].

Урбан Ю.Н. Отчёт об археологической разведке в Костромской области в 1981 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 9806. Л.12.

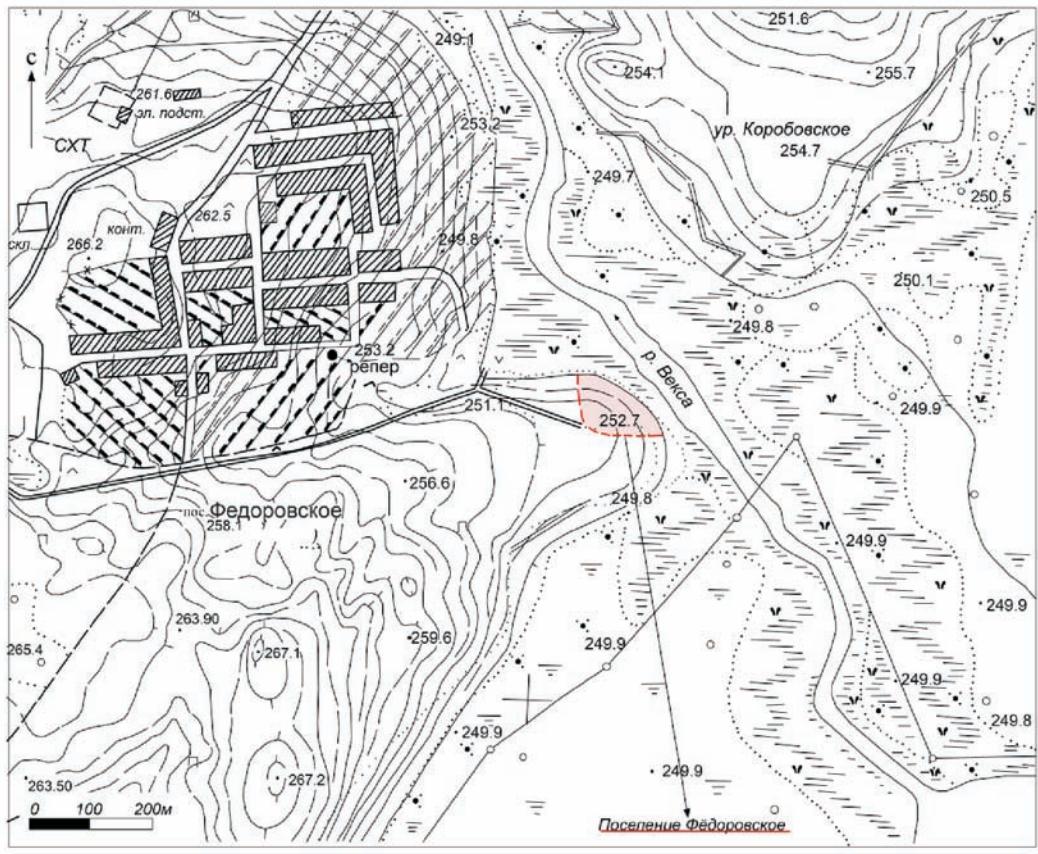

Рис. 1. Поселение Фёдоровское, ситуационный план.

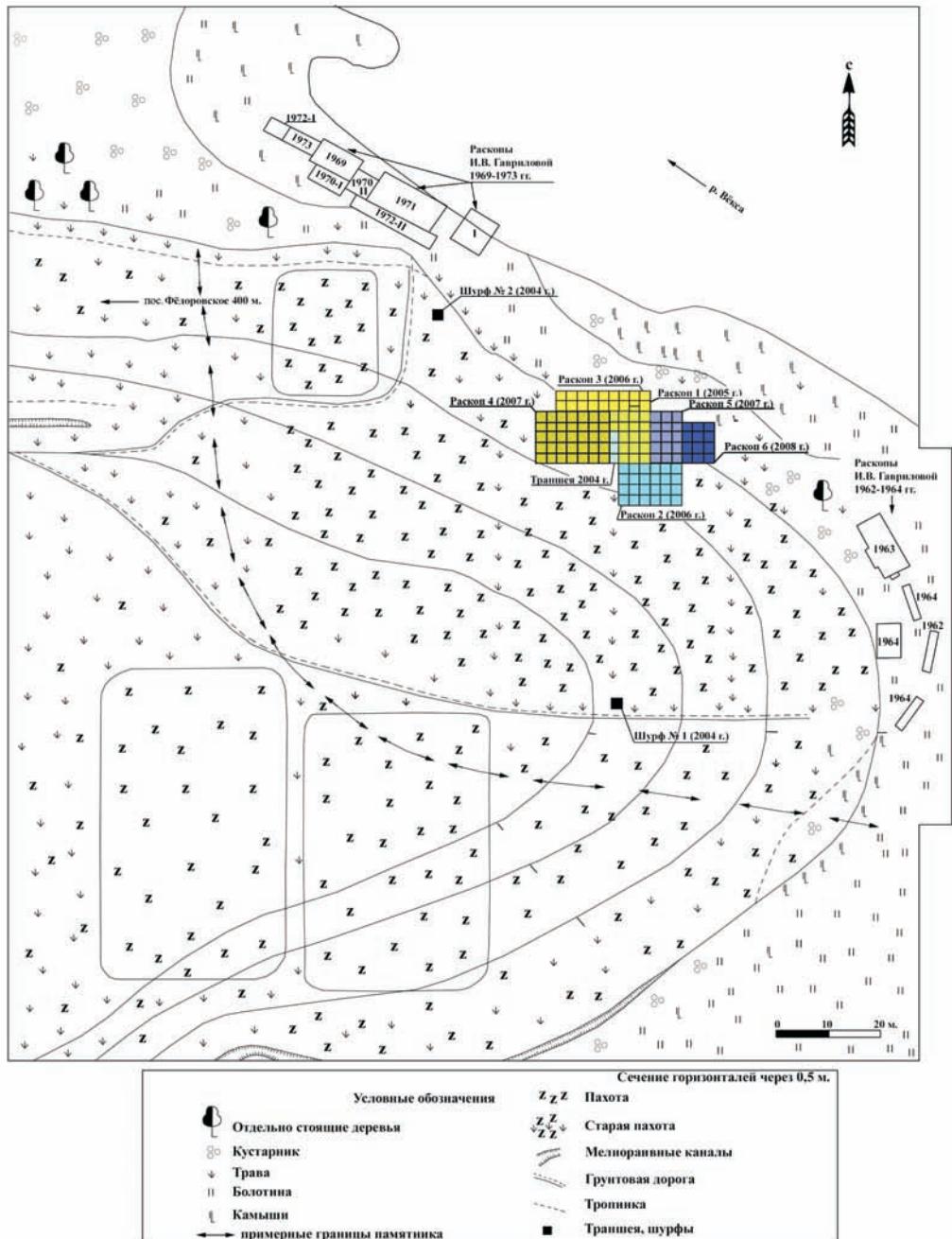

Рис. 2. Топографический план памятника с обозначением раскопов (съёмка А.В. Новикова, 2008).

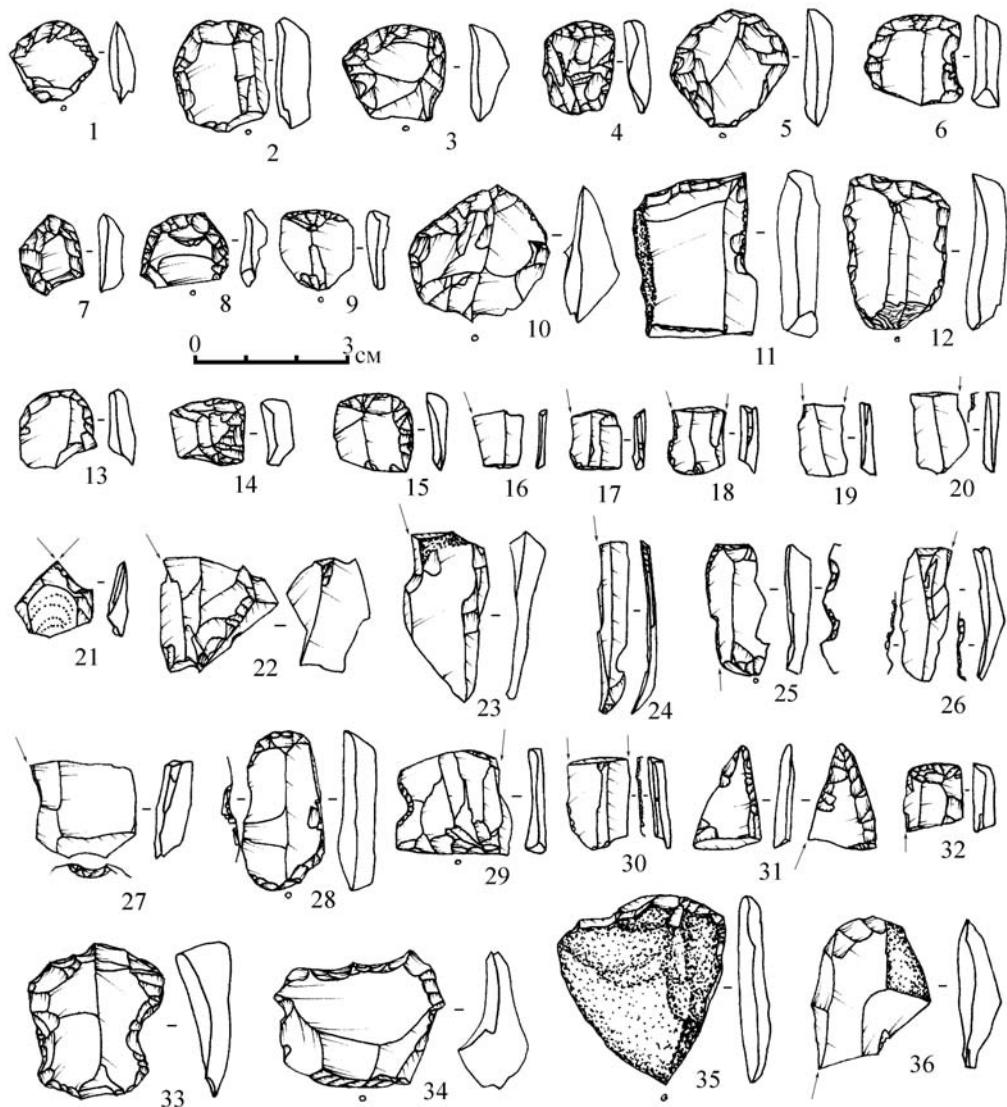

Рис. 3. Поселение Фёдоровское, каменный инвентарь: 1-15, 35 – скребки; 16-24 – резцы, 25-34, 36 – комбинированные орудия (рис. А.В. Авериной).

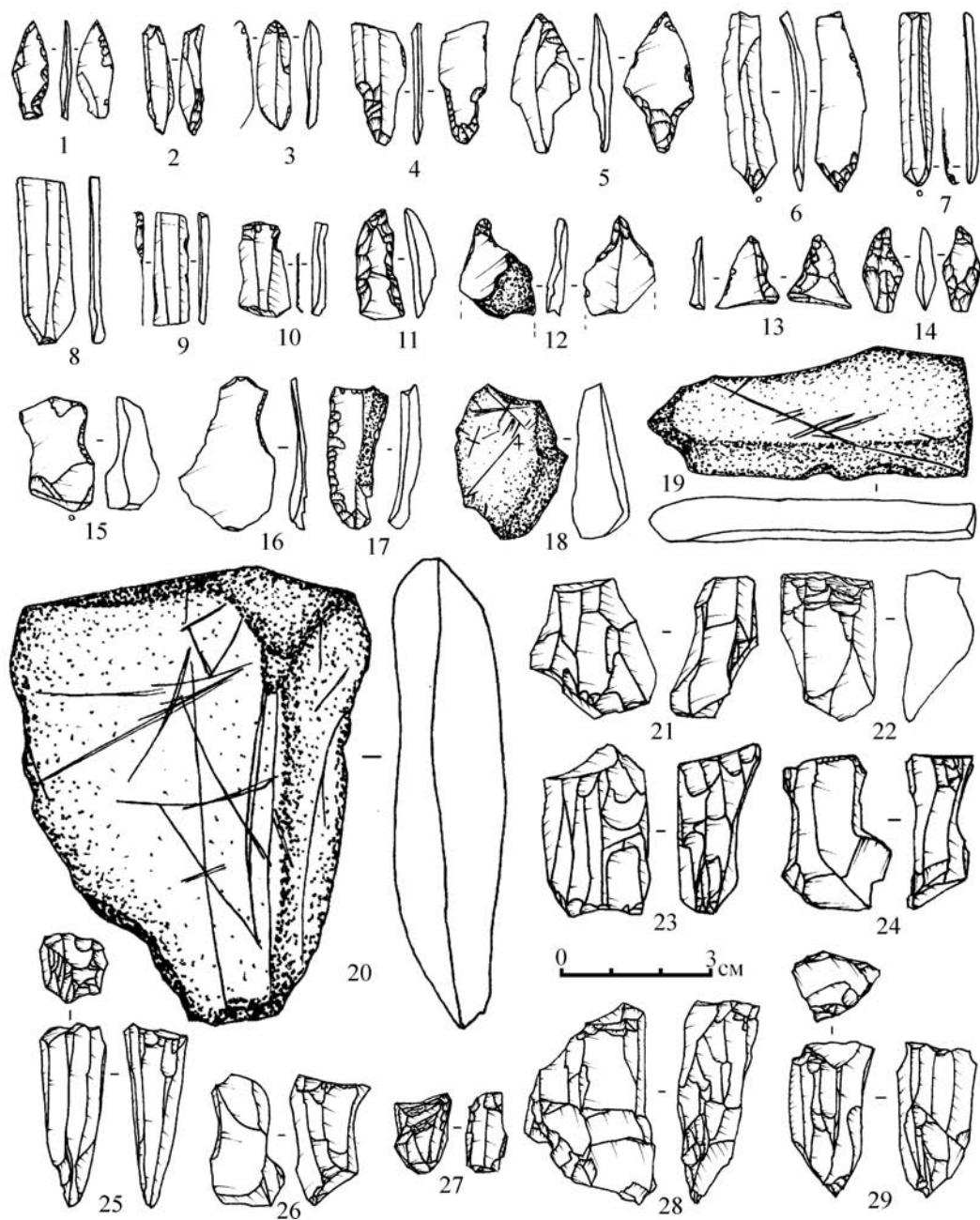

Рис. 4. Поселение Фёдоровское, каменный инвентарь: 1-6 – наконечники стрел, их обломки и заготовки; 7-10 – пластины, в т.ч. с ретушью; 11, 13, 14 – остряя; 12 – сверло; 15, 16 – скобели; 17 – нож; 18-20 – гальки с орнаментом («чуринги»); 21-29 – нуклеусы (рис. А.В. Авериной).

М.Г. Жилин

Институт археологии РАН, Москва

СОСТАВ УЛОВОВ, ОРУДИЯ ПРОМЫСЛА И РОЛЬ РЫБОЛОВСТВА В ХОЗЯЙСТВЕ МЕЗОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОЛГО- ОКСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Представлены составы ихтиофауны, выявленные на мезолитических торфяниковых стоянках Волго-Окского междуречья, раскопанных автором. Видовой состав уловов отражает специфику водоемов, к которым были приурочены те или иные стоянки. Вместе с тем, повсеместно и на протяжении всего мезолита абсолютно преобладают кости щуки. В числе свидетельств важной роли рыболовства и разнообразия ее реконструируемых способов многочисленные орудия лова: крючки, оструги, поплавки. Грузила, приспособления для вытягивания сетей, а также остатки рыболовных сооружений. Специфические следы на костяных орудиях – пешнях показывают существование подледного лова.

Ключевые слова: Волго-Окское междуречье, торфяниковые стоянки, мезолит, орудия активного лова, сооружения для пассивного лова, этнографические параллели.

M.G. Zhilin

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow

THE CONTENT OF FISHING YIELDS, FISHING TOOLS AND THE ECONOMIC ROLE OF FISHING AMONG THE MESOLITHIC POPULATION OF THE VOLGA-OKA INTERFLOW

The article examines the fish fauna remains from Mesolithic wetland sites I excavated in the Volga-Oka interflow. The species represented in the fishing yields reflect the peculiarities of the water bodies to which the sites are attached. However, pike bones dominate in the remains from all Mesolithic sites irrespectively of their location and dating. The numerous fishing tools, hooks, harpoons, sinkers, floats, tools for withdrawing fishing nets as well as remains of fishing constructions prove the important role of fishing as well as the diversity of fishing techniques. Specific traces on bone tools (ice chisels) show the existence of ice fishing.

Keywords: Volga-Oka interflow, wetland sites, Mesolithic, tools for active fishing, constructions for passive fishing, ethnographic parallels.

Наличие рыболовства как отрасли хозяйства мезолитического населения лесной зоны Евразии не вызывает у исследователей сомнения. Однако вследствие того, что подавляющее большинство мезолитических памятников расположено на минеральных грунтах, где не сохраняются органические материалы, конкретное изучение этой отрасли крайне затруднено. Модели, построенные на этнографических материалах [Зализняк, 1991] представляются слишком общими и скорее применимы к неолиту, чем к

мезолиту. Вместе с тем материалы торфяниковых памятников содержат яркие данные о роли рыболовства, составе уловов и орудиях промысла. Если в Северной Европе изучение рыболовства в мезолите плодотворно ведется в течение многих лет, то на территории современной России подобная работа была выполнена в конце прошлого века лишь для Восточного Прионежья [Ошибкина, 1991]. При этом она была построена на материалах всего двух поселений бореального времени – Нижнего Веретья и Веретья 1. В силу этого становится вполне понятной недооценка роли рыболовства в мезолите лесной зоны Евразии, особенно в раннем. Эту точку зрения, сформированную на материалах известных мезолитических памятников Северной Европы [Clark, 1975, р. 142; Зализняк, 1991, с. 116; Ошибкина, 1991, с. 203], на мой взгляд, не следует распространять на другие регионы лесной зоны Евразии.

С 1989 г. Верхневолжской экспедицией ИА РАН под руководством автора открыто 15 торфяниковых стоянок, содержащих культурные слои эпохи мезолита, на 12 из них проведены раскопки [Жилин, 2001; Жилин и др., 2002]. Получены обширные коллекции фаунистических остатков, орудия охоты и рыболовства [Жилин, 2002]. Остатки ихтиофауны дали все раскопанные мезолитические торфяниковые поселения Волго-Окского междуречья. Определения проведены Е.К. Сычевской и Е.А. Цепкиным. Данные о составах уловов опорных памятников, для которых сделаны определения, приведены в табл. 1 и 2.

В нижнем (IV) слое Станового 4, относящемся к концу позднего дриаса, имеются остатки щуки 5-14 летнего возраста, длиной от 25 до 250 см, преобладали экземпляры 7-11 лет, длиной 75-80 см; окуня длиной от 24 до 47 см, преобладали особи в возрасте 5 - 6 лет; сига длиной до 45 см, в возрасте 7-8 лет; а также ельца; язя, плотвы, линя, леща, карася, гольца, ерша. В слоях пребореального времени встречены следующие остатки рыб. В нижнем (IV) слое поселения Ивановское 7 представлены щука длиной 19-136 см, преобладают 60-65 см; окунь длиной 25-28 см, судак длиной 95-100 см, ряпушка длиной до 32 см, плотва, линь, карась, налим [Сычевская, 2002]. Из слоя III Станового 4 происходят кости щуки и окуня. В слое III раскопа 3 Станового 4 встречены остатки щуки, окуня, тех же размеров, что и в нижнем слое; язя, карася от 22 до 30 см; судака до 65 см длиной. Сом представлен молодыми особями возраста 5-8 лет.

Широко представлены кости различных рыб и на памятниках бореального времени. В нижнем (IV) культурном слое Озерков 17 встречены кости щуки длиной от 13 до 70 см, возрастом до 8 лет; окуня длиной 12-18 см; карася длиной 25-27 см и сига свыше 45 см длиной в возрасте от 5 до 11 лет. Сом представлен крупными экземплярами до 170 см, возрастом до 24 лет.

В культурном слое III раскопа 2 поселения Становое 4 представлены щука, окунь, сиг, елец, карась, карповые; размеры те же, что в раскопе 3. В III культурном слое поселения Ивановское 7 (Сычевская, 2002) обнаружена щука, окунь, судак, ряпушка, карась, елец, язь. Рыбы тех же размеров, что и в нижнем слое.

Из нижнего (IV) слоя поселения Нушполы 11 происходят остатки щуки длиной от 24 до 144 см, в возрасте от 4 до 15 лет, в уловах преобладали особи 10-11 лет. Сомы были представлены крупными экземплярами до 204 см длиной, в возрасте до 28 лет. Основную часть вылавливаемых особей этого вида составляли экземпляры от 136 до 204 см, в возрасте от 12 до 28 лет. Встречены также кости карася длиной от 25 до 50 см; сига длиной от 56 до 59 см, в возрасте от 7 до 11 лет; окуня от 13 до 35 см длиной; судака длиной 45-84 см, в возрасте от 9 до 12 лет; леща длиной 52 см, жереха длиной 50-53 см, язя длиной 38 см, голавля, плотвы длиной 23 см, ельца.

В нижнем (III) слое стоянки Окаемово 5 определены щука длиной 12-90 см, карась длиной 20-25 см, язь, окунь длиной 25-30 см, судак длиной 66 см; лещ длиной 40 см, линь длиной 40 см, жерех длиной 60 см, плотва, голавль, ёрш, карповые.

В культурных слоях финального мезолита начала атлантического периода кости рыб также многочисленны. В верхнем мезолитическом слое (Па) поселения Ивановское 7 представлены кости щуки длиной 19-136 см, ряпушки длиной до 32 см, сома длиной до 2,5 м, в среднем 110-150 см (Сычевская, 2002).

В нижнем (IV) слое поселения Озерки 5 определены щука от 34 до 65 см, в возрасте 5-9 лет, преобладали мелкие экземпляры 31-35 см длиной; карась, плотва, сиг, елец и окунь.

В верхнем мезолитическом (III) слое поселения Нушполы 11 встречены щука длиной 24-90 см, окунь длиной 15-30 см, судак длиной 50-70 см, лещ длиной 40-50 см, сом длиной от 136 до 204 см, линь длиной 34 см, карась длиной 25-30 см, язь длиной 36 см, плотва длиной 20-30 см, голавль длиной 23 см.

Как видно из таблицы 1, на всех рассмотренных памятниках преобладает щука, составляя более половины костей рыб, а нередко и больше 80%. Помимо нее в большинстве стоянок существенную долю составляют окунь и карась. Достаточно часто встречаются судак, язь, сиг, плотва, значительно реже жерех, голавль, елец. На разных стоянках представлены лещ, линь, сом. Последний появляется в Волго-Окском междуречье в конце пре boreала и распространяется с первой трети бореального периода. Интересно, что только на одном поселении – Ивановском 7, но зато во всех трех слоях, от первой половины пре boreального по начало атлантического периода, существенную роль в уловах играла ряпушка, причем доля ее возрастает от нижнего к верхнему слою. Вероятно, видовой состав уловов отражает специфику водоемов, на берегах которых были расположены мезолитические стоянки. В целом рыболовство в мезолите Волго-Окского междуречья можно охарактеризовать как развитую отрасль хозяйства, ориентированную на повсеместную массовую добычу щуки и еще двух-трех видов рыб в зависимости от специфики экологических условий. Остальные виды рыб составляют минимальную долю и вероятно ловились попутно, не являясь объектом целенаправленного промысла.

Раскопки торфяниковых памятников дали многочисленные находки рыболовных орудий, предметов и сооружений, связанных с рыболовством. Наконечники гарпунов из кости, реже рога встречаются в небольшом количестве на протяжении всей эпохи мезолита. Насад этих изделий имеет выступы, канавки или отверстия для прикрепления линя. Наконечник съемный, при поражении добычи отделяется от древка. Они имеют один или несколько довольно крупных, треугольных или клововидных зубцов, преобладают однорядные наконечники гарпунов (рис. 1). Предназначались для охоты на крупную рыбу, прежде всего, щуку и зверей, ведущих водный образ жизни.

Наконечники рыболовных копий и острог (зубчатые острия) в отличие от гарпунов не имеют приспособлений на насаде для привязывания линя, их крепление к древку было глухим, наконечник не отделялся от древка, и добычу извлекали наколотой на копье или острогу. О глухом креплении зубчатых наконечников к древку сбоку свидетельствуют отпечатки тонкого перевитого шнура на смоле только на одном крае насада зубчатых острий из слоя III раскопа 3 Станового 4 и слоя IV Озерков 5 (рис. 2:2). Древко остроги с пазами для крепления двух острий по бокам колющего конца было найдено в Веретье 1 [Ошибкина, 1997]; находки целых копий и острог с зубчатыми наконечниками известны в мезолите Северной Европы [Andersen, Jorgsen, Richter, 1982, fig. 68; Clark, 1975]. Однорядные острия встречаются в Волго-Окском междуречье на стоянках как раннего, так и позднего мезолита [Жилин, 2001]. Копья с зубчатыми наконечниками и остроги применялись для битья крупной рыбы, прежде всего, щуки, доминирующей в уловах на всех рассмотренных стоянках. Битье крупной рыбы острогой широко известно из этнографии [Зализняк, 1991] и практикуется, несмотря на запрет этого лова, во многих местах и по сей день.

О стрельбе из лука, вероятно, по рыбе свидетельствуют находки наконечников стрел, глубоко воткнувшихся в древнее озерное дно. Особенно интересны некоторые из них, условия залегания которых позволяют реконструировать способ охоты. Так в прибрежной части стоянки, оставившей нижний (IV) культурный слой Ивановского 7 был встречен мелкий однорядный зубчатый наконечник стрелы, торчавший в озерном дне под углом около 70° (рис. 2:6). Вероятно, он попал туда в результате промаха при стрельбе по щуке на мелководье. Два игловидных наконечника стрел (рис. 2:5) были найдены воткнувшись в озерное дно в прибрежной части мезолитического поселения (нижний культурный слой) Ивановское 3. По данным этнографии для стрельбы по рыбе применялись именно игловидные и мелкозубчатые наконечники [Загорска, 1991]. Изредка встречаются и мелкие гарпunoобразные наконечники с кольцевой канавкой на насаде, как найденный в верхнем мезолитическом слое поселения Нушполы 11 (рис. 2:7). Вероятно, они служили наконечниками так называемых «шнурковых» стрел – по существу мелких гарпунов, которые метались при помощи лука. Стрельба по рыбе требует большого навыка, поскольку из-за преломления воды попасть в рыбу из лука довольно сложно.

Рыболовные крючки так же широко распространены как наконечники гарпунов и острог [Жилин, 2001]. Конструкция их различна. Наиболее просты короткие заточенные с двух сторон стерженьки – так называемые жерлицы, иногда с перехватом в средней части, служившие для насаживания мелкой рыбки-живца (рис. 3:1). Когда крупная хищная рыба проглатывала насадку, линь натягивался, и стерженек, привязанный за среднюю часть, разворачивался поперек, прочно удерживая добычу. Они известны в Волго-Окском междуречье с первой половины преобореального периода, а в позднем мезолите появляются их модификация – узкие пластинки с острыми концами и отверстием посередине. Простые изогнутые рыболовные крючки бытуют на всем протяжении мезолита. Преобладают крючки без бородки с прямым цевьем и нарезками или выделенной головкой для крепления лески (рис. 3:2-4, 6), реже встречаются такие крючки с одной-двумя бородками. Один из них с бородкой из Озерков 17 сохранился с узелком из лески, сделанной из полоски волокнистого материала шириной 1 мм, на головке (рис. 3:5). Для изготовления лески применялись сухожилия или волокнистые растения.

В позднем мезолите появляется крючок с утолщенным или расширенным цевьем, сочетающий крючок с грузилом (рис. 3:7, 8). Такие крючки могли применяться для лова хищной рыбы без насадки [Загорска, 1991], учитывая, что кость была белой и расширение могло служить блесной. Одновременно с цельными применялись и составные крючки, цевье (рис. 3:13) и острие (рис.3:10-12) которых делались отдельно и связывались вместе. Некоторые крючки отличаются оригинальностью, как например крупный составной крючок из Окаемово 5 (рис. 3:14). Жало его с бородкой, но на внешней, а не на внутренней стороне; на внешних краях жала и цевья короткие пазы для микролитов, а головка для привязывания линя оформлена как основание цевья составных крючков, что предполагает крепление острия. В результате получается сложный крючок с защелкой, с которого рыба не могла сорваться. Размеры крючков различны – ширина поддева у самых мелких 8 мм, а у наиболее крупных доходит до 30 мм. Преобладают довольно крупные крючки, что хорошо коррелируется с крупными размерами рыбы в мезолитических уловах. С первой половины бореального периода встречаются грузики – удлиненные стерженьки с выделенными головками или нарезками на концах (рис. 3:9). Вероятно, они, будучи изначально белого цвета, также использовались как блесны для ловли хищных рыб. К одному концу привязывался крючок, а к другому – линь, связанный с удилищем или державшийся рыбаком в руке. Такая снасть могла применяться для отвесного блеснения, что предполагает использование лодки или плота в теплое время года, или ловлю со льда в холодное.

Обрывок узелковой рыболовной сети с ячеей около 4-5 см, сплетенной из тонкого (около 1 мм диаметром) шнура, свитого из двух скрученных полосок волокнистого растительного материала, вероятно, крапивы, обнаружен в нижнем слое поселения Озерки 17 на Верхней Волге, датированном радиоугле-

родным методом 883040 (ГИН-6655) и 884050 лет назад (ГИН-7474), а по пыльце – около 8800–8600 л.н. (Жилин, 2001). Там же найден обломок поплавка и многочисленные грузила. Если фрагменты сетей являются редкой находкой, то поплавки и грузила регулярно встречаются на мезолитических стоянках рассматриваемой территории начиная с первой половины пребореального периода. Первые делались из коры сосны, реже других пород, а также из древесины, чаще сосновой. Представлены удлиненные подовальные (Становое 4; раскоп 2, слой III – рис. 4:5; раскоп 3, слой III – рис. 4:4) или ромбовидные с отверстием в центре (Озерки 17 – рис. 4:1), подтреугольные (Окаемово 5), прямоугольные (Ивановское 3 – рис. 4: 2), в том числе со скругленными углами (Становое 4, раскоп 3, слой III). На основании этнографических параллелей к поплавкам относят свернутые в трубочку полоски бересты, обрезанные по краям [Загорска, 1991, Римантене, 1991], которые часто встречаются на торфяниковых стоянках. Такое их использование вполне возможно, хотя на мой взгляд не является единственным, поскольку береста широко применялась в каменном веке для различных хозяйственных целей. Свежеснятая полоска бересты через некоторое время сама сворачивается подобным образом.

Грузила из галек с сохранившейся поперечной обмоткой лентой волокнистого растительного материала (липового лыка, ивовой коры, листьями болотных растений) или ее отпечатками, иногда с узелком, с выемками по краям или без них (рис. 4:7-8) встречаются сериями на многих стоянках Волго-Окского междуречья на всем протяжении мезолита. Интересно, что в Волго-Окском междуречье грузила не привязывались к сетям веревками, хотя обрывки веревок, скрученных из лыка диаметром от 2 до 5 мм неоднократно находились в тех же слоях, что и грузила (Озерки 5, 17). Для этой цели использовались простые полоски лыка, которыми обвязывалось грузило. Мне приходилось встречать грузила из галек, но обмотанные веревкой, проволокой или изоляционной лентой и у современных рыболовов в некоторых местах Верхнего Поволжья. Сделанная нами экспериментальная сеть длиной 6 и высотой 1,5 м, оснащенная такими грузилами, оказалась очень удобной – грузила хорошо держали ее в вертикальном положении и не запутывались при постановке и снятии сети. Эта сеть с ячеей 2x2 см оказалась эффективной для ловли мелкой щуки и окуня. Гораздо реже встречаются грузила из галек, обмотанные полоской лыка или бересты крест-накрест (Озерки 17).

Также с сетевым ловом рыбы связаны палки-клячи с выделенными головками, к которым прикрепляются края невода. Почти целая такая палка, сделанная из тонкого ствола молодой сосенки (рис. 4:6) была обнаружена в слое финального мезолита в раскопе 2 на поселении Сахтыш 2а в 1999 г. Наличие таких палок в сочетании с грузилами позволяет говорить о лове рыбы бреднем или неводом и функционировании стоянки в теплое время года. Для вытягивания сетей использовались до недавнего времени деревянные крюки, которые также нередко встречаются на мезолитических и неолитических стоянках [Загорска, 1991; Римантене, 1991]. Один такой крюк встречен в раннемезолите

тическом слое IV поселения Сахтыш 14. Вероятно с сетевым ловом рыбы связаны и деревянные диски с отверстием в центре, представленные в слое III раскопа 3 Станового 4. Они также встречаются в неолите и применялись вплоть до самого недавнего времени (а возможно, и до сих пор) для загона рыбы в сети [Загорска, 1991; Римантене, 1991]. От поплавков они отличаются как материалом – это довольно плотная древесина лиственных пород, так и тщательной обработкой поверхности. Эти диски насаживались на конец палки [Римантене, 1991, рис. 1: 44], и ударяя ими по воде загонщики направляли рыбу в сети. На Верхней Волге и на Русском Севере [Ошибкина, 1997] этот инструмент называется «ботало».

В нижнем слое стоянки Озерки 17 встречена плоская подтреугольная в плане плитка известняка с естественным отверстием, в котором обнаружен обрывок веревки диаметром 5 мм, скрученной из двух крученых полосок лыка. Учитывая плоскую угловатую форму и довольно большой вес это грузило скорее использовалось для верши, чем для сети. Многочисленные обломки обструганных сосновых лучин от верш также были найдены в этом слое. Еще одно подобное грузило, сделанное из такой же плоской плитки известняка, но без отверстия и с четкими следами обмотки, поперечно охватывавшей грузило двумя витками (рис. 4:7) найдено в слое III поселения Становое 4 рядом с остатками верши.

Находки плетеных рыболовных ловушек типа верш до недавнего времени были известны в Европе только с позднего мезолита и преимущественно в неолите [Clark, 1961, 1975; Зализняк, 1991; Mertens, 2000]. В культурном слое III поселения Становое 4, датированном радиоуглеродным методом около 9620 л.н. [Жилин, 2001] в сапропеле была обнаружена нижняя часть верши, сохранившаяся *in situ*. Верша сплетена из расщепленных вдоль ивовых прутьев диаметром около 0,8 см, один конец которых заведен за внешний обруч диаметром около 1,5 см. Расстояние между прутьями 1-2 см. Продольные прутья верши поперечно скреплены такими же прутьями через промежутки около 8-10 см (рис. 5:А, 1). Рядом с остатками верши встречено описанное выше грузило (рис. 5:А, 2), вероятно, служившее для нее якорем. Подобные верши до сих пор используются для лова рыбы в Верхнем Поволжье.

Другой тип верши представлен находками в финальномезолитических слоях Замостья 2 [Lozovski, 1996] и Сахтыша 2а. В последнем найдено в оторфованном сапропеле два развода верш из тонких сосновых лучин длиной до 1,5–2 м, шириной 1-2 см и толщиной около 1 см, плотно лежавших друг на друге (рис. 5:Б, 1). Один конец расширен, это был вход в ловушку, на другом конце лучины сходятся в пучок. Большая верша получила радиоуглеродную датировку 739040 (ГИН-10860) л.н., что хорошо согласуется с датой вмещающей породы – 753060 (ГИН-10861) л.н. В этом же слое неподалеку найден фрагмент верши из таких же лучин, возможно, одной из описанных, поперечно переплетенных полосой липового лыка (рис. 5:Б, 2). Примечательно, что в отличие от пластин, на которые иногда сосна

расщепляется естественным путем, лучины от верш тщательно выструганы, в поперечном сечении их углы скруглены. В то же время сломы лучин часто острые, что не позволяет приписывать скругление углов и сглаживание краев и поверхности лучин окатанности. К тому же сосна естественным образом расщепляется по слоям, и сечение таких пластин выпукло-вогнутое, а не прямоугольное. В аналогичных вершах из позднемезолитического слоя Замостье 2 были найдены скелеты мелких рыб 15-20 см длиной в анатомическом порядке [Лозовский, 1997]. В этом же слое сохранились и остатки закола. Обломки лучин от верш, иногда до 1,5 м длиной, регулярно встречаются в слоях мезолитических торфяниковых поселений Волго-окского междуречья начиная со второй четверти пребореального периода. По обломкам таких лучин из Озерков 17 получена радиоуглеродная дата 8830+40 (ГИН-6655) л.н. Подобные верши были распространены в позднем мезолите и неолите в Восточной Прибалтике и Северной Европе [Clark, 1961, 1975; Загорска, 1991; Римантене, 1991; Янитс, 1991, Mertens, 2000].

Верши разных типов использовались, судя по этнографическим данным [Зализняк, 1991; Салымский край, 2001] и современному опыту как отдельно, так и в сочетании с заколами и подобными заграждениями. В первом случае они ставились преимущественно на мелководных застраивающих озерах. Наличие крупных грузил типа описанных с поселений Озерки 17 и Становое 4 в водных отложениях и обломков тонких колов, часто встречающихся воткнутыми в озерное дно рядом с поселениями, указывает на такой способ лова. Помимо Озерков 17 и Станового 4 это было зафиксировано на прибрежных участках мезолитических стоянок Ивановское 7, Озерки 5 и других в Верхнем Поволжье.

До недавнего времени считалось, что заколы, как и верши, появляются только во второй половине мезолита [Зализняк, 1991; Gramsch 1973]. Остатки древнейших заколов в виде остро заточенных колов из бересклета и сосны диаметром 6-12 см, ориентированных поперек течения протоки, соединившей озерный залив с маленьким озерком, вбитых в ее твердое дно на глубину до 70 см были исследованы в прибрежной части поселения Становое 4. Большая их часть в раскопе 3 относится к III культурному слою, по одному колу получена радиоуглеродная дата 922060 (ГИН-8375) лет назад. Несколько подобных колов плохой сохранности связаны с нижним (IV) культурным слоем этого поселения относящимся к концу позднего дриаса. Три таких же предмета из слоя III раскопа 2 Станового 4 датированы в интервале 8700-8540 л.н. Они не образуют четкой прямой линии, вместе с ними встречены и ямки от вытащенных колов с характерным заострением в разрезе, что говорит о неоднократном ремонте рыболовных сооружений. Промежутки между колами, составляющие около 0,5 м, вероятно, закрывались жердями, ветками или аналогичным материалом, а в проходы ставились верши. Заколы такого типа до сих пор применяются на реках и протоках, их остатки неолитического и более позднего времени неоднократно находили в торфяниках [Буров, 1969; Римантене, 1991]. Судя по этнографическим свидетельствам, запоры и заколы

у охотников-рыболовов-собирателей лесной зоны Евразии были очень широко распространены и крайне разнообразны. Так у обских угров известно более 200 вариантов запоров. Использование того или иного варианта определялось спецификой конкретных условий [Салымский край, 2001, с. 100-104]. Запорное рыболовство велось круглый год, однако наиболее интенсивно с осени до весны. Предпочтение для постановки запоров отдавалось мелким рекам, протокам, местам слияния рек или впадения реки в озеро. Именно в таком месте и расположено поселение Становое 4. Наиболее удобное время для установки запора - конец лета или начало осени, по малой воде.

Щуку добывали разными способами: били гарпуном и кололи острогой; ловили на крючок с живцом или на блесну, а также вершами. Свертки бересты, часто встречающиеся на стоянках, могли применяться для факелов при ловушении щуки. Но наиболее производительным, вероятно, был сетевой лов. По определению Е.К. Сычевской большая часть остатков щуки с поселения Ивановское 7 и других в Волго-Окском междуречье принадлежит так называемой щукетравянке, обитающей на мелководье в богатой прибрежной растительности. Для ее массовой добычи наиболее эффективны ставные сети и ловля неводом или бреднем. Эти способы практикуются повсеместно и до сих пор, что неоднократно наблюдалось на разных водоемах Волго-Окского бассейна.

Большая часть окуня, карловых и других видов некрупных рыб вылавливалась попутно при сетевом лове щуки, а также вершами. Последние были наиболее эффективны для ловли окуня, карася, линя, некрупного леща. Судак и крупный окунь обычно держатся на глубине в открытой части водоема. Они добывались ловлей на крючок, возможно применение донных удочек или отвесного блеснения, а также ставными сетями. Сиговые, прежде всего, ряпушка ловились сетями. Жерех и голавль хорошо ловятся на крючок на перекатах. Крупный лещ и налим предпочитают ямы и омута, в которых их ловят на крючок на донную удочку. Имеются этнографические данные о битье различных крупных рыб (линя, леща, судака, налима) острогой, причем опытные рыбаки били рыбу острогой как копьем на большой глубине [Загорска, 1991, с. 47]. Особый интерес представляет ловля сома, особенно крупных экземпляров длиной свыше 2 м. Эту крупную донную рыбу, предпочитающую омута и ямы, ловят на крупный крючок с наживкой с лодки в ночное время. Попавшегося крупного сома в течение нескольких часов изматывают, после чего подтаскивают к лодке и добивают ударом гарпуна или копья.

В зависимости от объекта лова, сезона и особенностей водоема применялись те или другие способы. Большинство из них рассчитано на теплый сезон и лов на открытой воде. К зимним способам можно отнести постановку подо льдом сетей и верш, ловлю в проруби на крючок (особенно эффективна зимой ловля на утяжеленный крючок-блесенку). О применении других способов зимнего лова, известных из этнографии [Зализняк, 1991] в наших материалах нет данных. Для прорубания льда применялись пешни, сделанные из трубчатых костей крупных животных, рабочий конец заточен под

углом около 30-45° [Жилин, 2001]. Некоторые из этих орудий, наряду со следами работы по мягким грунтам, имеют характерные повреждения от ударов в твердый материал, что не исключает их использование для прорубания льда. В раннемезолитическом (IV) слое стоянки Сахтыш 14 найдено такое острье с сильно разбитым концом, не имеющее следов работы землекопного орудия. В данном случае можно уверенно определять его как пешню для прорубания льда.

По большинству представленных в таблице 2 памятников четко видна важная роль рыболовства, причем в Волго-Окском междуречье кости рыб доминируют на трех поселениях уже в первой половине бореального периода. В позднем мезолите по сравнению с предшествующим периодом увеличения роли рыболовства в регионе в целом не наблюдается. Как и ранее, индивидуальные показатели по памятникам весьма изменчивы. Это может указывать на гибкую стратегию использования природных ресурсов в зависимости от конкретной обстановки на момент функционирования стоянок. Учет костей птиц приведет к некоторому снижению доли рыб и млекопитающих, однако не исказит существенно их соотношения. Из этого следует, что рыболовство было в мезолите рассматриваемой территории второй по значению после охоты на млекопитающих промысловой отраслью, особенно если учитывать, что добывалось большое количество крупной рыбы. Вместе с тем, очень крупные рыбы (более 50 кг) вероятно, все же являлись редкостью, а средний вес добытых рыб составлял вряд ли более 5-10 кг.

Рассмотренные материалы показывают, что рыболовство играло очень существенную роль в экономике мезолитического населения Волго-Окского междуречья и была высоко развито. Уже в раннем мезолите здесь были известны практически все способы рыбной ловли, применявшиеся населением внутренних районов лесной зоны Восточной Европы в каменном веке.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант №12-06-00100.

Литература

- Буров Г.М.** О поисках древних деревянных вещей и рыболовных сооружений в старичных торфяниках равнинных рек // КСИА. М., 1969. Вып. 117.
- Жилин М.Г.** Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М., 2001.
- Жилин М.Г.** Охота и рыболовство в мезолите Волго-Окского междуречья (по материалам торфяниковых поселений) // Материалы Северного Археологического Конгресса. Доклады. Екатеринбург–Ханты-Мансийск, 2002.
- Жилин М.Г., Костылева Е.Л., Уткин А.В., Энговатова А.В.** Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья (по материалам стоянки Ивановское VII). М., 2002.
- Загорска И.А.** Рыболовство и морской промысел в каменном веке на территории Латвии // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита –

раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы / Под ред. Н.Н. Гуриной. Л., 1991.

Зализняк Л.Л. Население Полесья в мезолите. Киев, 1991.

Лозовский В.М. Рыболовные сооружения на стоянке Замостье-2 в контексте археологических и этнографических данных // Древности Залесского края. Сергиев Посад, 1997. С. 52-65.

Ошибкина С.В. О рыболовстве у населения Восточного Прионежья в эпоху мезолита // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы / Под ред. Н.Н. Гуриной. Л., 1991.

Ошибкина С.В. Веретье I. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М., 1997.

Римантене Р.К. Озерное рыболовство и морская охота в каменном веке Литвы // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы / Под ред. Н.Н. Гуриной. Л., 1991.

Салымский край. Екатеринбург, 2000.

Сычевская Е.К. Состав промысловых уловов и характер рыбного промысла у жителей поселения Ивановское 7 // Жилин М.Г., Костылева Е.Л., Уткин А.В., Энговатова А.В. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья (по материалам стоянки Ивановское VII). М., 2002.

Яаниц К.Л. Рыболовство и морской промысел на территории Эстонской ССР // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы / Под ред. Н.Н. Гуриной. Л., 1991.

Andersen K., Jorgensen S., Richter J. Maglemose hytterne ved Ulkestrup Lyng. Nordiske Fortidsminder. Serie B. Bind 7. Kobenhavn, 1982.

Clark J.G.D. Prehistoric Europe. London, 1961.

Clark J.G.D. The Earliest Stone Age settlement of Scandinavia. Cambridge, 1975.

Gramsch B. Das Mesolithikum in Flachland zwischen Elbe und Oder. In: Veröffentlichungen des Museums für Ur- und Frühgeschichte. Potsdam. 1973. Bd. 7.

Lozovski V.M. Zamostje 2. Editions du CEDARC, Treignes, 1996.

Mertens Eva-Maria. Linde, Ulme, Hasel, Zur Verwendung von Pflanzen für Jagd- und Fischfanggeräte im Mesolithikum Danemarks und Schleswig-Holsteins. Prähistorische Zeitschrift 75. Band, 2000.

Таблица 1

Процентное соотношение костей рыб в мезолитических памятниках Верхнего Поволжья

Памятник, слой	Щука	Окунь	Судак	Лещ	Линь	Карась	Плотва	Сом	Язь	Сиг	Рыбушка	Елец	Головаль	Жерех
Озерки 5	56,8	5				24,5	2,2			2,7		3,4		
Нушполь 11, III	87,2	4,3	1,9	1,9	0,8	1,7	0,2	1,6	0,2			0,2		
Ивановское 7, Ia	72,1							10,1			17,9			
Окаемово 5	52,2	3,6	2,4	1,8	1,2	6,6	1,2			3,6		0,6	1,2	
Нушполь 11, IV	80,0	2,7	3,3	0,1		3,3	0,4	6,5	0,2	3,0		0,1	0,2	0,2
Ивановское 7, III	88,9	2,1	0,7			1,7	0,2		0,1		6,4	0,1		
Становое 4, p.2, III	73,9	17,4				1,9					4,7	0,8		
Озерки 17	82,6	3,2				8,9			2,1		3,2			
Становое 4, p.3, III	58,0	14,5	14,5			8,0			3,6	1,4				
Ивановское 7, IV	83,4	1,4	1,4	0,1	0,5	0,1				1,9				
Становое 4, IV	71,9	10,9	0,8	0,4	0,8	3,5			0,8	7,4				

Таблица 2

Количество костей / процент остатков фауны в мезолитических памятниках Верхнего Поволжья

Памятник, слой, интервал радиоуглеродных дат, от 1950 г.	Мясные звери	Пушные звери	Рыбы
Озерки 5 7410–90 – 7120–50	1010 / 66,9	56 / 3,7	444 / 29,4
Нушполы 11, III 7310–40	123 / 18,9	13 / 2,0	515 / 79,1
Ивановское 7, II а 7530–150 – 7320–190	392 / 50,5	76 / 9,8	308 / 39,7
Окаемово 5 7910–80 – 7730–60	420 / 70,0	12 / 2,0	168 / 28,0
Нушполы 11, IV 8540+-60	220 / 18,9	32 / 2,7	913 / 78,4
Ивановское 7, III 8780–120 – 8530–50	225 / 20,3	64 / 5,8	820 / 73,9
Становое 4, р.2, III 8700–70 – 8540–60	1164 / 77,2	90 / 6,0	253/ 16,8
Озерки 17 8840–50 - 8830–40	43 / 17,7	10 / 4,1	190 / 78,2
Становое 4, р.3, III 9220–60 – 8850–90	2016 / 84,7	225 / 9,5	138 / 5,8
Ивановское 7, IV 9650–110 – 9640–60	1340 / 48,7	312 / 11,3	1100 / 40,0
Становое 4, IV Раньше 10300–70	350 / 45,5	173 / 22,5	246 / 32,0

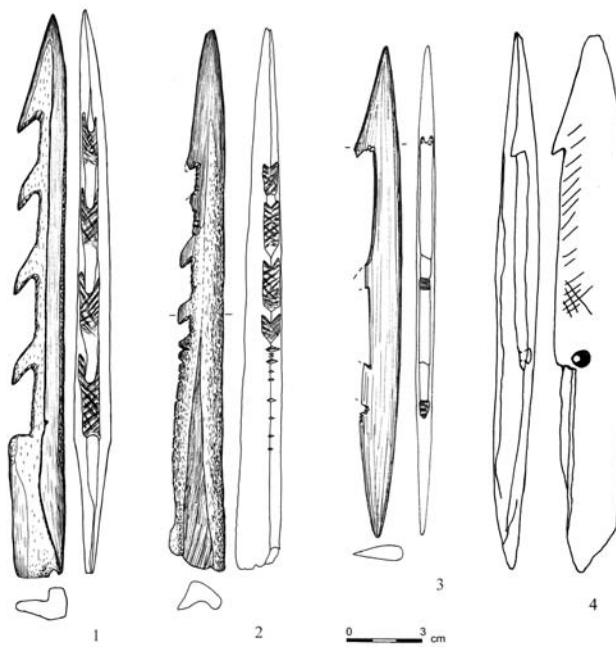

Рис. 1. Наконечники гарпунов: 1-3 – Ивановское 7, слой IV; 4 – Озерки 5, слой IV.

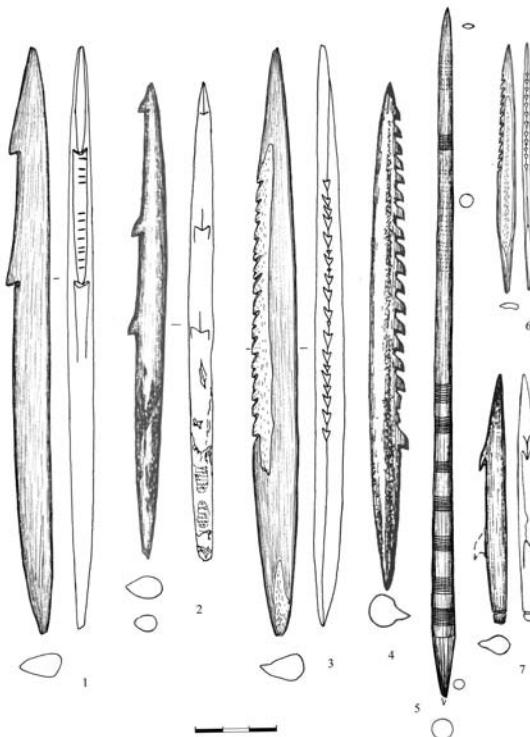

Рис. 2. Наконечники копий и острог (1-4) и стрел (5-7): 1, 3, 6 – Ивановское 7, слой IV; 2 – Озерки 5, слой IV; 4 – Окайемово 18а, слой III; 5 – Ивановское 3, слой IV, 7 – Нусполы 11, слой III.

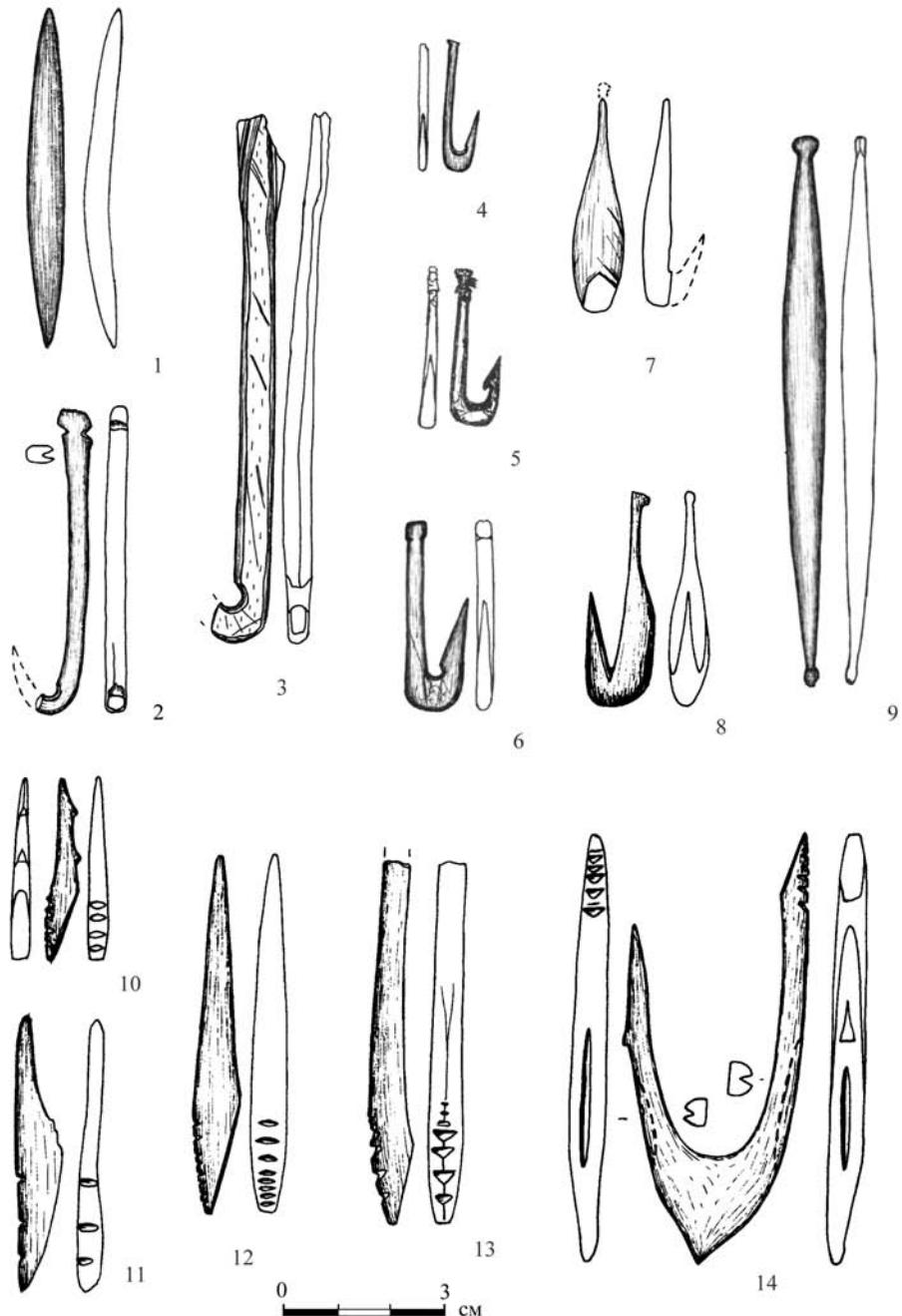

Рис. 3. Рыболовные крючки (1-8), грузик (9), части составных крючков (10-14): 1-3 – Ивановское 7, слой IV; 4,6,9 – Становое 4, раскоп 2, слой III; 5 – Озерки 17, слой IV; 7 – Ивановское 7, слой II а; 8, 10-14 – Окаемово 5, слой III.

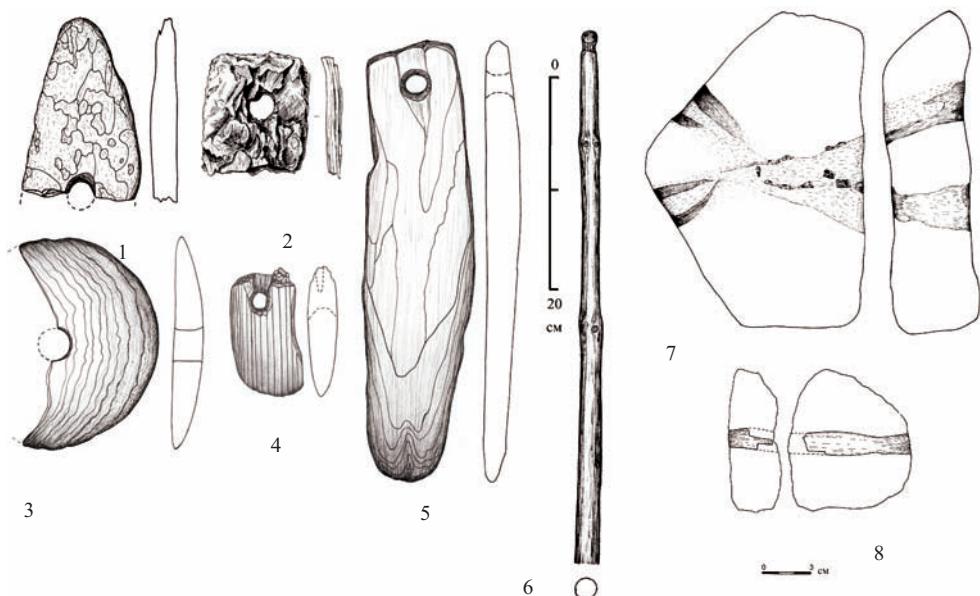

Рис. 4. Поплавки (1, 2, 4, 5), фрагмент навершия ботала (3), палка-кляча (6), грузила (7-8).
 1 - Озерки 17, слой IV; 2 – Ивановское 3, слой IV; 3, 4 - Становое 4, раскоп 3, слой III;
 5 - Становое 4, раскоп 2, слой III; 6 - Сахтыш 2а, раскоп 2, слой IIIа; 7 - Становое 4,
 раскоп 3, слой IIIа; 8 – Ивановское 7, слой IV.

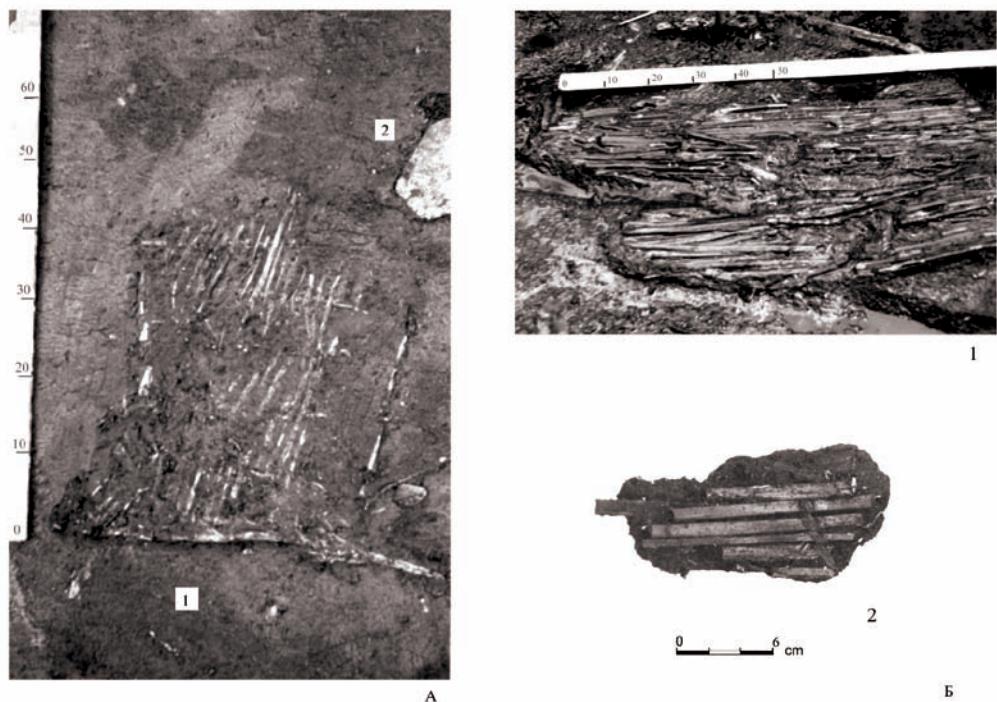

Рис. 5. Остатки верш: А – Становое 4, раскоп 3, слой IIIа: 1 – остатки верши, 2 – грузило
 (рис. 4, 7) в культурном слое in situ; Б – Сахтыш 2а, раскоп 2, слой IIIа: 1 – остатки верши в
 культурном слое in situ, 2 – фрагмент верши из сосновых лучин с переплетением лыком.

Н.Б. Васильева

Вологодский областной центр детского и юношеского туризма и экскурсий, Вологда

А.Я. БРЮСОВ И ВОЛОГОДСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

«...раскопки теперь выходят за границы археологии и истории прошлого и связываются с практикой сегодняшнего дня...»

(Письма А.Я. Брюсова директору Вологодского краеведческого музея Ф.П. Куропатникову: 1939-1940 гг.)

Известный советский археолог А.Я.Брюсов в 1930–50-е гг. проводил исследования памятников Караваиха и Модлона, расположенных в Чарозерском районе Вологодской области. В конце 1930-х гг. усилиями А.Я.Брюсова складывается система взаимодействия между Государственным историческим музеем, Череповецким краеведческим музеем и Вологодским краеведческим музеем, направленная на сотрудничество в области полевых археологических исследований и музейного строительства. Сохранившиеся в Государственном архиве Вологодской области письма А.Я.Брюсова к директору Вологодского музея Ф.П. Куропатникову содержат сведения об условиях взаимодействия трех музеев, интересные бытовые подробности организации экспедиций, интригующие сведения о нелегких путях археологических открытий.

Ключевые слова: поселение Модлона, могильник Караваиха, музейная экспозиция, археологическая экспедиция.

N.B.Vasilyeva

Vologda regional centre for children's and youthful tourism and excursions, Vologda

A. BRYUSOV AND HIS ROLE IN THE RISE OF ARCHAEOLOGY IN THE VOLOGDA REGION

In 1930s – 1950s, A. Ya. Bryusov, a famous soviet Archaeologist, studied Karavaikha and Modlona archaeological sites in the Charozero raion, Vologda region. By the late 1930s, the researcher managed to establish a cooperation between the State Historical Museum, the Chertepovets regional museum and the Vologda regional museum with the aim of carrying out archaeological investigations and enlarging museum collections. The letters written by A. Ya Bryusov to F. P. Kuropatnikov, the director of the Vologda museum, contain interesting information about the conditions, under which the cooperation was established as well as about the everyday life of the expeditions. These letters, which are presently stored in the Vologda Provincial State Archive, provide an intriguing picture of the difficult ways in which archaeological discoveries are made.

Keywords: *Modlona site, Karavaikha burial site, museum exposition, archaeological expedition.*

Деятельность А.Я. Брюсова длительный период была связана с Вологодской областью. Еще в 1931 г. он предпринял первый разведочный выезд в Вытегорский район, в 1931–1932 г. вел раскопки стоянки на Илекс-озере [Иванищев, 1997, с.14]. С 1937 г. проводились работы на территории Чарозер-

ского района. Связаны они были с изучением таких ярких памятников, как Модлона и Караваиха. На стоянке и могильнике Караваиха в течение нескольких полевых сезонов был изучен неолитический некрополь, давший важные сведения о погребальном обряде населения края в каменном веке. Поселение Модлона вошло в археологические энциклопедии как одно из немногих известных в мире свайных поселений. Работы эти были прерваны войной, но возобновились уже в августе 1945 г. В 1939–1940 гг. Александр Яковлевич вел переписку с директором Вологодского краеведческого музея Философом Павловичем Куропатниковым. Письма А.Я. Брюсова хранятся в Государственном архиве Вологодской области (ГАВО, ф. 2038). В них – мысли Александра Яковlevича относительно перспектив исследований в Вологодской области, некоторые бытовые подробности процесса организации и работы экспедиций. Стоит отметить, что в недавно опубликованных воспоминаниях А.Я. Брюсова "На тропах археологии" именно те страницы, которые относятся к работам в Вологодской области, оказались утерянными. Данное исследование позволит отчасти восполнить имеющийся пробел в истории работ А.Я. Брюсова в крае. Кроме того, значимость археологических исследований Александра Яковлевича в Вологодском крае сложно переоценить, и любые неформальные сведения, связанные с его деятельностью, очень важны.

Еще в 1938 г. Александр Яковлевич написал директору Череповецкого краеведческого музея Корнелию Константиновичу Морозову письмо с предложением о созыве совещания из представителей музеев Вологодской области и ГИМа. На совещании, по мнению Александра Яковлевича, необходимо было обсудить наболевшие вопросы: о плане археологических работ в области, о распределении археологического материала и об экспозиции исторических отделов по древнейшим периодам истории. В этом письме А.Я.Брюсов выдвигает рациональный, на его взгляд, принцип распределения полученных в ходе экспедиций археологических материалов «приблизительно соответственно отпущенными средствами» [Спирина, 1999. с. 28]. Планируемое совещание не состоялось, однако многие предложения А.Я.Брюсова были реализованы в ходе совместных работ трех музеев, о чем свидетельствуют письма исследователя в Вологодский краеведческий музей.

Письма адресованы директору Вологодского краеведческого музея Ф.П. Куропатникову. Личность Философа Павловича, предстает весьма колоритной в воспоминаниях Нины Железняк: «Ф. Куропатников иногда заходил к нам в башню. До революции он был великолепным гвардейским портным в Петербурге, а после стал управлять культурой в разных городах, даже в Ясной Поляне, бывал и чекистом. Он говорил, что якобы спас вологодские колокола, когда их хотели снимать, чему я не очень верю. Куропатников был большим фантазером и часто приписывал себе то, чего не было. С каждым годом он прибавлял несуществующие подробности о встречах с Луначарским и о том, как он видел Ленина. Как-то Куропатников рассказывал; как он раскулачивал попа. Зайдя в дом священника в Кадниковском уезде, велел поста-

вить самовар: – Вот попьете последний раз чаек из самовара, так как я его реквизирую. За чаем он объяснял священнику с семьей его мракобесие и пагубную роль для народа. Потом их забрали и увезли. Между тем, Куропатников никогда не думал о собственном благополучии, и главное для него была «деятельность» на революцию. В Софийском соборе он поставил маятник Фуко, мечтал устроить в Вологде обсерваторию в бывшей церкви. В то же время начал уничтожать у Софийского собора могилы архиереев, и только благодаря телеграмме Брягина в Москву это безобразие прекратилось» [Железняк, 1995. С.114].

Первое письмо Александра Яковлевича к Ф.П. Куропатникову, вероятно, относится к началу 1939 г. и содержит предложение о заключении соглашения на проведение работ в Вологодской области между тремя музеями: ГИМом, Череповецким краеведческим музеем и Вологодским краеведческим музеем: «*Глубокоуважаемый Философ Павлович! Во время Вашего приезда в Москву вы говорили, что Вологодский областной музей отпустит в этом году 2000 р. на проведение совместно с ГИМ раскопок в Вологодской области. Так как на этой конференции было постановлено ...обязательно заключать ...письменное соглашение с указанием порядка распределения найденных вещей...посылаю вам шесть экземпляров этого соглашения...если текст соглашения не вызовет у вас возражений, то прошу вас подписать их и вернуть мне обратно для подписи нашего директора ...»* [ГАВО. Ф. 2038. Оп. 1. Д. 264. Л.11].

Текст этого соглашения сохранился (приложение 1) и дает нам возможность рассмотреть, какие работы планировались и на каких условиях.

Предполагалось заключить соглашение между Государственным историческим музеем в Москве в лице действительного члена этого музея, Александра Яковлевича Брюсова, Вологодским областным музеем в Вологде в лице директора музея Философа Павловича Куропатникова и Череповецким Краеведческим музеем в Череповце Вологодской области в лице Морозова Корнилия Константиновича, директора музея, на совместное проведение в 1939 г. археологической экспедиции в Чарозерском, Вашкинском, Шольском и Белозерском районах Вологодской области. Целью работ являлись: раскопки стоянки на слиянии рек Модлоны и Перешной, раскопки могильника в местности Караваиха, раскопки длинного кургана и пробные раскопки селища у дер. Коротецкое; разведки по Северному берегу Белого моря [так в тексте]. Руководителем работ назначался к.и.н. Брюсов Александр Яковлевич. Для проведения работ предполагалось, что ГИМ отпустит 7000, ВОМК – 2000, Череповецкий краеведческий музей – 1500 руб. И здесь реализуется предложенный ранее А.Я. Брюсовым принцип распределения полученного материала: «*Коллекции вещей, добытых при раскопках, будут распределены следующим образом: из раскопок у слияния рек Модлоны и Перешной поступят в ГИМ, т.к. в 1939 г. предполагается вскрыть один жилой комплекс и коллекция не может дробиться; из раскопок могильника на р. Еломе большую частью в Череповецкий музей, включая вырезку одного погребения, а меньшая с распре-*

деленного участка – в Вологодский областной краеведческий музей, из разведок по северному берегу Белого озера – в ГИМ и ВОКМ пропорционально их расходам на эту работу, обязательно целыми комплексами, причем в случае обнаружения древнего Белозерска вещи из пробных раскопок его поступят в ГИМ с выделением образцов в ВОКМ.» [ГАВО. Ф.2038. Оп. 1. Д. 265. Л. 55].

Далее в первом письме А.Я. Брюсов просил оказать помощь в организации работ, а именно: «*Дело заключается в том, чтобы избегнуть обычной задержки на несколько дней для закупки продовольствия и организации транспорта...было бы целесообразней сделать это заранее. Здесь, в Москве, ГИМ уже приобрел палатки, насос, фотопринадлежности и т.д. Уже куплена лодка на месте...но продовольствие тащить из Москвы – невозможно. Поэтому я просил бы Вас поручить кому-нибудь закупить в Вологде за счет средств, которые, я надеюсь, дадут на раскопки, продовольствие с упаковкой в мешки!»* [ГАВО. Ф. 2038. Оп. 1. Д. 264. Л.11].

По письму можно представить, каким был рацион экспедиции. Основной продукт, который просил приобрести Александр Яковлевич, это мука ржаная: «*...по всему плану насчитывается около 500 рабочих-дней, то необходимо обеспечить продовольствием около 400 рабочих-дней. Я думаю, что надо купить: 1) муки ржаной – 200 кг, крупы гречневой – 24 кг, пшена – 10 кг, риса – 10 кг, манной крупы – 6 кг, макароны – 10 кг, сахара колотого – 15 кг, сахара песка – 5 кг. Всего на сумму около 900 – 950 руб. Чай, жиры, мясные консервы и прочее надо будет мне купить в Москве...*» [ГАВО. Ф. 2038. Оп. 1. Д. 264. Л.11об.]. Получается, что на одного члена экспедиции в день приходилось не более 50 гр. сахара; а полакомиться манной кашей можно было не более 10 раз за 2 месяца работ; как, вероятно, и макаронами.

Письмо содержит интересные бытовые подробности, например, сведения о том, что работавшие в прошлом в экспедиции Александра Яковlevича студенты педтехникума, которые «*оказались прекрасными рабочими и вместе с тем очень культурными и дружными в общежитии ребятами*» [ГАВО. Ф. 2038. Оп. 1. Д. 264. Л.13] столкнулись со сложностями с приобретением рабочей одежды: «*... и вот что я надумал. Купить им всем (5 чел.) прозодежду в Москве я не могу: это стоило бы очень дорого...я решил увеличить зарплату до 400 руб. в месяц и в счет этой зарплаты выдать тем, у кого нет своей рабочей одежды аванс на покупку – 100 руб. В.И. Невзоров сказал, что в Вологде за эти деньги можно достать подержанные сапоги и одежду которые выдержат 1,5-2 месяца. Нельзя ли выдать студентам аванс ...под расписку... и проследить, чтобы эти деньги были потрачены на эту цель, т.е. обязать их сразу после закупки сдать купленные вещи для хранения их до начала экспедиции*» [ГАВО. Ф. 2038. Оп. 1. Д. 264. Л.13].

Конечно, экспедиция требовала значительных затрат на оборудование, на создание условий для жизни в экспедиции: «*Палатки в этом году удалось дос-*

тать хорошие - 5 штук на 10-15 чел». На фотографиях, сохранившихся в архиве Музея археологии Череповецкого музейного объединения, вероятно, запечатлены именно эти палатки, для тех времен – верх полевого комфорта (рис.1).

Объекты полевых работ выбирались не только на основании научных предпочтений Александра Яковлевича, но и потребности получения максимально полных данных по всем эпохам и строительства археологической экспозиции в музее: «*Объектом работы для Вологодского музея ...были выбраны преимущественно памятники феодальной или раннефеодальной эпохи – курганы и селище у д. Коротецкое и такие же памятники на берегу Белого озера... эти памятники в Вологодской области (за исключением немногих пунктов около Тотмы не исследовались, а они имеют огромное значение для проблемы Новгородской колонизации...)*» [ГАВО. Ф. 2038. Оп. 1. Д. 264. Л.11].

Стоит отметить, что создание музейной экспозиции в те годы было задачей нелегкой, даже отчасти опасной. В своих воспоминаниях Александр Яковлевич пишет: «Для археологов же, конечно, главной задачей была реэкспозиция открытых зал. Добиться подлинного марксистского показа древнейшей истории человечества, не имея для этого никакого образца перед глазами, ни в наших советских, ни тем более в зарубежных музеях; при наличии только университетских познаний по марксизму; при существовавшей в то время разноголосице среди объявлявших себя знатоками и толкователями высказываний Маркса и Энгельса по вопросу о древнем обществе было делом далеко нелёгким. Каждую построенную нами часть экспозиции приходили, до её открытия, осматривать многочисленные комиссии, внутренние и внешние. Каждая комиссия старалась найти в экспозиции какие-нибудь «ошибки» немарксистского характера. Эти подлинные и воображаемые ошибки, рассматривались через увеличительное стекло, возводились в «уклон», в антимарксизм, даже в антисоветскую вылазку. Одна комиссия утверждала одно, другая – совершенно – противоположное» [Брюсов, 2012. С.670].

Создавались подобные комиссии и для проверки вологодского музея. В нашем распоряжении есть «Протокол осмотра экспозиции, предложения и выводы о работе Вологодского областного краеведческого музея» [ГАВО. Ф.46. Оп.1. Д. 34], составленный Н.А. Черницыным, приглашенным 9 мая 1938 г для «*изучения экспозиции вологодского музея и состояния его фондов и изучения их содержания – что является необходимым для составления плана экспозиции...*». Протокол, составленный на 10 машинописных листах, имеет совершенно разгромный характер. Упоминания об археологическом отделе в музее в нем нет. Существовал исторический раздел, в котором был представлен родовой быт финских племен и начало феодализма на севере. «*Материалы археологических центральных экспедиций хранятся в тех же ящиках не разобранные, а сама экспозиция крайне бедна...*». Выводы, к которым пришел Н.А.Черницын по итогам осмотра экспозиции, вероятно, имели плачевые

последствия для директора музея, которым в то время был В.И. Невзоров: «*1. Враги народа, орудовавшие в музее, находясь вне контроля бывших районных организаций, благодаря их беспечности, привели музей к такому состоянию, что он не может носить названия МУЗЕЙ.... здесь – имеем кунскамерного типа экспозицию, но преследующую явные контрреволюционные цели, которых враги народа достигли /по сведениям, имеющимся в музее, наблюдались факты опускания денег в кружки, целование икон и моления/. 2. Музей... надо строить вновь, считаем, ... что музея как такового не существует*». Не после этого ли осмотра директором музея стал Ф.П. Куропатников?

Вероятно, в 1939 г. началась работа по созданию археологических отделов экспозиции музея. Александр Яковлевич не отказывался проконсультировать коллег в вопросах построения экспозиции, подбора экспонатов. В его письме от 16.5.1939 г. он пишет: «*Если речь идет о макете, который должен изображать охоту в мустьерскую эпоху или вообще в палеолите, то конечно, заменять пещерного медведя бурым нельзя... если же макет будет размещен в разделе неолита Вологодской области (или более поздней эпохи), то, ясно, что может быть показан только бурый медведь, так как пещерные медведи к этому времени вымерли. Неясно мне также, почему Вы при этом говорите о чучеле медведя; значит ли это, что макет предполагается дать в натуральную величину?*» [ГАВО. Ф. 2038. Оп. 1. Д. 264. Л. 9].

Кроме того, к письму приложена пояснительная записка к вырезке погребения с могильника Караваиха (Приложение 2). Значит, к маю 1939 г. вырезка погребения уже была в музее? Но экспедиция и в 1939 г. делала вырезки погребений, о чем свидетельствуют фотографии ученика 7 класса Кек Евгения, участника турпохода, побывавшего на раскопках «профессора Брюсова» (рис. 2) [Архив музея археологии ЧерМО. Д. 8].

Третье письмо, вероятно, написано перед самой экспедицией «*...в Вологду попадем ночью или с 9 на 10 или с 10 на 11. Из Череповца я Вам телеграфирую. Здесь удалось почти все, что я намечал, закупить. Надеюсь, что и у Вас в Вологде с этим не будет задержки. Надеюсь и на транспорт*».

Весь тон этого письма кажется отличным от предыдущих, в нем проглядывает нетерпеливое предвкушение предстоящих работ. Далее Александр Яковлевич пишет: «*Как мне сообщили, к моему удивлению, на наши раскопки собирается приехать Орбели со своими эпроновцами упражняться в «подводных раскопках». Недоумеваю, если это верно, что они будут делать и как они будут нырять в скафандрах на глубину 30-50 сант! Хотя сообщил мне об этом сотрудник Института ИМК Р.Академии Наук Н.А. Прокошев, я отказываюсь верить такому легкомыслию*» [ГАВО. Ф. 2038. Оп. 1. Д. 264. Л. 95].

Это письмо содержит интригующие сведения о том, как нелегко пробивало себе дорогу открытие А.Я. Брюсовым семян культурных растений в слое свайного поселения Модлона: «*Открою Вам одну новость, о которой я воздержался писать ранее. На раскопки мои этого года обращено сейчас несколько*

ко большие внимания, чем ранее. Дело в том, что в прошлом году при раскопках было найдено 3 семени культурного льна на стоянке 2-го тысячелетия до н.э. При опытах в Омской фитопатологической лаборатории одно из этих семян у проф. Мурашкинского (это мой товарищ) проросло. Факт этот привел к тому, что академик Вавилов и академик Вильямс (вернее, по их поручению сотрудники института имени Вильямса) произвели исследование всех найденных семян.

В результате между мною и «академиками» возник своего рода «спор». Они утверждают, что семена льна сохраняют способность к прорастанию только несколько лет, и что прорастание «ископаемого льна» означало бы переворот в науке. Отсюда они делают вывод о «случайном» попадании современных семян на место раскопок. А я утверждаю, что все условия, при которых семена были найдены, совершенно исключают [подчеркнуто А.Я.Брюсовым] возможность «случайного» попадания. А так как от предположения о «случайном попадании» только один шаг до подозрения в «случайном» подкладывании, то я всякие споры и разговоры прервал (еще в январе) до результатов раскопок этого года. Теперь я на такие находки буду составлять акты и опечатывать семена (в прошлом году мне этого, конечно и в голову прийти не могло).

В общем имею инструкцию особенно тщательно в этом году фиксировать все обстоятельства и всю обстановку раскопок. Твердо рассчитываю оказаться правым в этом споре. Но уж теперь попробую обращаться не к Вавилову...

Думаю, что и для Вас это интересно. Ибо раскопки теперь выходят за границы археологии и истории прошлого и связываются с практикой сегодняшнего дня.

На всякий случай: пока, до раскопок этого года, я прошу не сообщать в печать об этом факте. Ибо сейчас у меня нет прямых доказательств, кроме свидетельских показаний об условиях находки. А этого мало. Вот когда закончим работы этого года, дело будет другое. До скорого свидания. Желаю Вам всего лучшего. Искренне уважающий вас А. Брюсов» [Ф. 2038. Оп. 1. Д. 264. Л. 95-95 об.]. Почему Александр Яковлевич решился написать об этих противоречиях в научной среде именно Ф.П. Куропатникову?

В обобщающей публикации А.Я. Брюсова «Свайное поселение на р. Модлоне» мы видим развитие этой ситуации: «В 1939 г. было собрано много семян в нижней части темной супеси. На этот раз они были запечатаны в особую коробку и составлен акт, удостоверявший несомненную «ископаемость» этих семян... Все семена просмотрел Н.Я. Кац, который не обнаружил среди них семян культурных растений...» [Брюсов, 1951. с. 23]. В последующем семена, которые были определены как семена льна, были обнаружены только во время раскопок 1945 г.

В сентябре 1939 г. А.Я. Брюсов присыпает Директору ВОКМ Ф.П. Куропатникову общий авансовый отчет по расходам с приложением оправдательных документов, краткий предварительный отчет и 28 фотоснимков, подводит итог проведенным работам, планирует и оценивает целесообразность новых археологических исследований «...Собранные при раскопках свайного поселе-

ния на р. Модлоне семена принятые музеем им. Тимирязева для бесплатного их определения. После подыскания остеолога для определения найденных костей животных и чертежника для выполнения чертежей я сообщу Вам о стоимости этих работ ... По окончании камеральной обработки... я передам в ученый секретариат ГИМ свои соображения о желательном порядке распределения этих материалов между музеями ... и наконец, я прошу Вас сообщить, предполагаете ли Вы в 1940 г. продолжить участие в работах экспедиции и в каких размерах... со своей стороны я полагаю, что раскопки Караваевского могильника можно считать законченными и в 1940 г. их не продолжать, как показали двухгодичные раскопки, погребения за редким исключением не сопровождались вещами, самый же характер погребений выяснен, и вырезки погребений доставлены во все три музея. Напротив того, за счет сокращения раскопок Караваевского могильника следует, как мне кажется, усилить раскопки свайного поселения на р. Модлоне, не только представляющего исключительный научный интерес, но и дающего огромный вещественный материал. Следует раскопать всю оставшуюся площадь этого поселения для определения планировки поселка (около 100 кв. м) Это даст большой экспозиционный материал, ... поскольку ... там скрыто под почвой несколько остатков домов, то распределение этого материала по комплексам (домам) не представляет затруднений. Работа эта, конечно, займет не меньше 2 месяцев. Общая стоимость ее составит, вероятно, около 11 – 13 тысяч рублей. Зная, что для всех трех музеев ... интересны и нужны кроме того раскопки более поздних курганных памятников в Вол...» далее письмо обрывается [ГАВО. Ф. 2038. Оп. 1. Д. 264. Л. 2].

Следующие письма касаются камеральной обработки полученной коллекции, которая по договору должна была закончиться к декабрю: «... ставлю Вас в известность, что камеральная обработка коллекций из раскопок 1939 г. окончена, опись составлена, чертежи и фотографии готовы. Не закончено только, но сейчас идет, определение костей животных, семян и исследование торфа. Сейчас, следовательно, я приступаю к упаковке выделенной Вам части коллекции. Так как раскопок около сел. Коротец произвести не удалось, я посыпаю Вам половину вещей из раскопок свайного поселения на р. Модлоне (№ по описи 10-312, 1843-2744), часть вещей из Караваевского могильника (№ по описи 1-310) и все сборы в Вашкинском р-не (63 предмета). Отчет с альбомом чертежей и фотографий посыпаю Вам немедленно. Вещи – после окончания упаковки (кроме костей, которые находятся в определении) ... Задержка всех этих работ произошла от того, что я долго болел и в работе был перерыв.» [ГАВО. Ф. 2038. Оп. 1. Д. 264. Л. 96]. В этом письме прослеживаются последовательно реализуемые А.Я. Брюсовым принципы взаимосвязи столичной науки и провинциальных музеев, декларированные еще в 1938 г: вещи передаются после полной камеральной обработки, сопровождаются описью и текстом отчета, распределяются соответственно затраченным средствам [Спирина, 1999. С. 28-29].

Сотрудничество А.Я. Брюсова с Вологодским музеем продолжалось и в последующие годы. Вероятнее всего, условия сотрудничества так же регламентировались соглашениями, подобными первому, но они в архиве не обнаружены. Сохранился «Отчет научного сотрудника вологодского музея Невзорова В.И. «О работе в чарозерской экспедиции проф. Брюсова в 1940 г.» В нем В.И. Невзоров сообщает, что он «...работал вместе с экспедицией с 4 по 22 августа; работа производилась на месте свайного поселения на реке Модлоне...» Интересно, что раскоп изначально делился на участки определенных музеев – адресатов коллекций вещей, так они и воспринимались участниками экспедиции: «участок Вологодского музея, участок ГоИМа и т.д.»: «Я работал все время в участке Вологодского Музея, следил за правильностью выполнения работ рабочими и писал дневник. В конце работ т.к. время позволяло, решили сделать еще прирезку к раскопу. Прирезку сделали к участку вологодского музея с целью раскопать полностью дом, вскрытый здесь лишь наполовину, а не начинать вскрытие нового дома, который не успеть закончить к сроку. Дом в участке Вологодского музея хорошо сохранился (можно проследить пол и крепление одного угла). В результате этого года участок В.М. оказался не меньше чем участок ГИМ и пошли ли ГИМ все вещи с этого участка в В.М. сейчас, сказать затрудняюсь. ... В участке Вол. музея найдены: кости животных, керамика, кремневые орудия: скребки, ножи, проколки, наконечники стрел, обломки шлифованных плит, шлифованные каменные топоры, костяные орудия: шила и проколки, украшения: янтарные подвески, подвески из зубов лося, волка и т.д. Была найдена ручка от деревянного ковшичка, скульптура (небольшая) – татуированная головка человека. Эти вещи дополнили бы нашу коллекцию вещей со свайного поселения. Кроме того, экспедиция производила небольшие раскопки на раннем славянском селище 11–12 вв. (24 августа). 26.8.1940. Невзоров. В.И.» [ГАВО. Ф. 2038. Оп. 1. Д. 265. Л. 4].

В мае 1940 г. Ф. П. Куропатников по каким то причинам покинул пост директора Вологодского краеведческого музея, о чем упоминается в «Протоколе совещания при музейно-краеведческом отделе НКП РСФСР от 13. 8. 1940» [ГАВО. Ф. 2038. Оп. 1. Д. 265. Л. 7].

Однако налаженные деловые связи продолжали действовать, Вологодский музей планировал дальнейшие совместные археологические работы в Чарозерском районе. Но теперь общение происходит посредством официальных писем. Письмо Наркомата по просвещению в Вологодский музей от 23.12.1940 [ГАВО. Ф. 2038. Оп. 1. Д. 264. Л. 42]: «Государственный исторический музей получил от Вас через тов. Брюсова А.Я. сообщение о переводе Вами на камеральную обработку коллекций из раскопок в Вологодской области 1000 рубл. В соответствии с нашим предыдущим письмом Вам будут, следовательно, высланы все вещи из раскопанного у р. Перечной дома №3 (по описи № 400 вещи № 1234-2290 и по описи №425 вещи 233-491) и кроме того, некоторые деревянные вещи, в том числе 2 сваи, и

кости животных. Отправка будет произведена, как только закончится консервация деревянных вещей, которые находятся в процессе их сушки, т.е. в январе-феврале. Сваи придется высыпать дополнительно, т.к. в процессе их консервации очень длителен, а сейчас они еще проходят стадию предварительной медленной сушки, после чего последует пропитывание их особым составом и новая медленная сушка. Научный отчет будет выслан по окончании определения костного материала и анализа пыльцы растений, т.е. в марте-апреле. Ваше сообщение об отправке средств в размере 2000 руб. на совместное продолжение раскопок в 1941 г. в Чарозерском р-не Вологодской области ГИМ получил и поручил тов. Брюсову соответственно планировать работу. ... Участие Вашего представителя в раскопках ГИМ считает очень желательным. Мы ставим Вас в известность, что кроме ГИМ и Вашего музеев в археологических работах в Чарозерском районе будут принимать участие также средствами и людьми Череповецкий краеведческий музей и Торфинститут (М). От последнего исследование торфа на западном берегу Чарозера и по рр. Модлоне и Еломе будет производить проф. С.Н. Тюремнов. Мы просим Вас обратиться в Вологодский Облисполком с ходатайством о распоряжении обеспечить, по примеру прошлого года, участников экспедиции в количестве 10-12 человек на июль-август 1941 г. продуктами питания (хлеб, крупа, сахар) за счет местных ресурсов, желательно, как в прошлом году, из ближайшего к месту работ Сельпо в дер. Росликова ... о результатах этого ходатайства просим уведомить ГИМ. Зам. Директора по научной Ч. проф. Закс, Б.Я., зав 1 отделом Брюсов». Письмо показывает, что за 1939-1940 гг. усилиями А.Я. Брюсова вполне сложилась система взаимодействия между ГИМом, Вологодским и Череповецким музеями. Она включала в себя софинансирование работ, подготовку различных сторон полевой жизни – например, со стороны Вологодского музея – питания, транспорта; участие представителей Вологодского музея в полевых работах. Немаловажным результатом, на мой взгляд, стало и вовлечение заинтересованных людей в процесс археологических исследований. Археология престала быть экзотической диковинкой для музейных работников. Более того, появились люди, готовые заниматься изучением археологических памятников профессионально и планово. Например, заведующий отделом истории Вологодского краеведческого музея Смирнов Петр Иванович, приобрел опыт работ в экспедиции А.Я. Брюсова и Н.П. Милонова, «выполняя руководство археологическими раскопками на отдельных участках». В 1940 г. Вологодский областной краеведческий музей ходатайствовал о получении П.И. Смирновым открытого листа «на право производства раскопок археологических памятников феодальной эпохи на территории Вологодской области... в соответствии с задачей планомерного изучения историко-археологических памятников феодальной эпохи» [ГАВО. Ф. 2038. оп. 1. Д. 264. Л. 37].

Таким образом, частная и официальная переписка А.Я. Брюсова с Вологодским музеем и его директором в 1939-1940 гг. дает возможность увидеть

Александра Яковлевича талантливым организатором науки, музейного строительства, заботливым руководителем экспедиции и наставником.

Приложение 1

ГАВО. Ф. 2038. Оп. 1. Д. 265. Л. 55.

Соглашение между Государственным Историческим Музеем в Москве Вологодским областным краеведческим музеем в Вологде и Череповецким краеведческим музеем в Череповце Вологодской области на проведение в 1939 г. совместной археологической экспедиции.

1. Настоящее соглашение заключено между Государственным историческим музеем в Москве в лице действительного члена этого музея, Брюсова Александра Яковлевича, Вологодским областным музеем в Вологде в лице директора музея Философа Павловича Куропатникова и Череповецким Краеведческим музеем в Череповце Вологодской области в лице Морозова Корнилия Константиновича, директора музея, на совместное проведение в 1939 г. археологической экспедиции в Чарозерском, Вацкинском, Шольском и Белозерском районах Вологодской области.

2. Целью являются: раскопки стоянки на слиянии рек Модлоны и Перешной, раскопки могильника в местности Караваиха, раскопки длинного кургана и пробные раскопки селища у дер. Коротецкое, разведки по Северному берегу Белого моря [так в тексте].

3. Руководителем работ, на имя которого будет испрашиваться Открытый лист, назначается к.и.н. Брюсов Александр Яковлевич.

4. Для проведения намеченных работ отпускается ГоИМ – 7000 руб, ВОМК – 2000, Череповецкий краеведческий музей – 1500 руб.

5. Вся ответственность за научную сторону работ за своевременное предоставление научного отчета по Открытым листу и денежного отчета по произведенным расходам возлагается на Александра Яковлевича Брюсова.

6. Коллекции вещей, добытых при раскопках, будут распределены следующим образом: из раскопок у слияния рек Модлоны и Перешной поступят в ГИМ, т.к. в 1939 г. предполагается вскрыть один жилой комплекс и коллекция не может дробиться; из раскопок могильника на р. Еломе большую частью в Череповецкий музей, включая вырезку одного погребения, а меньшая с распределенного участка – в Вологодский областной краеведческий музей, из разведок по северному берегу белого озера – в ГИМ и ВОМК пропорционально их расходам на эту работу, обязательно целыми комплексами, причем в случае обнаружения древнего Белозерска вещи из пробных раскопок его поступят в ГИМ с выделением образцов в ВОМК.

7. Руководитель экспедиции имеет право в зависимости от условий работы (высокий уровень воды...невозможность нанять доп. рабочих на местах дождливая погода и т.д.) изменять сроки работ и переставлять их

порядок, а, в крайнем случае, заменить один объект раскопок другим. О каждом таком случае должна быть сделана подробная запись в дневнике работ.

8. Весь материал поступит для камеральной обработки в ГИМ. По окончании ее, но не позднее 31 декабря 1939 г. часть коллекций согласно этим соглашениям должна быть отправлена в научно обработанном виде в Вологодский и Череповецкий музеи.

Примечание. Вырезка погребения непосредственно будет отправлена в Череповецкий музей.

9. Отчет о работах должен быть сдан руководителем экспедиции А.Я.Брюсовым не позднее 31 дек. 1939 г. вместе с черновыми чертежами в ГИМ и по оформлению его, должен быть выслан в копиях, но не позднее 1 апреля 1940 г. в Вологодские и Череповецкие музеи.

10. ВОКМ и ЧКМ принимают на себя часть расходов по камеральной обработке материалов и оформлению научного отчета в сумме, определенной дополнительными соглашениями.

11. Денежный отчет должен быть представлен руководителем экспедиции А.Я. Брюсовым в каждый музей: Сводный отчет обо всех расходах на экспедицию, выписка из него расходов на сумму, отпущенную музеем, оправдательные документы на эту сумму.

12. Ориентировочно начало экспедиции назначено на 1 июля 1939 г, продолжительность – 2 месяца.

Ориентировочное распределение расходов:

Покупка лодки

Фотопластинки

Накомарники

Канцелярские принадлежности, наем грузовика, хозяйственная утварь, ж/д билеты.

Суточные и квартирные: Брюсову за 62 дня по ставке 700 р. в месяц, (372) суточные и квартирные В. Невзорову за 31 день по ставке 400 р. в месяц (228) зарплата трем постоянным работникам за 2 месяца по 400 р., зарплата 5 рабочим за полтора месяца, зарплата местным рабочим по 14-15 руб. в день. Переезды при разведке на Белом озере, упаковка коллекций, провоз коллекций по железной дороге и на пароходах.

Приложение 2

[Ф. 2038. Оп. 1. Д. 264. Л. 9.]

Текст к погребению. Вырезка погребения 2-го тыс. до н.э.

Вырезка сделана на древнем могильнике, расположенному на правом берегу р. Еломы в Чарозерском р-не, в 10 км ниже отделения этого рукава от Модлоны. Могильник находится на краю большой стоянки. И стоянка, и могильник существовали с конца 3 по сер. 2 тыс. до н.э. У всех погребенных на этом

кладбище черепа оказались расколотыми. Это объясняется, по-видимому, страхом перед умершими и опасением, как бы он не вышел из могилы. Но вместе с тем в этих погребениях замечается особая забота об умерших: могилы засыпаны красной охрой, символом огня и жизни, с некоторыми покойниками были положены различные бытовые вещи. Двойственность отношения к умершим – страх перед ними и забота о них, как о своих родичах, перешедших якобы в загробный мир, характерны для первобытных верований. Раскопки части этого могильника были произведены в 1938 г.

Этот текст почти не отличается от того, который помещен при другой вырезке погребения, находящейся в нашем музее. Со своей стороны я обращаюсь к вам с просьбой сообщить, получили ли вы посланный материал: **копии моих отчетов о раскопках в 1937 и 1938 г., отношение и письмо, пять экземпляров проектов договора об организации в 1939 г. совместных раскопок с ГИМ, ВО и ЧМ...** если Вы получили эти бумаги, то я очень прошу Вас срочно ответить, согласны ли Вы с этим проектом (так в тексте) и какие из просьб, изложенных в этом письме, могут быть выполнены Вологодским музеем. От этого, например, зависит мой выбор отправного пункта выезда на раскопки – из Вологды или Череповца и т.д. Уважающий Вас А. Брюсов 16.5.1939.

Литература

Иванищев А.М. Древности Вытегории // Вытегра. Краеведческий альманах. Вологда: ВГПУ, изд-во «Русь», 1997. Вып. 1. С. 11-42

Железняк Н.В. Глухие годы // Сильнее судьбы. Владимир Степанович Железняк-Белецкий. Книга памяти. Вологда, 1995. С. 61-127.

Брюсов А.Я. На тропах археологии // Российский археологический ежегодник. №2. 2012. / Под ред. Л. Вишняцкого. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2012. С. 647-702.

Брюсов А.Я. Свайное поселение на р. Модлоне // МИА. 1951. №20. С. 7-76.

Спирина Д.В. К истории археологических исследований в Вологодской области. Письмо А.Я. Брюсова директору Череповецкого краеведческого музея К.К. Морозову // Череповец: Краеведческий альманах. Вологда: «Легия», 1999. Вып. 2. С.23-30.

Рис. 1. Палаточный лагерь археологической экспедиции под руководством
А.Я. Брюсова, 1939 г.

Рис. 2. Могильник Караваиха, 1939 г. Процесс вырезки погребения.

Н.В. Косорукова

Череповецкий госуниверситет, Череповец

О ДАТИРОВКЕ ТОРФЯНИКОВОЙ СТОЯНКИ КАРАВАИХА 4 В БАССЕЙНЕ ОЗЕРА ВОЖЕ

На торфяниковой стоянке Караваиха 4 в бассейне оз. Воже выявлены два культурных слоя эпохи неолита. В результате радиоуглеродного датирования нижний культурный слой отнесен к концу VI – началу I первой половиной V тыс. до н.э. (ранний неолит), верхний культурный слой – к рубежу V-IV тыс. до н.э. (рубеж раннего и среднего неолита).

Ключевые слова: торфяниковая стоянка, культурный слой, ранний неолит, средний неолит.

N.V. Kosorukova

Cherepovets state university, Cherepovets

ON THE DATING OF KARAVAIKHA 4 WETLAND CAMP SITE IN THE LAKE VOZHE BASIN

The Karavaikha 4 wetland campsite in the Vozhe lake basin has two Neolithic cultural layers. The radiocarbon dating of the lower layer indicates the period of the late 6th – early 5th millennia BC, that is the early Neolithic period. The upper layer dates to the late 5th – early 4th millennia BC (the transition from the Earlier to the Middle Neolithic).

Keywords: wetland campsite, cultural layer, Earlier Neolithic, Middle Neolithic

Стоянка Караваиха 4 находится в Кирилловском районе Вологодской области на левом берегу р. Елома примерно в 18 км от ее впадения в оз. Воже, неподалеку от известного Караваевского могильника, раскопки которого в 1930–50-е гг. проводил А.Я. Брюсов [Брюсов, 1961]. Памятник Караваиха 4 был открыт в 2002 г. объединенной археологической экспедицией Череповецкого государственного университета и Череповецкого музеиного объединения под руководством Н.В. Косоруковой. За 2002–2012 гг. на памятнике заложено 15 раскопов общей площадью 411 кв.м. [Венедиктова, Косорукова, 2010; 2011; Свиридов, Косорукова, 2012]. Стоянка расположена на низком болотистом берегу, поросшем кочками, кустами и лиственными деревьями. Низкие заторфованные болотистые берега рек и озер характерны для всей системы озер Воже-Лача.

Стоянка Караваиха 4 представляет собой торфяниковый памятник, основной комплекс находок относится к эпохе раннего неолита. Находки данного комплекса залегают под слоями торфа, оторфованного суглинка и сапропеля, ниже уровня воды в реке. Мощность слоев торфа и оторфованного суглинка составляет около 1 м (0,9–1,3 м), мощность сапропеля варьирует от 0,1 м до 0,9 м. Находки залегают тонким горизонтом, их насыщенность в слое невелика. Уровень залегания артефактов связан с очень тонкой (2 мм) прослойкой песка,

фиксируемой на контакте темно-зеленого оторфованного сапропеля и матери-ковой глины на прибрежном участке памятника или на контакте сапропеля и погребенной почвы в более удаленной от берега части памятника. Погребенная почва выглядит как темно-коричневый торф или коричневый оторфованный суглинок. С данным комплексом находок связаны сооружения из деревянных столбов, устроенные в длинных узких западинах – древних, ныне полностью заторфованных заливах-ручьях, интерпретированные как рыболовные ловушки. Большая часть находок была выявлена именно в западинах, на самом дне их, где они залегали на глубине 1,6-2,2 м от дневной поверхности (на разных участках памятника отмечена разная глубина залегания находок, это объясняется тем, что дно западин не горизонтальное и понижается от леса в сторону реки). За пределами западин глубина залегания находок составляет, в основном 1,2-1,4 м, что также зависит от расположения того или иного участка внутри памятника. Этот уровень получил наименование «нижний культурный слой», так как на отдельных участках памятника встречены немногочисленные находки также и в верхней части сапропеля; последние были названы, в свою очередь «верхним культурным слоем».

Найдки нижнего культурного слоя представлены (рис. 1) изделиями из камня, кости, дерева, есть также фрагменты керамики, кости животных и рыб. В числе изделий из кости преобладают орудия охоты и рыболовства. Здесь найдены наконечники стрел разных типов (преобладают игловидные, есть также асимметричные с односторонним пером, другие типы единичны), гарпуны и зубчатые острия, наконечники копий и рогатин, пешни, рыболовные крючки, инструменты для плетения сетей, подвески из зубов животных. Значительной серией представлены кремневые наконечники стрел на пластинах с минимальной обработкой ретушью острия и насада; в числе изделий из кремня также имеются две трапеции, немногочисленные пластинки и скребки, неправильной формы нуклеусы, присутствуют также наконечники стрел с двусторонней обработкой ретушью. Многочисленны сланцевые шлифованные топоры и тесла, есть также сланцевые стамески, плитки с отверстиями и подвески. Большой интерес представляют фрагменты плетёных рыболовных корзин. Керамика представлена небольшим количеством фрагментов – чуть более двадцати – это керамика украшенная оттисками гребенчатого штампа, ямчатыми вдавлениями. В качестве орнаментиров использовались и кости животных. Для данного уровня залегания находок имеется серия радиоуглеродных дат, охватывающая диапазон от 7015 ± 35 (ЛЕ-7190) до 6670 ± 50 (ГИН-12513) (даты некалиброванные), которая позволяет датировать ранненеолитический комплекс стоянки концом VI – началом и первой половиной V тыс. до н.э.

Стоянка Каравайха 4 в настоящее время представляет собой единственный памятник раннего неолита в бассейне оз. Воже, что определяет повышенный интерес к нему. Значимость памятника усиливается тем, что здесь, причем именно в ранненеолитическом слое, обнаружены рыболовные ловушки и столбовые конструкции (столбы выявлены не только в западинах, но и за их

пределами); в этом же слое найдена костяная подвеска-птичка (самая ранняя среди подобных находок эпохи мезолита - энеолита лесной зоны); также здесь прекрасно сохраняется органика и выявлено большое количество деревянных изделий, как в нижнем культурном слое, так и в заполнении западин, и вокруг них, в нижней части сапропеля. По нашему мнению коллекция находок из нижнего культурного слоя стоянки Караваиха 4 представляет собой чистый в хронологическом отношении комплекс, относящийся, как уже указано, к эпохе раннего неолита. Но при обсуждении данного положения на конференциях и в устных беседах с коллегами-археологами неоднократно поднимался вопрос о наличии возможных более поздних материалов (примесей) и о смешанности данного комплекса.

Для подтверждения «чистоты» нижнего культурного слоя могут иметь значение надежные естественно-научные даты верхней части слоя сапропеля, которые могут показать, насколько быстро произошло образование слоя сапропеля и «запечатывание» нижнего культурного слоя. Как уже указывалось, в верхней части слоя сапропеля на отдельных участках памятника встречены единичные артефакты, датировать которые было сложно, так как находки из верхнего культурного слоя немногочисленны и представлены, в основном, кремневыми отщепами и обломками. В 2010 г. в раскопе № 11 в верхней части сапропеля было обнаружено интересное костяное изделие, которое сначала определили как поплавок [Венедиктова, Косорукова, 2010, с. 123, рис.2:9] по причине формального сходства. В настоящее время это изделие следует рассматривать как наконечник стрелы из разряда «биконических» (рис.2, *цв. вклейка*). Аналогии данному изделию удалось найти в материалах стоянок Берендеево IV и VIII, расположенных в Переславском районе Ярославской области [Уткин, 1984]. К сожалению, материалы данных стоянок представляют собой подъемный материал. По мнению А.В. Уткина, стоянки Берендеево IV и VIII следует отнести к неолитическим памятникам с поздней ямочно-гребенчатой и редкямочной керамикой первой половины III тыс. до н.э. на основании аналогий большинства костяных изделий материалам стоянок Берендеево I и Ивановское III [Уткин, 1984, с.55, рис.1:3-5, 13-15]. Но сам факт, что данные наконечники происходят не из раскопа, как и отсутствие надежных естественно-научных дат, оставляют вопрос о датировке наконечников данного типа открытым.

В 2012 г. в раскопе № 15 в верхней части сапропеля были обнаружены два интересных деревянных предмета. Вначале они были приняты за обычные столбы, типичные и характерные для памятника, верхушки которых нередко начинали фиксироваться уже в верхней части сапропеля. По мере выборки слоя выяснилось, что это не столбы; оказалось, что это предметы длиной 18 и 22 см, округлого сечения и диаметром, в среднем, около 3 см. У каждого один конец обломан, а второй – завершается скульптурным изображением головы животного (рис. 2, *цв. вклейка*). Какие животные изображены – сказать трудно. Одно изображение выглядело более условным, но весьма напоминающим голову и морду

животного, второе – более четким, у него выделены глаза (уши?), явно угадывается сужающаяся к носу морда. Возможно, это изображение змеи. Данные предметы залегали вертикально в верхней части сапропеля, головами вниз. Поскольку один конец у каждого предмета обломан, возникло предположение, что это две части одного предмета. Возможно, это был жезл, заканчивающийся скульптурными изображениями голов животных на обоих концах, который был сломан и выброшен. Возможно, что он был выброшен по какой-то причине древними людьми из лодки в прибрежной части древнего озера.

Сами по себе данные предметы представляют большой интерес, так как они относятся к сфере духовной культуры древнего населения и характеризуют, возможно, религиозно-мифологические представления. К сожалению, сохранность предметов не очень хорошая, дерево оказалось мягким и буквально разваливалось в руках на кусочки, что было несколько удивительно, так как обычно на Караваихе 4 отмечалась вполне удовлетворительная сохранность древесины. Поэтому появилась возможность использовать эти предметы для проведения радиоуглеродного анализа. Те отвалившиеся кусочки (по одному от каждого предмета), которые не удавалось уже присоединить к изделиям в целом, были отправлены на ^{14}C анализ; сами же предметы, насколько их удалось собрать из кусков, отправлены на реставрацию, где и находятся в настоящее время. По образцам были получены следующие даты: 6010 ± 50 (ЛЕ-10043) и 5990 ± 100 (ЛЕ-10044), даты не калиброваны. Эти радиоуглеродные определения позволяют датировать находки из верхнего культурного слоя рубежом V-IV тыс. до н.э. или рубежом раннего и среднего неолита, возможно, началом распространения в лесной зоне ямочно-гребенчатой керамики. А также говорить о том, что образование слоя сапропеля происходило в основном, в течение V тыс. до н.э., в период раннего неолита, и завершилось уже в начале IV тыс. до н.э. По-видимому, теперь у нас есть право исключить возможность наличия поздненеолитических и энеолитических примесей в нижнем культурном слое, хотя, несомненно, что следует продолжить радиоуглеродное датирование различных образцов (дерева, кости и др.) как из верхней, так и из нижней части сапропеля для получения возможно большего количества независимых датировок.

Литература

Брюсов А.Я. Караваевская стоянка // Сборник по археологии Вологодской области. Вологда, 1961.

Венедиктова Н.Н., Косорукова Н.В. Исследование ранненеолитического поселения Караваиха-4 в бассейне озера Воже в 2010 г. // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Доклады 13-й научной конференции. Сыктывкар: Геопринт, 2010. Т. XIII. С.118-126.

Венедиктова Н.Н., Косорукова Н.В. Исследование ранненеолитического поселения Караваиха-4 в бассейне озера Воже в 2011 г. // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Доклады 14-й научной конференции. Сыктывкар: Геопринт, 2011. Т. XIV. С.130-138.

Свиридов Д.В., Косорукова Н.В. Исследование ранненеолитического поселения Караваиха 4 в бассейне озера Воже в 2012 г. // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Доклады 15-й научной конференции. Сыктывкар: Геопринт, 2012. Т. XV. С.126-132.

Уткин А.В. Костяные изделия со стоянок Берендеево IV и VIII // КСИА. М., 1984. № 177. С. 52-56.

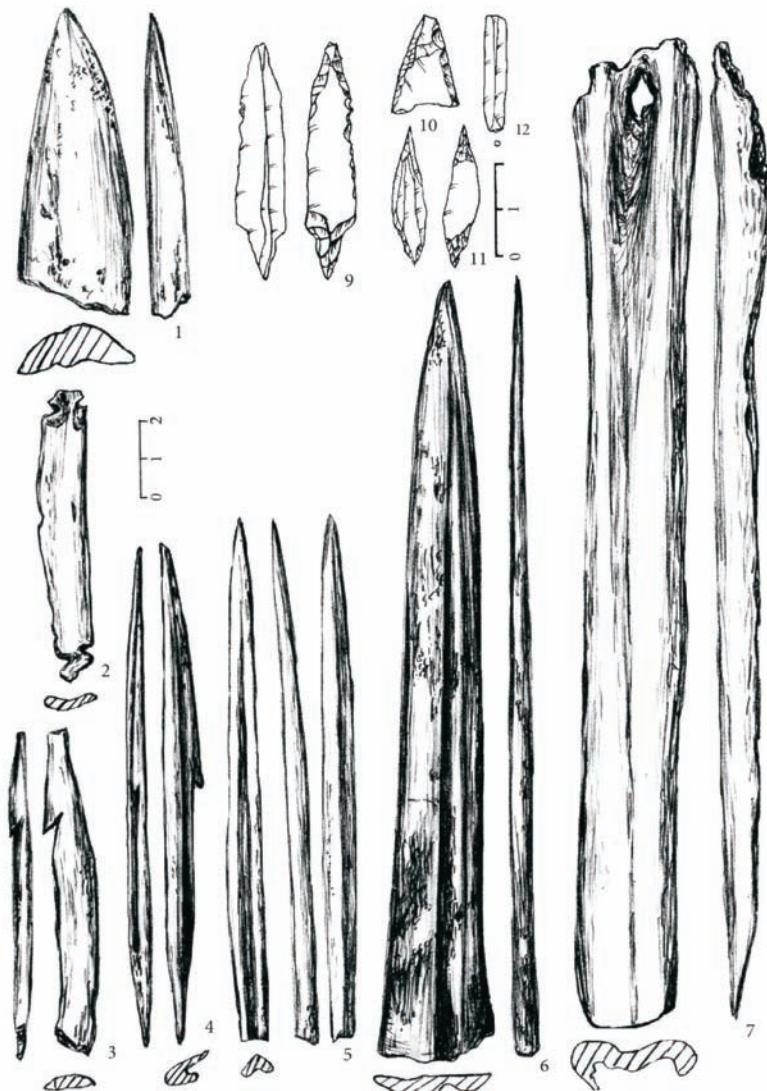
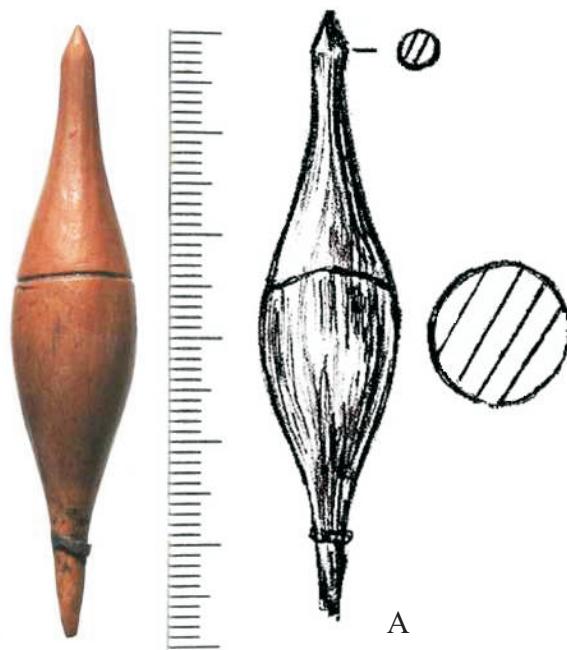

Рис. 1. Стоянка Кааваиха 4. Изделия из кости (1-8) и кремня (9-12).
1 – обломок орудия типа пешни; 2 – изделие с нарезками; 3 – гарпун;
4, 5, 9, 11 – наконечники стрел; 6 – кинжал; 7 – орудие типа лощила или стамески;
10 – трапеция; 12 – микропластиинка.

Б

Рис. 2. Стоянка Караваиха 4.

А – костяной предмет из верхнего культурного слоя. Б – обломки деревянных иделий с навершиями в виде голов животных из верхнего культурного слоя стоянки.

К статье Н.В. Косоруковой «О датировке торфяниковой стоянки Караваиха 4 в бассейне озера Воже».

Н.Г. Недомолкина

Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Вологда

ГЕОМЕТРИЧЕСКИЕ МИКРОЛИТЫ РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ВЕКСА III (ВЕРХНЯЯ СУХОНА): ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

На территории современной Вологодской области известно двенадцать памятников, в материалах которых содержатся геометрические микролиты. Серия трапеций с поселения Векса III на Верхней Сухоне насчитывает более 20 выразительных предметов, которым в статье даётся развернутая характеристика. Орудия сопровождаются накольчатой, гребенчато-накольчатой керамикой сопоставимой с верхневолжской ранненеолитической керамикой. Делается попытка определить культурно-хронологическую принадлежность этих орудий.

Ключевые слова: ранний неолит, геометрические микролиты, трапеции, попечечно-лезвийные наконечники, Верхняя Сухона, поселение Векса III.

N.G. Nedomolkina

Vologda State Historical-Architectural and Arts Museum-reserve, Vologda

GEOMETRIC MICROLITHS FROM THE EARLY NEOLITHIC SETTLEMENT VEKSA III ON THE UPPER SUKHONA RIVER: THE PROBLEM OF ITS DATING AND CULTURAL AFFILIATION

In the modern Vologda Region, 12 sites with geometric microliths are known. The set of trapezes from the Veksa III settlement (upper Sukhona river) includes more than 20 informative items, all of them thoroughly characterized in this article. These tools are found together with pierced and comb-pierced ware, which is comparable the early Neolithic pottery of the Upper Volga culture. An attempt is made to date the tools as well as to establish their cultural affiliation.

Keywords: Early Neolithic, geometric microliths, trapezes, transverse flint tips (arrowheads), upper Sukhona river, settlement Veksa III.

С расширением археологических исследований на территории современной Вологодской области увеличивается количество памятников, в материалах которых содержатся геометрические микролиты. В настоящее время известны одиннадцать таких памятников, материалы которых неоднородны по характеру каменной индустрии, различаются хронологически и в культурном отношении. В Молого-Шекснинском междуречье геометрические микролиты найдены на мезолитических стоянках типа Андозеро-М (Усть-Андога, Лиственка 8) [Косорукова, 1998а, б], в бассейне Ваги – на стоянке Усть-Дароватка, которая из-за отсутствия керамики предварительно отнесена к мезолиту [Недомолкина, 2009]. Большинство памятников с находками единичных трапеций являются многослойными (мезолит–средневековье), что затрудняет точную привязку

предмета к какому-либо комплексу. В бассейне Кубенского озера на поселении Минино найдена одна трапеция (устное сообщение А.В. Суворова), на р. Кубена на поселении Боровиково – две [Андрianова, 2004]. В бассейне Верхней Сухоны трапеции найдены в ранненеолитических слоях на поселениях Векса (Векса-Н) и Векса III. На Средней и Нижней Сухоне геометрические микролиты присутствуют в материалах мезолитических стоянок Зaborная-2 [Андрianова, 2010], Березовая Слободка X [Иванищева, 2005] и в ранненеолитических комплексах многослойных поселений Березовая Слободка II-III [Иванищева, 2009], Усть-Царева-Х [Андрianова, в печати].

Как известно, геометрические орудия – черта ряда финальнопалеолитических и мезолитических культур лесной зоны Восточной Европы. Исследователями приводится список более 10 культур, материалы которых содержат поперечно-лезвийные наконечники стрел в форме трапеций [Галимова, 2001].

Значительный интерес представляют поперечно-лезвийные наконечники стрел – трапеции эньтыйского типа, являющиеся культурно-определенющим орудием для ранненеолитических памятников эньтыйского культурного типа, названного по эпонимной стоянке Эньты 1 в среднем течении Вычегды. Определение этого типа геометрических микролитов, проблематика, связанная с генезисом, культурно-хронологической позицией этих предметов подробно рассмотрена в литературе [Логинова, 1978; Косинская, 1992; Карманов, 2002].

В качестве типообразующих признаков поперечно-лезвийных наконечников исследователи считают геометрические очертания, симметрию или асимметрию формы, пропорции, характер заготовки, оформление краев и тип ретуши. На макроуровне признаками данного охотничьего вооружения являются фасетки spin-offs, резцовые сколы, неконические фасетки со ступенчатым окончанием. На микроуровне – наличие следов и линейных заполировок. Зачастую указанные признаки отсутствуют, что объясняется кратковременностью контакта с материалом. Ещё один признак – ширина основания (насада) по мнению В.Н Карманова, скорее всего, должна находиться в прямой зависимости от диаметра древка [Карманов, 2002].

Многослойное стратифицированное поселение Векса III в бассейне Верхней Сухоны исследуется автором с 1997 г. Поселение находится на левом берегу р. Вологда, ниже впадения ее притока – р. Векса. Протяжённость культурных отложений вдоль берега 600 м. Раскопы расположены на четвертом участке памятника. Наибольшая глубина залегания культурных остатков от дневной поверхности около 3 м. Трапеции происходят из нижнего слоя 9, радиоуглеродные даты которого находятся в интервале 6950 – 6500 ВР. Данные орудия сопровождаются накольчатой, гребенчато-накольчатой керамикой, сопоставимой с верхневолжской ранненеолитической керамикой и с тычково-гребенчатой керамикой поселения Эньты I на Вычегде. Серия поперечно-лезвийных наконечников стрел с Вексы III достаточно представительная и насчитывает более 20 выразительных предметов, происходящих из раскопов разных лет.

Представляется необходимым дать развернутую характеристику геометрических орудий поселения Векса III. Для их описания использованы показатели, предложенные В.Н. Кармановым для характеристики трапеций энтыйского типа, со стоянок европейского Северо-Востока. Трасологический анализ предметов был проведен Н.Б. Васильевой при помощи МБС-2 и металлографического микроскопа при увеличении 50-200.

В настоящей работе представлены данные по 21 геометрическому микролиту (см. табл.).

Заготовкой для рассматриваемых трапеций, служили различные сегменты отщепов и в трех случаях пластин или пластинчатых отщепов, поэтому попытки определить, какая их часть (проксимальный, медиальный или дистальный сегмент) служила заготовкой, не дали определенного результата. Практически во всех случаях для создания формы применялась отвесная рубящая ретушь, нанесённая в основном сentralного фаса. Минимальная высота вексинских трапеций составляет 12 мм, максимальная – 33 мм; ширина – 8-13 мм; толщина – 4-6 мм. Практически все трапеции имеют высокие пропорции. Показатель отношений высоты к ширине лезвия составляет 2,5. Большинство наконечников имеет ширину основания от 4 до 6 мм, средний показатель – 5 мм. У вексинских трапеций преобладает асимметричная форма. Доминируют трапеции с прямыми краями.

Характерные для метательного вооружения признаки, такие как фасетки spin-offs, отмечены на трёх орудиях (рис.1:1, 2, 5, цв. вклейка) резцовые сколы отсутствуют. Небольшая выемка в основании наблюдается у одного орудия (рис.1:15). Неконические фасетки со ступенчатым окончанием выявлены у двух трапеций (рис.1:9, 15), выпуклость – у семи (рис.1:1, 3, 7, 8, 9, 10, 15). Мелкие снятия с меньшего основания отмечены у двух орудий (рис.1:8, 11), боковые снятия не прослежены. Сломанный угол или единичную фасетку на углу, что служит аргументом в пользу использования трапеций в качестве наконечников стрел, имеют четыре предмета (рис.1:4, 9, 16, 17).

Таким образом, по данным проведённого анализа типообразующие признаки для поперечно-лезвийных наконечников Эньты I и Вексы близки по показателям. Помимо 17 трапеций, трасологический анализ проведен для орудия оригинальной формы на отщепе с контурной ретушью (рис. 1:14). В результате определено, что данное орудие использовалось как проколка. Функциональное назначение сечений пластин (рис.1:19-21) – резцы по твердому материалу.

Современное состояние источников базы не позволяет точно определить культурно-хронологическую принадлежность поперечно-лезвийных наконечников. Трапеции Эньты I связываются с тычковой, тычково-гребенчатой и гребенчатой керамикой. На основе анализа формовочных масс керамический материал раннего комплекса поселения нельзя считать единым. Не установлена связь трапеций с конкретной керамической группой [Карманов, 2002].

Подобная ситуация наблюдается и на Вексе. В слое выявлено несколько керамических групп представленных фрагментами сосудов, как из глиноподобного илистого сырья без дополнительной примеси, так и с примесью дресвы в тесте без узоров или с тычково-накольчатым орнаментом и гребенчато-накольчатая керамика с примесью дресвы. Появление керамики на Верхней Сухоне связывается с верхневолжским импульсом. Керамика с тычково-накольчатым орнаментом по признакам аналогична посуде раннего этапа верхневолжской культуры. Совпадают с верхневолжскими и радиоуглеродные даты – около 6950–6730 ВР. В хорошо стратифицированных условиях на поселениях комплексы керамики с тычково-накольчатой орнаментацией встречаются крайне редко, но, очевидно, имеют самостоятельное бытование. Керамика с гребенчато-накольчатым (около 6500 ВР) и гребенчатым (около 6340 ВР) орнаментом сопоставима с верхневолжской керамикой 2-3 этапов [Костылева, 1994]. На комплексе поселений Векса отсутствуют мезолитические слои. В пользу соотнесения трапеций с гребенчато-накольчатой керамикой свидетельствует наблюдения во время раскопок, а также находки трапеций на поселении Векса в комплексе Векса-Н, на стоянке Усть-Царева-Х, где представлены только гребенчатые керамические комплексы.

Тем не менее в бассейне р. Вага на левом берегу р. Пежма автором открыта стоянка Усть-Дароватка, материал которой характеризуется отщеповой и неправильно-пластинчатой техникой, трапециями в орудийном наборе, большим количеством мелких колотых обожженных камней, кальцинированных костей в культурном слое и отсутствием керамики. Последнее, можно объяснить сравнительно небольшой площадью исследования. Сочетание таких же факторов наблюдается на поселении Ревью I на Нижней Вычегде, раскопанном широкой площадью, которое датируется неолитом и сопоставляется с энтыйским культурным типом [Косинская, 1997].

Для стоянок с геометрическими микролитами типа Ревью I, Усть-Дароватка отсутствуют абсолютные даты. Как вариант, можно рассматривать эти памятники промежуточными между мезолитическими и неолитическими поселениями с трапециями типа Энты I, Векса.

Дальнейшие исследования в бассейнах Ваги, Кубены, Сухоны, Вычегды перспективны для поиска поселений с трапециями. С накоплением материалов будет решаться проблема культурно-хронологической принадлежности геометрических микролитов на северных памятниках.

Автор выражает глубокую признательность Н.Б. Васильевой за трасологический анализ.

Литература

Андрianова Л.С. Неолитические стоянки бассейна реки Кубены // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб., 2004. С. 287. Рис. 7: 24.

Андианова Л.С. Отчет о работе Сухонско-Кубенской экспедиции в Вологодской области в 2010 году // Архив ИА РАН. 2010.

Андианова Л.С. Археологические памятники в устье р. Царевы (бассейн Средней Сухоны) // Археология Севера. (В печати).

Галимова М.Ш. Мезолитические культуры с трапециями в бассейнах Волги и Днепра: проблемы происхождения и исторических судеб: Научный доклад. Казань, 2001.

Иванищева М.В. Каменный инвентарь стоянки эпохи мезолита Березовая Слободка X на Нижней Сухоне // ТАС. Вып. 5 / Отв. ред. И.Н.Черных. Тверь, 2002. С.161, 163.

Иванищева М.В. Комплексы с тычково-накольчатой керамикой в Нижнем Посухонье // Известия Самарского научного центра РАН. Том 11. № 6. Самара, 2009. С. 278.

Карманов В.Н. Памятники с трапециями на Европейском Северо-Востоке // ТАС. Вып. 5. Т.1 / Отв. ред. И.Н.Черных. Тверь, 2002. С.91-98.

Косинская Л.Л. О соотношении памятников с накольчатой керамикой и памятников энтыйского типа Европейского Северо-Востока // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья: Сб. научных трудов. Сыктывкар, 1992.

Косинская Л.Л. Неолит // Археология Республики Коми. М.: Изд-во «ДиК», 1997. С.165-168.

Косорукова Н.В. Памятники типа Андозеро-М в бассейне Шексны // ТАС. Вып. 3 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Изд-во Тверской государственный объединённый музей, 1998а. С.165.

Косорукова Н.В. Мезолитическая стоянка Лиственка 8 на реке Колпь в бассейне Шексны // ТАС. Вып. 3 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Изд-во Тверской государственный объединённый музей, 1998б. С. 177.

Костылёва Е.Л. Ранненеолитическая верхневолжская культура // ТАС. Тверь, 1994. Вып. 1. С. 53-58.

Логинова Э.С. Поселение Энты I // Археологические памятники эпохи палеометалла в Северном Приуралье. Сыктывкар, 1978. С. 3-22. (МАЕСВ. Вып.7).

Недомолкина Н.Г. Стоянка Усть-Дароватка (бассейн Ваги) // Археология Севера. Череповец, 2009. Вып 3.

Характеристика попречно-лезвийных наконечников стрел ранненесолитического комплекса поселения Векса III.
Номера (№, по вертикали) соответствуют номерам рисунков (рис. 1).

X-ка № рис.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
1	20	8	5	2	2,5	Пл.О	В	А	-	?	-	-	+	-	-	-	-	
2	20	8	4	4	2,5	О	В+Д	А	-	+	-	-	-	-	-	-	-	
3	27	13	6	2	2	О	В	А	-	+	-	-	-	-	-	-	-	
4	27	8	6	4	3,3	О	В	А	-	+	-	-	-	-	-	-	+	
5	23	9	5	2	2,5	О	В+Д	А	-	+	-	-	-	-	-	-	-	
6	24	9	4	2	2,6	О	В	А	-	+	+	-	-	-	-	-	-	
7	23	11	5	4	2	Пл.О	В	А	-	-	+	-	-	-	-	-	-	
8	24	11	5	2	2,1	О	В	А	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
9	20	9	5	4	2,2	О	В+Д	С	-	-	-	-	-	-	-	-	+	
10	18	10	5	1	1,8	О	В	А	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
11	29	9	6	3	3,2	Пл.О	В	А	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
12	33	9	4	4	3,6	Пл.О	В	А	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
13	23	8	5	2	2,8	О	В	А	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
15	21	8	6	4	2,6	О	В+Д	С	+?	-	-	-	-	-	-	-	-	
16	20	9	4	3	2,2	О	В	А	-	-	-	-	-	-	-	-	+	
17	20	9	5	1	2,2	О	В	А	-	-	-	-	-	-	-	-	+	
18	15	4	5	2	3,7	О	В	А	-	-	-	-	-	-	-	-	-	

Показатели (х-ка, по горизонтали): 1 – высота (мм), 2 - ширина пера (мм), 3 - ширина основания (мм), 4 – толщина (мм), 5 – пропорции, 6 – заготовка и использованная часть заготовки (пластинчатый отщеп – Пл.О, отщеп – О), 7 – поверхность, с которой наносилась ретушь (В–вентральная, Д–дорсальная), 8 – симметричность, 9 – выемка в основании, 10 – регулированное основание, 11 – характер краев (П – прямые, В – выпуклые), 12 – фасетки spin-offs, 13 – резцовые сколы , 14 - неконические фасетки со ступенчатым окончанием, 15 – выкрошенность, 16 – снятия с основания , 17 – снятия с боков, 18 – сломанный угол, фасетка. «+» – наличие признака, «-» – отсутствие признака, «?» – не установлено.

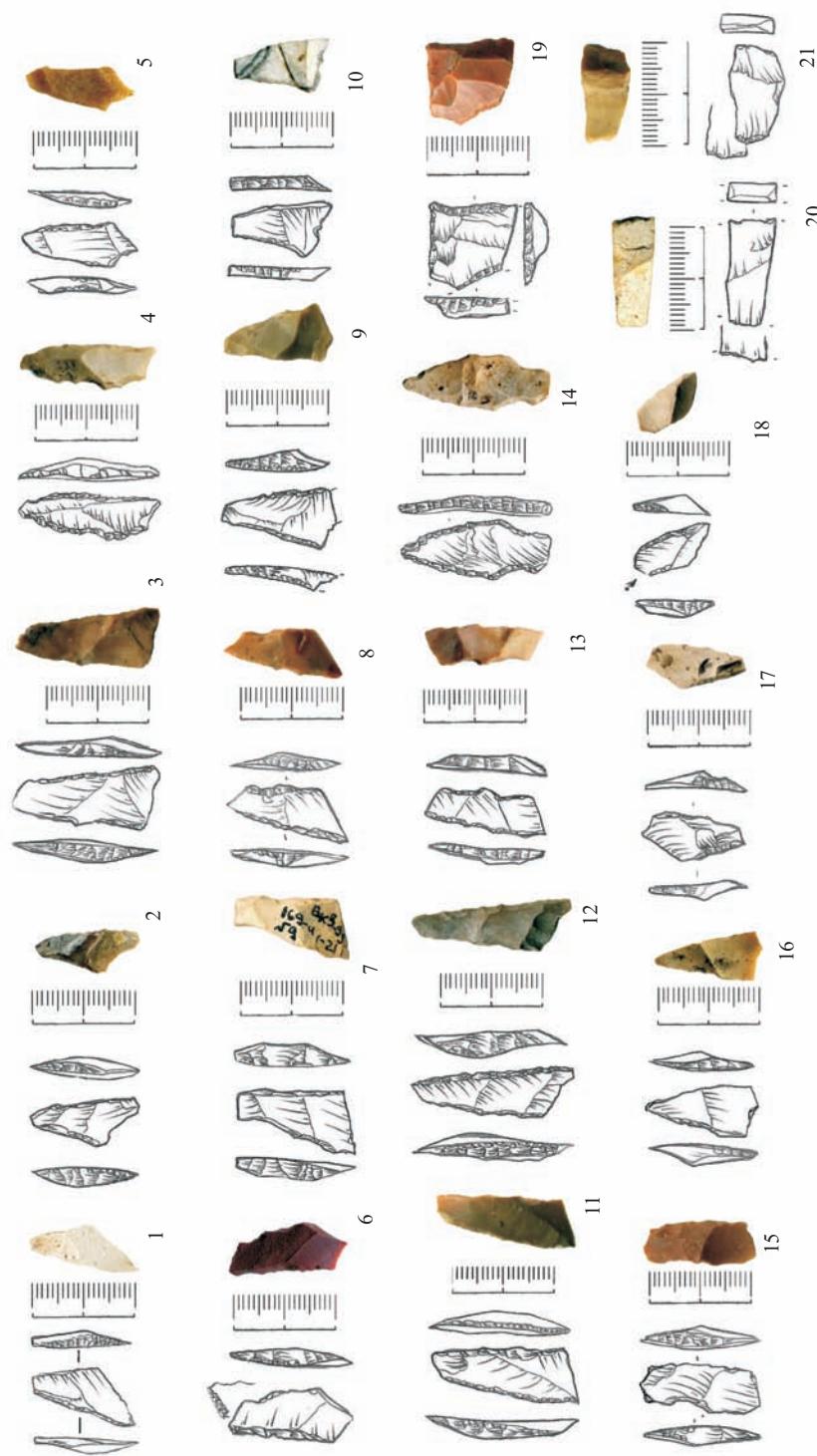

Рис. 1. Поселение Векса III. Ранненеолитический комплекс. Геометрические микролиты.

1-13, 15-18 – поперечно-лезвийные наконечники, 14 – проколка, 19-21 – резцы по твердому материалу.

Номера (1-18) наконечников (трапеций) на рисунках соответствуют их номерам в таблице (табл.).

К статье Н.Г. Недомогиной «Геометрические микролиты ранненеолитического поселения Векса III (восточная Суходол): проблема культурно-хронологической принадлежности».

В.Н.Карманов

Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар

ИССЛЕДОВАНИЕ РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ КЕРОС НА СРЕДНЕЙ ВЫЧЕГДЕ

В статье вводятся в научный оборот материалы стоянки Керос на средней Вычегде. В ходе раскопок изучено скопление кремневых и некремневых изделий – остатки стоянки-мастерской. Рассматриваются, прежде всего, такие аспекты исследования памятника как: 1) возможность нахождения погребенных шлейфов культуровмещающих отложений; 2) типология памятника по виду протекавшей на нем деятельности; 3) морфология изделий и особенности каменной индустрии и 4) культурно-хронологическая атрибуция полученных материалов.

Ключевые слова: р.Вычегда, мезолит, ранний неолит, стоянка, мастерская, каменный инвентарь.

V.N. Karmanov

Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar

INVESTIGATION OF THE EARLY NEOLITHIC CAMP SITE KEROS, MIDDLE VYCHEGDA

This article describes the findings made in the Keros site situated in the Middle Vychegeada region. The excavations have resulted in the discovery of a concentration zone of stone artefacts as well as of the remains of a camp-workshop. The article investigates the following research aspects: 1) the possibility to discover buried left-behinds of the culture-bearing deposits; 2) the typological characteristic of the site in accordance to the activity performed there; 3) morphology of the artifacts and the characteristics of the flint knapping technology; 4) cultural and chronological attribution of the assemblage.

Keywords: Vychegeada river, Mesolithic, Early Neolithic, campsite, stone inventory.

Стоянка Керос находится на левом берегу р. Вычегда, 1,9 км к северо-востоку от с. Керес (Корткеросский район Республики Коми), 0,38 км по прямой от современного русла реки (рис. 1, 2). Памятник был открыт А.В. Волокитиным в 1985 г. [Волокитин, 1986]. На разрушенных тропой и дорогой участках песчаного останца им были собраны кремневые изделия. На основании морфологии некоторых изделий было высказано предположение, что материалы местонахождения могут быть отнесены к раннему неолиту, а именно черноборской группе памятников. Кроме того, А.В. Волокитин надеялся найти на заболоченных участках, примыкающих к останцу погребенные культуровмещающие отложения. На это, по его мнению, указывала морфология останца: вогнутый пологий край и более крутой противоположный. Описанная ситуация соответствовала рекомендациям по поиску памятников в старичных торфяниках, предложенным Г.М. Буровым после открытия и исследования им известных Висских I и II торфяников [Буров, 1964].

В частности, он указывал на то, что «старичные торфяники у суходолов перспективнее ... в связи с простотой их выявления. Дугообразный вогнутый участок края надпойменной террасы, спускающейся к пойме, в подавляющем большинстве случаев соответствует старичному торфянику...»

Для уточнения возраста стоянки, а именно получения материалов, подтверждающих или опровергающих «ранненеолитическую» гипотезу А.В. Волокитина и непосредственно под его руководством в 1998 г. памятник исследовался В.Н. Кармановым двумя шурфами 2х2 м. Они были заложены в восточной (шурф 1) и западной (шурф 2) частях «останца» (рис. 3). Состав полученной коллекции из шурфа 1 указывал на то, что изучена часть производственного комплекса. Однако культурно-хронологическую атрибуцию памятника тогда определить не удалось из-за отсутствия информативных форм орудий и неполноты технологического контекста. Акцент исследований был смешен на изучение перспективного местонахождения камской культуры Пезмог 4 и памятников с гребенчато-ямочной керамикой Пезмогты 1, 3, 4, 5 [Волокитин и др., 2006; Карманов, 2008]. Лишь в 2012 г. исследования памятника были возобновлены автором статьи в связи с открытием и изучением им ранненеолитических комплексов на поселении Утдым I на средней Вычегде в 2010–2011 гг. [Карманов, 2012]. Тогда были получены материалы, сопоставимые с индустрией стоянки Черная Вадья, раскопанной Л.Л. Косинской на нижней Вычегде [Косинская, 2002]. И их технологический контекст также указывал на некоторые параллели с материалами 1998 г. стоянки Керос.

Помимо получения дополнительных материалов по «ранненеолитической» гипотезе было решено проверить еще одну гипотезу А.В. Волокитина о возможности обнаружения здесь погребенных культуровмещающих отложений. В 2012 г. памятник исследовался раскопом площадью 62 кв. м и 15 шурфами, заложенными на поверхности останца, у подножия его склонов и у уступа террасы, примыкающей к заболоченной старице. Шурfovка участков заболоченного леса, примыкающих к территории памятника в совокупности с данными анализа космоснимков, визуальное обследование позволяют утверждать, что стоянка приурочена к эоловой дюне (рис. 2–4), расположенной в крайней южной части эрозионного песчаного останца I надпойменной террасы р. Вычегда. Сам останец располагается в пойменном массиве, включающем ряд разновозрастных сегментов поймы. Ранее, в 2006 г. Н.Е. Зарецкой были отобраны образцы из погребенных старичных отложений, вскрывающихся рекой в обнажении поймы. По данным их радиоуглеродного датирования до кон. VI тыс. до н. э. ($(6080 \pm 40)^{14}\text{C}$ л.н. (ГИН-12982)) останец примыкал на юго-востоке-востоке к руслу р. Вычегда, а затем к старичному озеру. Оно функционирует и в настоящее время благодаря осенне-весенним паводкам и протоке, соединяющим его с другими более крупными старицами. Стоянка была удалена от него на 70 м. К сожалению, не было возможности датировать остатки другого палеорусла, примыкающего к останцу и крутыму склону дюны на юго-западе. Можно лишь утверждать, что оно было древнее вышеописанного.

В связи с такой реконструкцией формирования рельефа в месте расположения памятника встает вопрос о возможности нахождения здесь погребенных культуроммещающих отложений. На севере – северо-востоке пологий слегка вогнутый край дюны примыкает к заболоченной поверхности I надпойменной террасы, поэтому наличие здесь водотока и соответственно старицных отложений, синхронных или сформированных позднее момента заселения дюны, исключается. Противоположный крутой склон дюны, примыкающий к более древнему палеоруслу на юге – юго-западе, представлял собой некогда абразионный уступ (обнажение) террасы, край которой подвергался боковой эрозии. Отсюда, возможность формирования здесь погребенных культуроммещающих отложений мало вероятна. Исходя из описанной ситуации, памятник мог располагаться вблизи места слияния реки и стариичного озера (протоки).

Результаты шурfovки поверхности дюны и планиграфия находок в раскопе свидетельствуют о том, что культурные остатки залегают по всей ее площади отдельными скоплениями: в некоторых шурфах был обнаружен археологический материал, в некоторых он отсутствовал вовсе. Предварительный анализ предметов из шурфов показывает их типологическое различие. Так, например, в одном из них найден тонкий бифас – наконечник стрелы энеолита, в других – кремневые микропластиинки. Исходя из этого, можно предположить, что эти скопления, вероятно, представляют собой остатки разновременных и разнотипных памятников. Одно из них изучено шурфом 1998 г. и раскопом 2012 г. (рис. 5). Правомерно оставить за этим скоплением название «Керос», а вопрос о наименовании (нумерации или буквенном обозначении) остатков стоянок, вскрытых в шурфах, будет решаться в ходе будущих исследований.

В раскопе вскрыты три генетических типа отложений, формирование которых связано исключительно с естественными процессами почвообразования на т.н. «боровых» надпойменных песчаных террасах. Обобщенное описание разрезов выглядит следующим образом: 1) Лесная подстилка, на отдельных участках дерн. Мощность до 0,07 м; 2) Белесо-подзолистый песчаный горизонт – культуроммещающие отложения. В верхах слоя на центральных участках разрезов наблюдаются линзы, насыщенные мелкими фрагментами древесных углей, типичных для подзолистых почв. Контакт с нижележащими слоями размытый; зачастую в нижележащие отложения заложены углубления, т.н. “карманы” – следы вертикальных корневодов деревьев. Его мощность в среднем достигает 0,15-0,25, а по заполнениям корневодов – 0,4 м; 3) Иллювиальный горизонт (желтый-бледно-желтый песок) – подстилающие отложения – залегали по всей площади раскопа, по мере углубления светлели и приобретали сероватый оттенок с прослойками ожелезнений. Вскрытая мощность до 0,4 м. Культурные остатки залегали непосредственно под лесной подстилкой в белесом песке – слое 2 по всей глубине его залегания, на контакте слоев 2 и 3. Разброс находок по вертикали составил в среднем 0,15 м, достигая своего максимума по заполнениям корневодов. Преимущественно глубина их залегания от современной дневной поверхности составляет 0,05-0,20 м.

В ходе раскопок остатки ям, очагов и других сооружений не выявлены (рис. 5). В пределах раскопа находки залегали неравномерно, концентрируясь скоплением подковообразной формы, деформированного корневодами деревьев. Его размеры 3,5x2,5 м (по оси ЮЗ-СВ и ЮВ-СЗ соответственно). Как показывает опыт исследования таких скоплений, они представляют собой остатки рабочих мест мастера по расщеплению кремня. Об этом свидетельствует и состав коллекции памятника.

Коллекция стоянки Керос состоит из 5003 предметов (табл. 1): 4914 изделий из кремня и 89 из некремневых пород. Кремневые предметы представлены ядрищами в различной стадии расщепления и их фрагментами (сколами, которые несут информацию о морфологии нуклеусов; 48 экз.); чешуйками (1876), отщепами (1732); пластинами (477); отщепами термическими и осколками (397). Некремневый инвентарь включает манупорты (гальки и их фрагменты, куски, плитки, щебенку), осколки. Среди них галька-отбойник с тремя рабочими участками (рис. 11, *цв. вклейка*).

Судя по имеющимся исходным формам сырья, ядрищам и морфологии сколов, обитателями стоянки отбиралось или было доступно кремневое сырье в виде сравнительно мелких (до 50-60 мм) уплощенных и слабо окатанных галек и кусков различного качества и цветности.

Ядрища (48 экз.) представлены в коллекции преимущественно остаточными (истощенными) нуклеусами, кусками и фрагментами массивных отщепов с пробными снятиями (рис. 6-7, *цв. вклейка*). Преобладают одноплощадочные нуклеусы с одним, реже двумя-тремя сравнительно узкими фронтами. При этом в коллекции присутствуют торцевые нуклеусы. По всей видимости, оформление второй площадки связано с избирательным расщеплением и не являлось нормой в рамках этой индустрии. Об этом свидетельствует и огранка сколов-заготовок, среди которых лишь пять из 477 предметов имеют негативы встречных снятий.

Среди отщепов доминируют сколы мелких размеров (до 3 см) – 1627 экз. (94%), а среди диагностируемых категорий определены сколы подживления площадок нуклеусов (11) и ребристые сколы (4). Вторичной обработке подверглись 30 отщепов. Пластины (477 экз.) представлены снятиями с правильной и нерегулярной огранкой и различных размеров. Среди технологических (рис. 8:5-7, *цв. вклейка*) помимо сколов удаления проблемных участков и подправки фронта скальвания определены ребристые пластины (17 экз.). Вторичная обработка зафиксирована на 67 пластинах.

Морфометрические показатели пластинчатых сколов (рис. 8:1-4, 8-11; 9:1-5, 7, 8; 10, *цв. вклейка*) определены у 214 предметов: целых пластин (61) и их сегментов (проксимальных – 63; медиальных – 47; дистальных – 43). Самая мелкая пластина имеет размеры 17,8 (длина), 6,3 (ширина), 2,6 (толщина) мм, самая крупная из целых – 71,8x19,1x6,7 мм. Средние показатели по длине колеблются в интервале – 17-32, по ширине – 7-14, а по толщине – 2-3 мм. Изгиб профиля большинства пластин приходится на среднюю часть скола и составляет, как правило, 1-2 мм. Края сколов преимущественно конвергент-

тные, очертания в плане симметричные. Размеры площадок снятых варьируют по ширине от 0,65 до 15,98, а по глубине – от 0,35 до 8,0 мм, усредненные данные – 2-5 и 1-2 мм соответственно. Как правило, это гладкие (77 экз., 62,1%), реже ретушированные (19 экз., 15,3%) и естественные (7 экз., 5,6%) площадки. Подготовка зоны расщепления в рамках индустрии стоянки Керос сведена к абразивной обработке кромок (61 экз., 49,2%), реже редуцированию (29, 23,4%), 18 предметов несут следы применения обоих приемов. Этому показателю соответствует сравнительно малое количество выразительных сколов подживления площадок нуклеусов. Снятие пластин велось преимущественно под острым (55-84 градусов, 71 экз., 66,4%) или близким к прямому – прямым (85-94 градуса, 31 экз., 29%) углом. Начало скальвающей слабо выразительно: сколы с плоским и средним конусом (буторком) составляют 68,5% (85 экз.), с выпуклым – 18,5% (23 экз.). Окончание большинства пластинчатых снятий перообразное (84,7%), реже петлеобразное (11,5%), ныряющее (1,9%), ампутированное (1,9%) и ступенчатое (0,96%).

В исследованиях по мезолиту северо-востока Европы большое значение при культурно-хронологической дифференциации материалов придается такому показателю как ширина пластин [Волокитин, Косинская, 1995]. Поэтому для возможности проведения сравнительного анализа индустрий и пополнения «коллекции» (базы данных) А.В. Волокитина по распределению пластин по ширине приведу их в этой работе. В качестве комментария к этому сюжету приведены данные как по всей совокупности пластин стоянки Керос, так и с выделением пластин без вторичной обработки и с таковой. Предполагая, что первая группа является преимущественно «негативом» – технологическими, конкретно-ситуационными, неудачными снятиями, а вторая претендует на роль целевых изделий в рамках этой индустрии с предпочтаемыми древним мастером показателями. Кроме того, для сравнения приведены данные по стоянке Черная Вадъя, с которыми автор сопоставляет материалы изучаемого памятника. Графики распределения всей совокупности пластин по ширине обоих памятников различаются (рис. 12). Это объясняется, по всей видимости, их типологией по виду деятельности. На стоянке Черная Вадъя изучено жилище с очагами и кремнеобрабатывающей домашней мастерской, в коллекции присутствуют фрагменты керамических сосудов и остатки фауны. Доля орудий среди пластин выше – 32%. Тот же показатель в коллекции стоянки Керос составляет 9,2%. Отсюда, различие в распределении всей совокупности пластин по ширине демонстрирует именно более высокую долю «целевых» сколов на Черной Вадье, а не обусловлено культурными различиями. Более наглядно это демонстрирует сравнение графиков ширины пластин без вторичной обработки и с таковой (рис. 13, 14). Распределение «целевых» сколов по ширине на обоих памятниках оказывается практически одинаковым. Таким образом, для сравнительной характеристики метрических показателей сколов в коллекциях разных памятников необходим учет типологии памятников по виду протекавшей (доминирующей) на них деятельности и определение

задачи: культурно-хронологическая дифференциация материалов или характеристика технологии расщепления.

В коллекции стоянки Керос выявлено 100 предметов с вторичной обработкой и ретушью утилизации (табл. 2; рис. 9:10, *цв. вклейка*), что составляет 3,2% от общего количества изделий (без учета чешуек). Это концевые скребки и сопряженные с ними типы орудий (рис. 9): пластины с усеченным ретушью концом и отщепы с ретушированным широким дистальным концом (19); сечения пластин – вкладыши составных орудий (18) (рис. 10:1-11), в том числе с короткими резцовыми сколами (4), выемчатые орудия (4), перфораторы (2) (рис. 10: 14, 15), ножи на пластинах (4) (рис. 10:12, 13, 17, 18); резцы на углу сломанных заготовок (2) и один нуклевидный резец (?). Часть изделий с участками мелкой краевой регулярной ретуши и ретуши утилизации (26) ближе не диагностируется. По всей видимости, они выполняли функции режущих орудий. Кроме того, в коллекции присутствуют резчик и, возможно, черешковый наконечник стрелы (?) на пластине с обломанными острием и насадом (рис. 10:16).

Анализ продуктов расщепления свидетельствует о том, что на стоянке представлен полный цикл камнеобработки (без стадии отбора исходного сырья): от оформления пренуклеусов до получения сколов-заготовок и, возможно, изготовления орудий. Это в совокупности с планиграфией находок, сравнительно малым количеством орудий, отсутствием фаунистических остатков, обычно представленных на памятниках мезолита – раннего неолита, остатков кострищ указывает на то, что памятник представляет собой остатки производственного комплекса – кремнеобрабатывающей мастерской.

Технологический анализ продуктов расщепления и морфология орудий позволяют сопоставить материалы стоянки Керос с инвентарями памятников типа Черная Вадъя на европейском Северо-Востоке [Косинская, 2002; Карманов, 2008]. Благодаря исследованиям автора в 2004–2012 гг. удалось значительно пополнить источниковую базу по этому типу индустрий. К ним могут быть отнесены материалы стоянок Пезмогты 4А, Угдым IA и IB на средней Вычегде. Лишь два комплекса из них содержат фрагменты керамических сосудов и тем самым указывают на ранненеолитический возраст этой группы памятников. Хронология памятников этого типа пока базируется на т.н. принципе синхронизации сходных явлений. Малочисленная керамическая коллекция стоянок Черная Вадъя и Угдым IA может быть сопоставлена с накольчатой керамикой памятников сопредельных территорий Прикамья [Лычагина, 2008, с. 77-79], Камско-Вятского междуречья [Гусенцова, 1993], средней Волги [Никитин, 2011, с. 16-161] и центра Русской Равнины [Костылева, 1994]. На основании этих аналогий памятники типа Черная Вадъя на европейском Северо-Востоке, и в частности, стоянка Керос, могут быть отнесены к раннему неолиту и датированы перв. пол. VI тыс. до н.э.

В результате исследований стоянки Керос в 2012 г. была подтверждена «ранненеолитическая» гипотеза А.В. Волокитина о возрасте памятника. На основе материалов этого памятника и других стоянок типа Черная Вадъя более

отчетливо проявилось развитие приуральской традиции, выявленной исследователем в мезолите европейского Северо-Востока. Но говорить о культурной преемственности коллективов мезолита и раннего неолита в пределах этого региона пока нет оснований. Здесь мы наблюдаем лишь проявления их развития.

Свежий взгляд на особенности формирования рельефа в месте расположения памятника, к сожалению, поставил под вопрос возможность выявления здесь погребенных культуроммещающих отложений. Однако это не означает окончательного закрытия этой темы. Возможно, публикация данных в этой работе спровоцирует иные решения. Очевидно, что некоторые приведенные данные требуют развернутых комментариев (например, данные по морфометрии сколов) и детального анализа, но это уже является темой других публикаций.

Работа выполнена при поддержке Программы междисциплинарных фундаментальных исследований учреждений УрО РАН, проект № 12-М56-2037.

Литература

Буров Г.М. Торфяники речных стариц как места археологических находок // Известия Коми филиала Всероссийского географического общества. Сыктывкар, 1964. Вып. 9. С. 99-103.

Волокитин А.В. Отчет о полевых исследованиях 2 Вычегодского археологического отряда в 1985 году. Сыктывкар, 1986. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.5. Оп.2. Д.340; НА ИА РАН. Р-1. Д. 10966.

Волокитин А.В., Карманов В.Н., Зарецкая Н.Е. Новые данные по хронологии камской неолитической культуры // РА. 2006. № 1. С. 137-142.

Волокитин А.В., Косинская Л.Л. К проблеме культурогенеза мезолита Европейского Северо-Востока // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железа и средневековья в Северном Приуралье. Сыктывкар, 1995. С. 25-42. (МАЕСВ. Вып. 13).

Гусенцова Т.М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993. 240 с.

Карманов В.Н. Неолит европейского Северо-Востока. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2008. 226 с.

Карманов В.Н. Неолитическое население на европейском Северо-Востоке: обитание или пребывание? // Первобытные древности Евразии. К 60-летию Алексея Николаевича Сорокина. М., 2012. С. 419-446

Косинская Л.Л. К проблеме генезиса черноборской археологической культуры (по материалам поселения Черная Вадья на Нижней Вычегде) // ТАС. Вып. 5 / Отв. ред. И.Н.Черных. Тверь, 2002. С. 224-231.

Костылева Е.Л. Ранненеолитическая верхневолжская культура // ТАС. Вып. 1. Тверь, 1994. С. 53-58.

Лычагина Е.Л. Каменный век Пермского Предуралья: учебное пособие. Пермь, 2008. 118 с.

Никитин В.В. Ранний неолит Мариийского Поволжья / Труды Мариийской археологической экспедиции. Т. IX. Йошкар-Ола: Мариийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, 2011. 470 с.

Таблица 1
Керос. Состав коллекции

Предмет	Количество
Ядрища	48
Чешуйки	1876
Осколок термический	397
Отщепы	1732
Мелкие	1627
Средние	50
Крупные	12
Фрагменты	48
Сколы подживления площадок нуклеусов	11
Ребристые сколы	4
С вторичной обработкой	30
Пластины	477
Ребристые сколы	17
С вторичной обработкой	67
Гальки некремневые и их фрагменты	88
Орудие расщепления	1
ВСЕГО	5003

Таблица 2

Керос. Состав орудийного набора (кремень)

Орудие	Заготовка			ВСЕГО
	Отщеп	Пластина	Неопределенная	
Изделия с ретушью и ретушью утилизации, ближе не диагностируемые	7	15	0	22
Изделия с резцовыми сколами	2	2	0	4
Ножи	0	4	0	4
Сечения пластин, вкладыши	-	27	0	27
в т.ч. с резцовыми сколами	-	4	0	4
Скребки и сопряженные с ними изделия	14	12	0	26
Выемчатые орудия	3	1	0	4
Перфораторы	0	2	0	2
Наконечник стрелы (?)	0	1	0	1
Резец	1	2	0	3
Резчик	0	1	0	1
Неопределенные орудия	3	0	3	6
ВСЕГО	30	67	3	100

Рис. 1. Стоянка Керос (1). Местоположение.

Рис. 2. Стоянка Керос. Местоположение.
Основа: сцена спутника Alos Prism (разрешение 2,5 м).

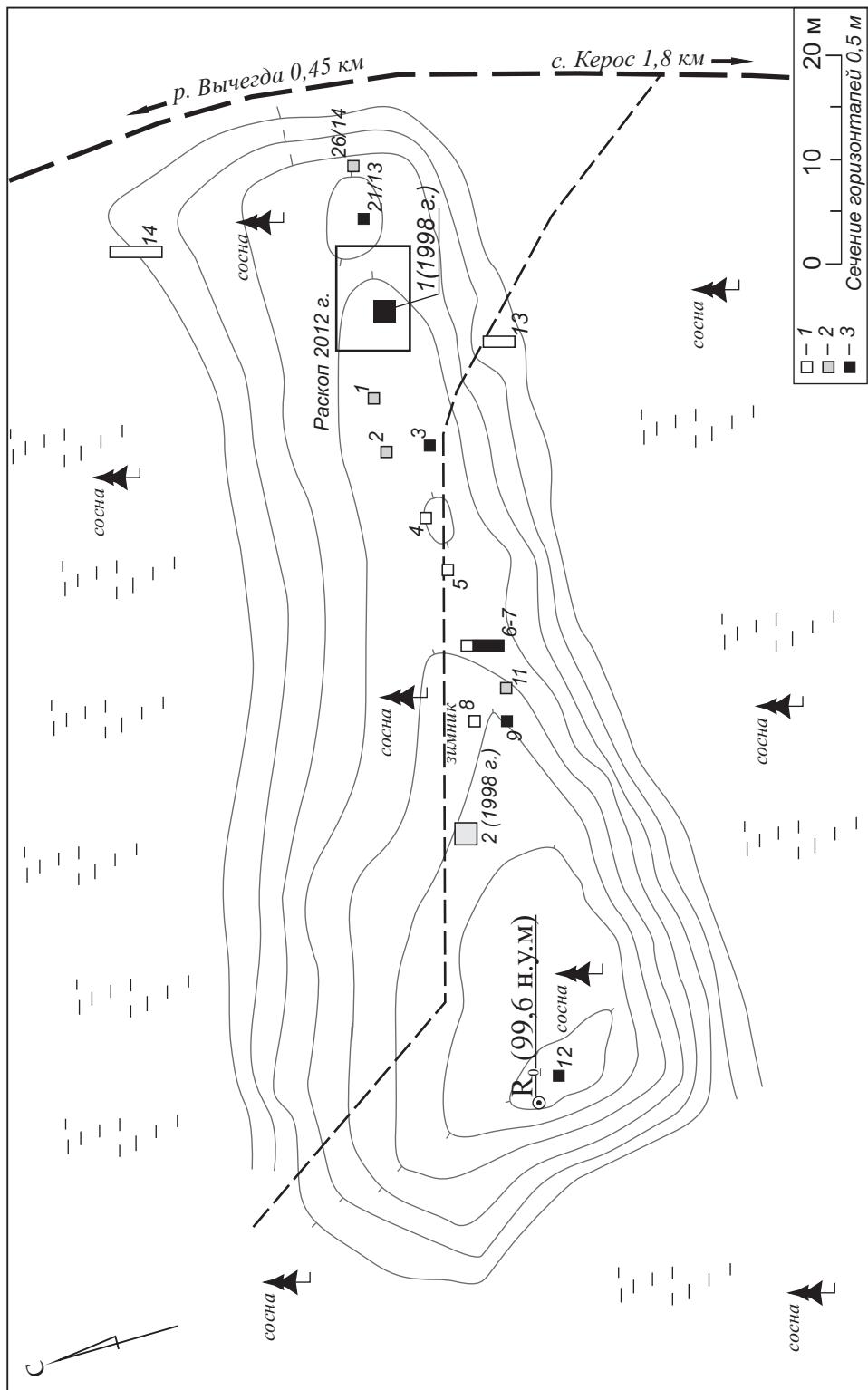

Рис. 3. Стоянка Керос. Топографический план. Схема обследования.
 Условные обозначения: 1 – шурфы без культурных остатков; 2 – шурфы с единичными находками;
 3 – шурфы с массовым материалом.

Рис. 4. Стоянка Керос. Вид на памятник и исследованный участок с запада.

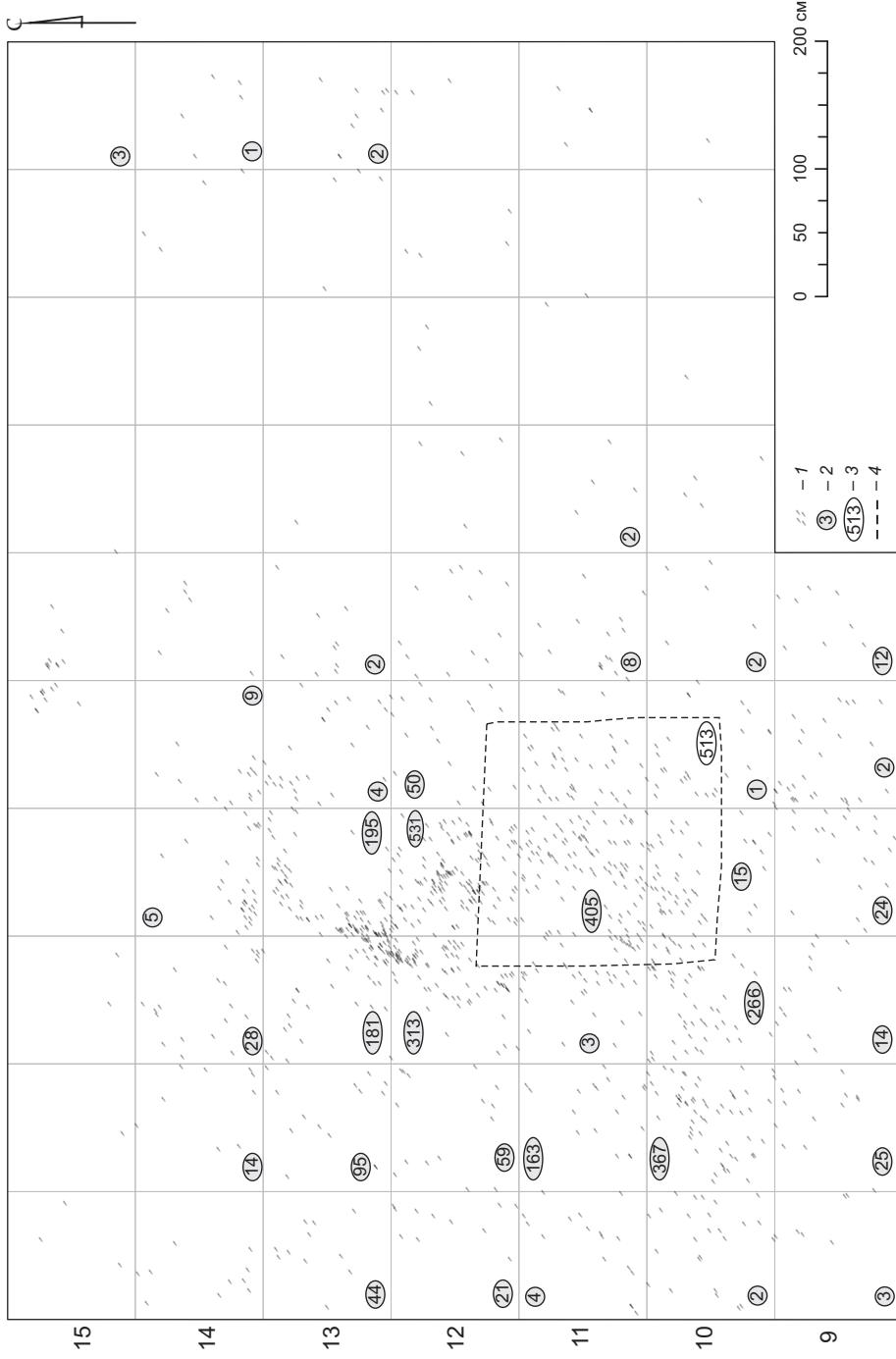

Рис. 5. Керос. Общий план находок.
Условные обозначения: 1 – артефакты; 2 – количество находок, зафиксированных по квадратам, в т.ч. из просеянного грунта и 3 – шурфа 1998 г.; 4 – границы шурфа 1998 г.

Рис. 6. Керос. Кремневые изделия. Ядрища.
К статье В.Н.Карманова «Исследование ранненеолитической стоянки Керос на средней
Вычегде».

Рис. 7. Керос. Кремневые изделия. Остаточные нуклеусы.
К статье В.Н.Карманова «Исследование ранненеолитической стоянки Керос на средней
Вычегде».

Рис. 8. Керос. Кремневые изделия. Технологические сколы.
К статье В.Н .Карманова «Исследование ранненеолитической стоянки Керос на средней
Вычегде».

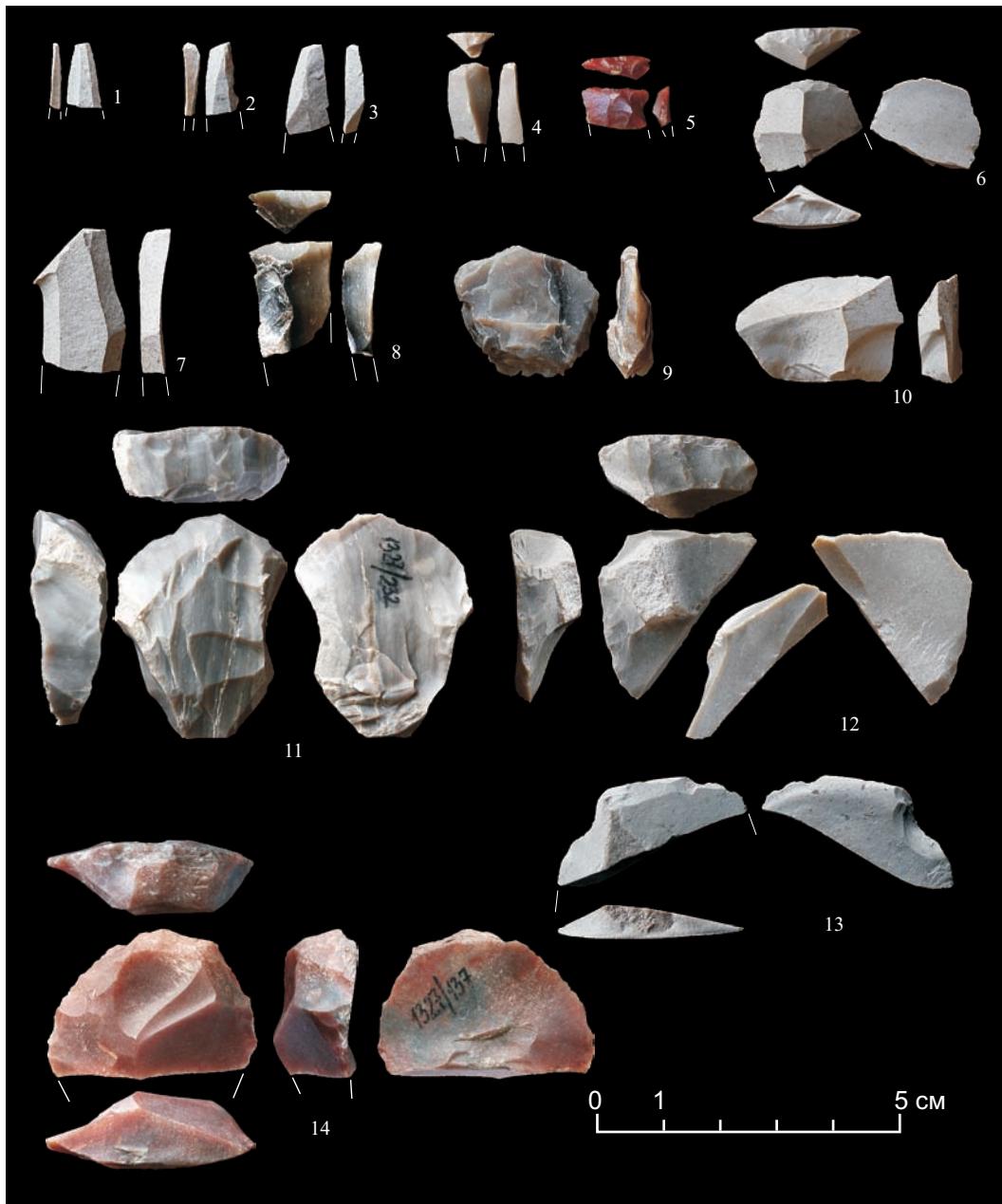

Рис. 9. Керос. Кремневые изделия. Скребки и сопряженные с ними типы орудий.
К статье В.Н.Карманова «Исследование ранненеолитической стоянки Керос на средней
Вычегде».

Рис. 10. Керос. Кремневые изделия.

К статье В.Н.Карманова «Исследование ранненеолитической стоянки Керос на средней Вычегде».

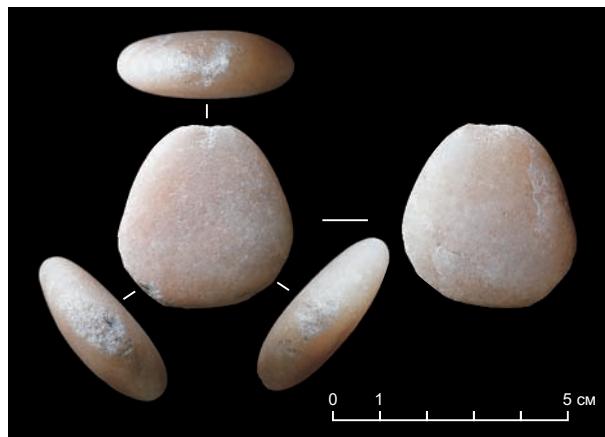
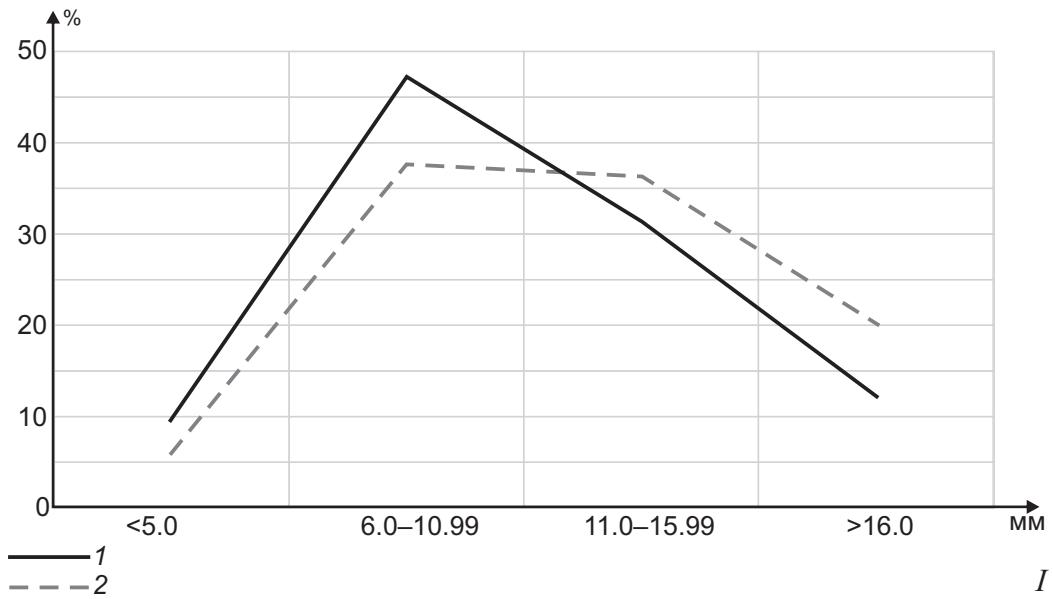
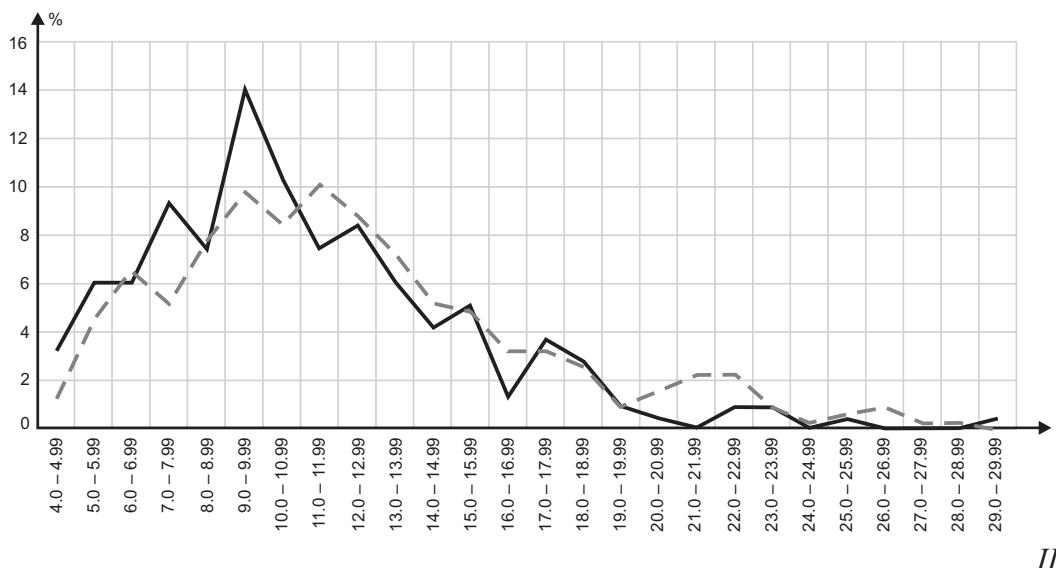

Рис. 11. Керос. Галька-отбойник.

К статье В.Н.Карманова «Исследование ранненеолитической стоянки Керос на средней Вычегде».

I

II

Рис. 12. Графики распределения совокупности пластин по ширине с заданным интервалом (I) и с шагом 1 мм (II). 1 – Керос; 2 – Черная Вадья.

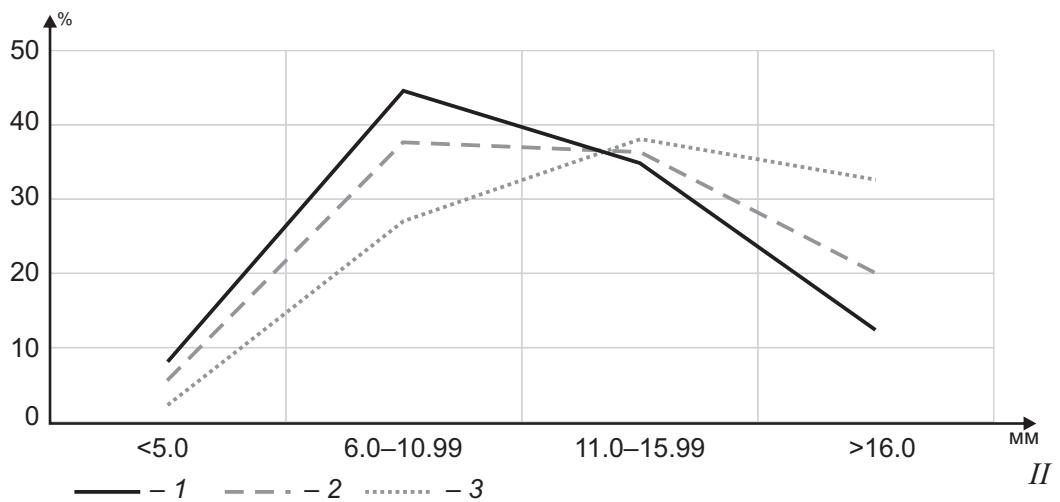
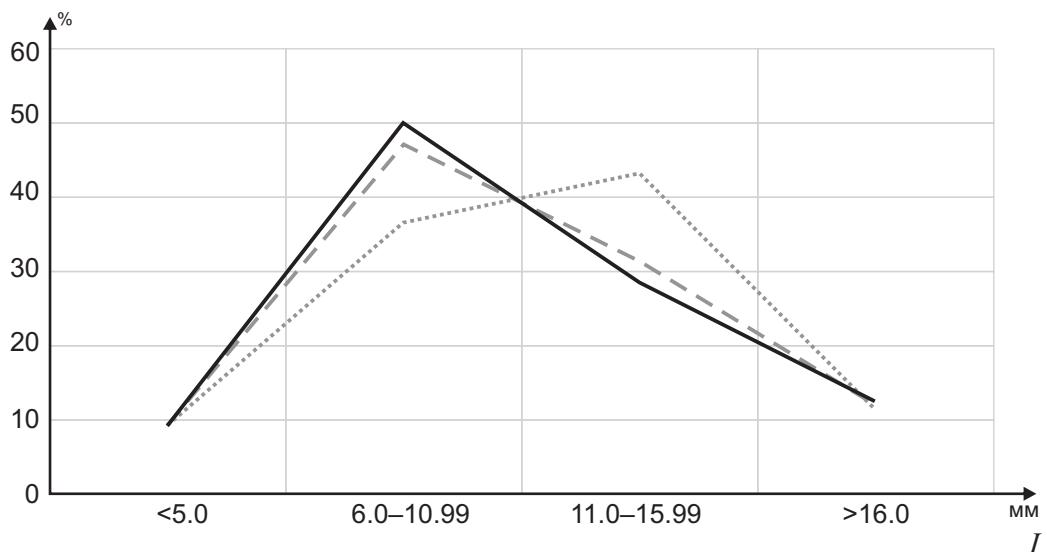

Рис. 13. Графики распределения пластин по ширине с заданным интервалом. I – Керос; II – Черная Вадья. 1 – вся совокупность пластин; 2 – пластины без вторичной обработки, включая технологические сколы и пр.; 3 – пластины с вторичной обработкой.

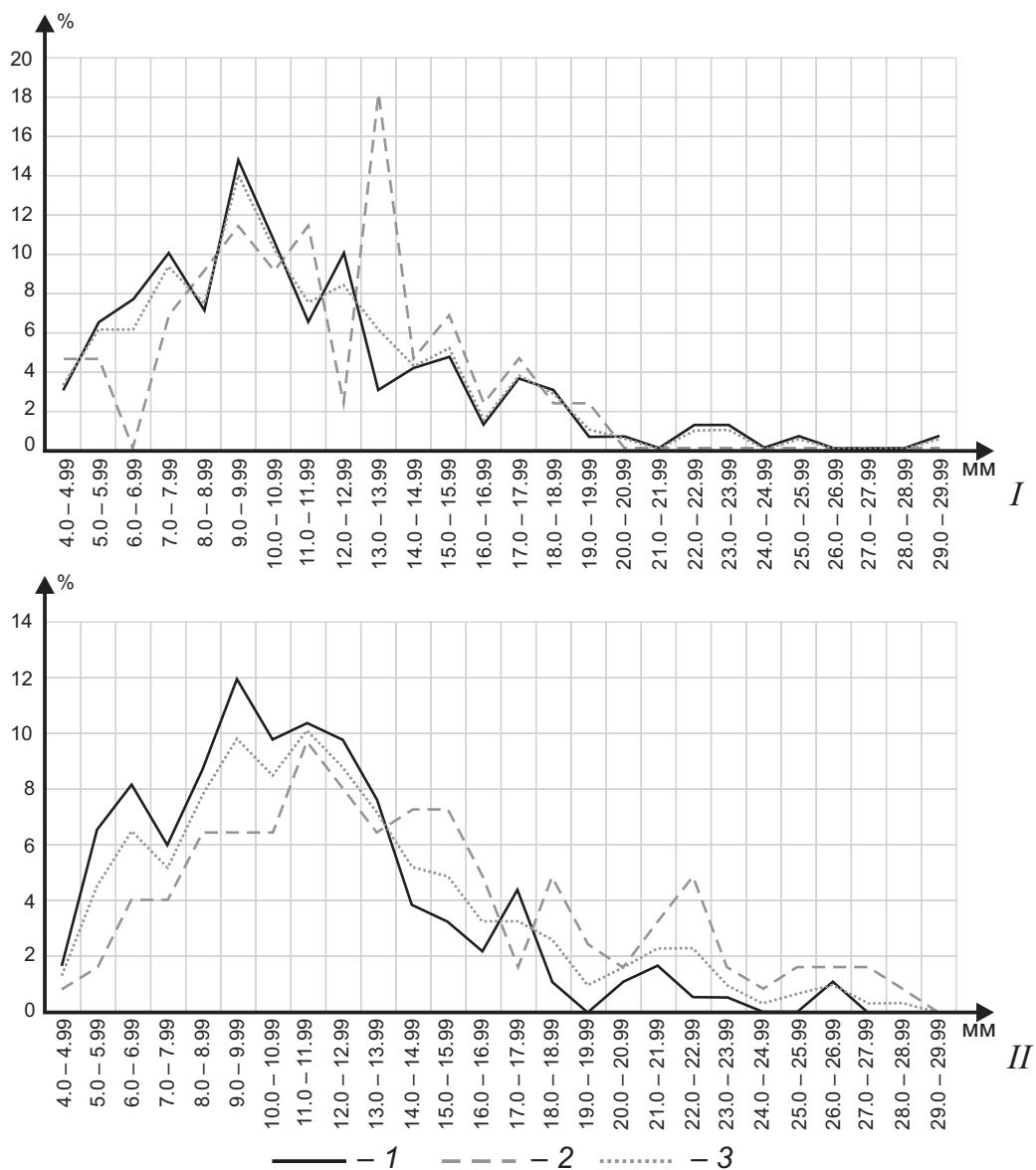

Рис. 14. Графики распределения пластин по ширине с шагом 1 мм.
I – Керос; II – Черная Вадья. 1 – вся совокупность пластин; 2 – пластины без вторичной обработки, включая технологические сколы и пр.; 3 – пластины с вторичной обработкой.

И. А. Будзанивский, А. В. Волокитин

Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар

ТОПОРЫ ЧЕТВЕРТОГО КУЛЬТУРНОГО ГОРИЗОНТА МНОГОСЛОЙНОГО ПАМЯТНИКА ВЫЛЫС ТОМ 2 НА ИЖМЕ

Рассматривается структура четвертого культурного горизонта многослойного археологического памятника Вылыш Том 2. В непосредственной близости от двух рядом расположенных очагов обнаружены двашлифованных топора и многочисленные сколы, полученные при их переоформлении. Часть отщепов и обломков в результате ремонта подобрана к топорам, что позволяет представить их первоначальную форму, и верифицирует площадь распространения сколов той породы камня, из которой топоры изготовлены.

Ключевые слова: р. Ижма, многослойный археологический памятник, мезолит,шлифованные топоры, ремонтаж (рефиттинг).

I.A. Budzaniivskiy, A.V. Volokitin

Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar

AXES FROM THE 4RTH CULTURAL LAYER OF THE MULTILAYERED SITE VYLYS TOM 2 ON IZHMA RIVER

The article examines the structure of the 4th cultural layer in the multilayered archaeological site Vylys Tom 2. In the close proximity of the two connected hearths, there have been found two ground axes and a number of flakes produced while remaking them. Some of the flakes and fragments could be re-fitted to the axes, which gave us their initial form and suggested which set of findings could be related to the particular act of re-making the axes.

Keywords: Izhma river; multilayered archaeological site, Mesolithic, ground axes, refitting.

Памятник Вылыш Том 2 находится у южной окраины пос. Том Ижемского района Республики Коми, на правом берегу р. Ижма. Располагается в 0,2 км выше по течению реки от впадения в нее р. Вылыш Том. Культурные остатки связаны с отложениями мыса 10 м террасы (рис. 1, цв. вклейка).

Первые находки на памятнике сделаны во время разведочных работ в 2003 г. В 2010 г. при проведении рекогносцировочных раскопочных работ на памятнике выявлены четыре культурных горизонта, залегающих обособленно друг от друга (рис. 2). В течение полевых сезонов 2010-2013 гг. первый и второй культурные горизонты вскрыты на площади 41 кв. м, третий и четвертый – 38 кв. м.

Первый культурный горизонт, датируемый концом существования ананьинской общности раннего железного века, то есть концом I тыс. до н.э., залегает в современной оглеенной лесной почве. Находки второго культурного горизонта, предварительно отнесенные к среднему неолиту, расположены в верхах коричневого суглинка на глубине 0,3-0,5 м от современной дневной поверхности.

Третий и четвертый культурные горизонты выявлены на глубине более 2 м от современной дневной поверхности и, связаны с гумусированными прослойями суглинка супеси, между которыми залегают слойки песка (рис. 2, *цв. вклейка*). Хотя эти культурные горизонты отличаются по структуре своей организации, а также количеству (в четвертом горизонте их значительно больше) и составу находок, есть все основания говорить о сходстве их инвентарей. В том числе, в обоих горизонтах отмечены предметы со шлифовкой. Правда в третьем культурном горизонте есть только осколки и отщепы, снятые со шлифованных орудий, но есть два абразива, а в четвертом, помимо многочисленных отщепов, выявлены два шлифованных топора.

Основу структуры четвертого культурного горизонта на вскрытой к настоящему времени площади составляют два кострища. Они примыкают друг к другу и вытянуты в линию по направлению с юго-запада на северо-восток. Одно – малой мощности (до 5 см), включало прокал характерного розового цвета, углистую линзу, перекрывающую прокал, и мелкие фрагменты обожженных костей. Второе кострище имело прокал большой мощности (до 15 см). В его верхней части располагались угли, представляющие «недогоревшие поленья». Они залегали в песчаной прослойке, перекрывающей четвертый культурный горизонт, но основанием находились в очаге. В прокале, в верхней его трети многочисленны кальцинированные кости, из-за чего он имеет в этой части бурую окраску. Идентифицированы (П.А. Косинцев, ИЭРИЖ Уро РАН) кости птиц, шуки, карповых, лося, северного оленя, куньих, белки, а также кости практически всего скелета бобра. Ниже прокала залегали углистые прослойки с включением очень крупных углей. Общая мощность кострища достигала 0,5 м (рис. 2).

Четвертый культурный горизонт имеет радиоуглеродную дату – 8540 ± 70 (ГИН-14594) [Волокитин, Андреичева, Зарецкая, 2013].

Найденные концентрируются вокруг очагов. Значительное их количество выявлено в самих очагах. Причем только часть из них обожжена. Данное обстоятельство присуще стоянкам в аллювиальных отложениях и связано с процессом упокоения и частичным перемещением культурных остатков в водной среде. С южной стороны находок значительно меньше, их распространение резко обрывается, несколько южных квадратов и особенно юго-западных на вскрытой площади совсем не имеют находок (рис. 3, *цв. вклейка*). Именно на южной границе распространения находок обнаружены два частично шлифованных топора. Вернее один целый топор и обушковая часть второго топора.

На обоих топорах хорошо заметны красные пятна – налет охры. Такой налет отмечен и на ряде кремневых предметов, среди которых нуклеусы и пластины, а на площади культурного горизонта фиксируются линзы, интенсивно окрашенные охрой. Скорее всего, это связано с геохимией отложений террасы, насыщенных рассолами с окислами железа, которые адсорбируются на участках культурного слоя и поверхностях некоторых артефактов.

Топоры изготовлены из доломатизированного известняка(?). Среди находок (общее число их, за исключением фаунистических остатков – 2195 экз.) имеется 77 предметов из этой же породы. В это число входят два указанных выше орудия, а также отщепы (60), пластиинки (9), обломки плитки (4) и чешуйки (2). 35 из них имеют следы шлифовки. Распределены они были достаточно равномерно по скоплению находок четвертого культурного горизонта (рис. 3). Исходя из такого количества отщепов и обломков со шлифовкой, можно предположить, что все без исключения снятия из этой породы были получены уже в процессе использования готовых орудий и их переоформления. Ремонтаж, который к настоящему времени была возможность провести, показал, что векторы связей покрывают практически всю площадь распространения доломатизированного известняка на раскопе (рис. 4). К найденному целым топору был подобран (ремонтаж) крупный отщеп, что вернуло арьерфасу орудия его первоначальную форму (рис. 5, *цв. вклейка*). К обушковому фрагменту второго орудия подобрана недостающая часть тела топора, имеющая негативы снятий, изменивших его очертания. Часть этих снятий в результате ремонтажа подобрана (рис. 6, *цв. вклейка*), что также позволяет реконструировать орудие. Оба топора острообушные – можно говорить, что данная форма не случайна. В поперечном сечении топоры имеют подтрапециевидную форму с основанием у арьерфаса. В профиле – если лезвия симметричны, то обушок скошен к рабочему фасу. Вероятнее всего они изготовлены из одной плитки, так как у них обоих оставшиеся необработанными участки поверхности фаса (рабочего фаса) и арьерфаса одинаковы по структуре. Шлифовались тщательно лезвия и края орудий. Причем последние имеют не до конца зашлифованные негативы сколов обработки. Небольшие шлифованные участки наблюдается по телу рабочего фаса, а на арьерфасе шлифовка практически отсутствует.

Один из отщепов, подобранных ко второму топору, имеет отвесную ретушь на прямом дистальном конце (рис. 6: 2).

На европейском Северо-Востоке в коллекциях мезолитических памятников рубящие орудия немногочисленны, шлифованные же вообще редки. Они есть в материалах, связываемых с Висским 1 торфяником [Буров, 1967], но, ни по форме, ни по характеру обработки они не имеют сходства с описанными выше орудиями. Больше сходства можно найти со шлифованными рубящими орудиями, найденными В.И. Канивцом на печорской мезолитической стоянке Топыд-Нюр 5 и расположенному неподалеку местонахождением Топыд-Нюр 2 [Канивец, 1973, рис.10]. Они изготовлены из кремнистой опоки и алевролита. На стоянке Топыд-Нюр 5 есть острообушное орудие, а с другого топора снимались отщепы, которые после раскопок были подобраны (ремонтаж) к орудию. Следует также отметить, что на раскопанной гораздо позднее в том же урочище мезолитической стоянке Топыд-Нюр 7, были также найдены отщепы из опоки со следами шлифовки, снятые с крупного орудия [Волокитин, 1987]. Данное обстоятельство послужило дополнительным аргументом в пользу полного сходства этих двух печорских стоянок. Некоторые параллели в кремневой

индустрии Топыд-Нюра 5 и 7, с одной стороны, и четвертого культурного горизонта стоянки Вылыс Том 2, с другой, в частности, приемы расчленения скребков, позволяют говорить, весьма осторожно, об их взаимосвязи.

В коллекции четвертого культурного горизонта стоянки Вылыс Том 2 есть три отщепа со следами шлифовки из эпидозита(?) (рис. 6:3), следовательно крупные шлифованные орудия изготавливались из этой породы, а шлифование не было чем то особенным для данного технокомплекса.

Работа выполнена при поддержке Программы междисциплинарных фундаментальных исследований учреждений УрО РАН, проект № 12-М56-2037.

Литература

Буров Г.М. Древний Синдор (из истории племен Европейского Северо-Востока в VII тысячелетии до н.э.–I тысячелетии н.э.). М.: Наука, 1967. 220 с.

Волокитин А.В. Особенности индустрий мезолитических памятников Топыд-Нюр 5 и 7а на Средней Печоре // Материальная и духовная культура населения Европейского Северо-Востока / Отв. редактор Э.А. Савельева. Сыктывкар, 1987. С. 6-15. (Тр. ИЯЛИ. Вып. 40).

Волокитин А.В., Андреичева Л.Н., Зарецкая Н.Е. Геоархеологические исследования на р. Ижме. Многослойная стоянка Вылыс Том 2 // Вестник Института геологии Коми научного центра УрО РАН, 2013. № 8 (244). С. 13–18.

Канивец В.И. Мезолитические стоянки на Средней Печоре и Усе // Поселения каменного и медно-бронзового века на Печоре и Усе / Отв. редактор В.И. Канивец. Сыктывкар, 1973. С. 3-23. (МАЕСВ. Вып. IV).

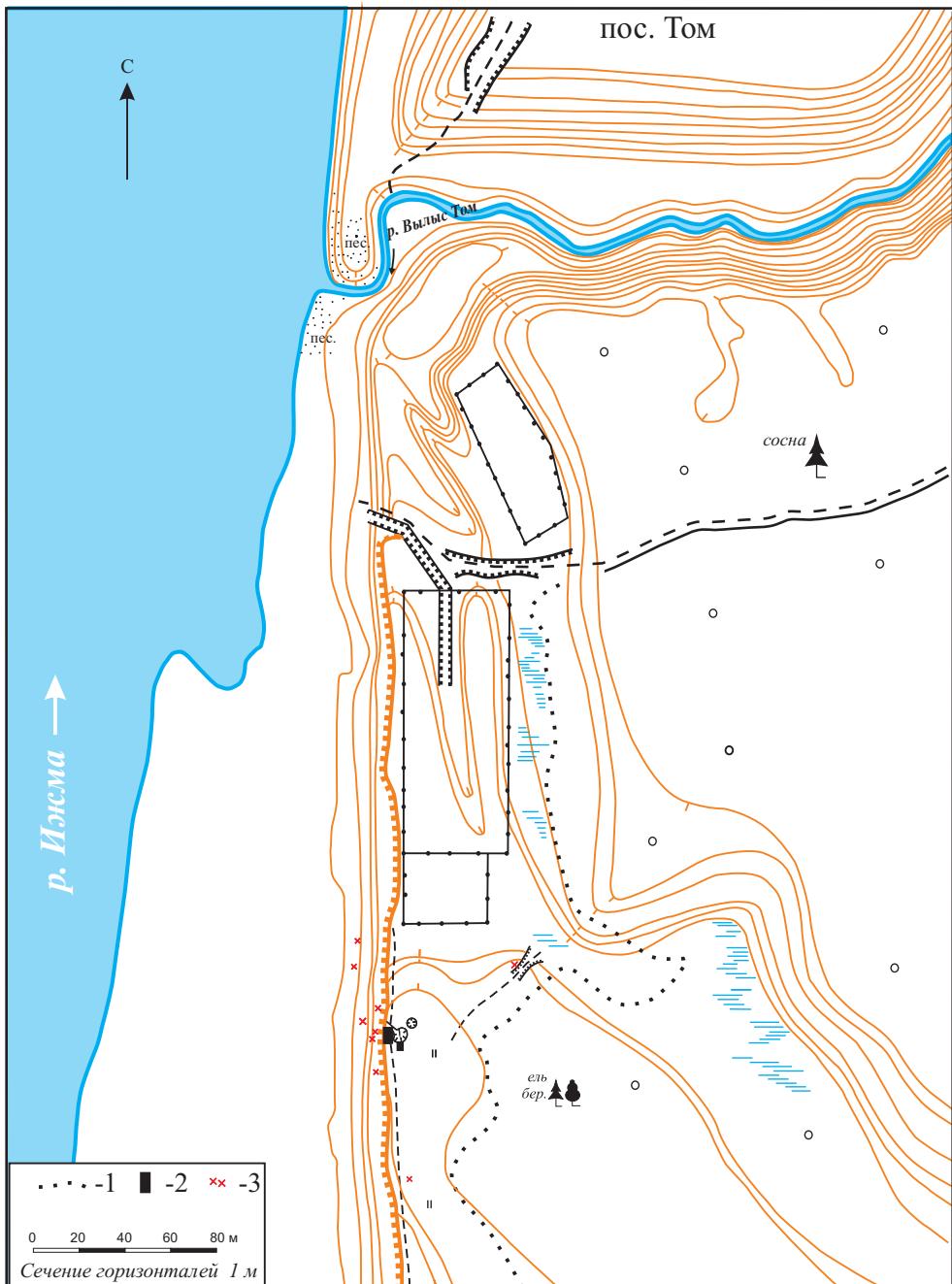

Рис. 1. Вылыс Том 2. Топоплан памятника. Условные обозначения:

1 — линия леса; 2 — раскопы; 3 — подъемный материал.

К статье И. А. Будзанинского, А. В. Волокитина «Топоры четвертого культурного горизонта многослойного памятника Вылыс Том 2 на Ижме».

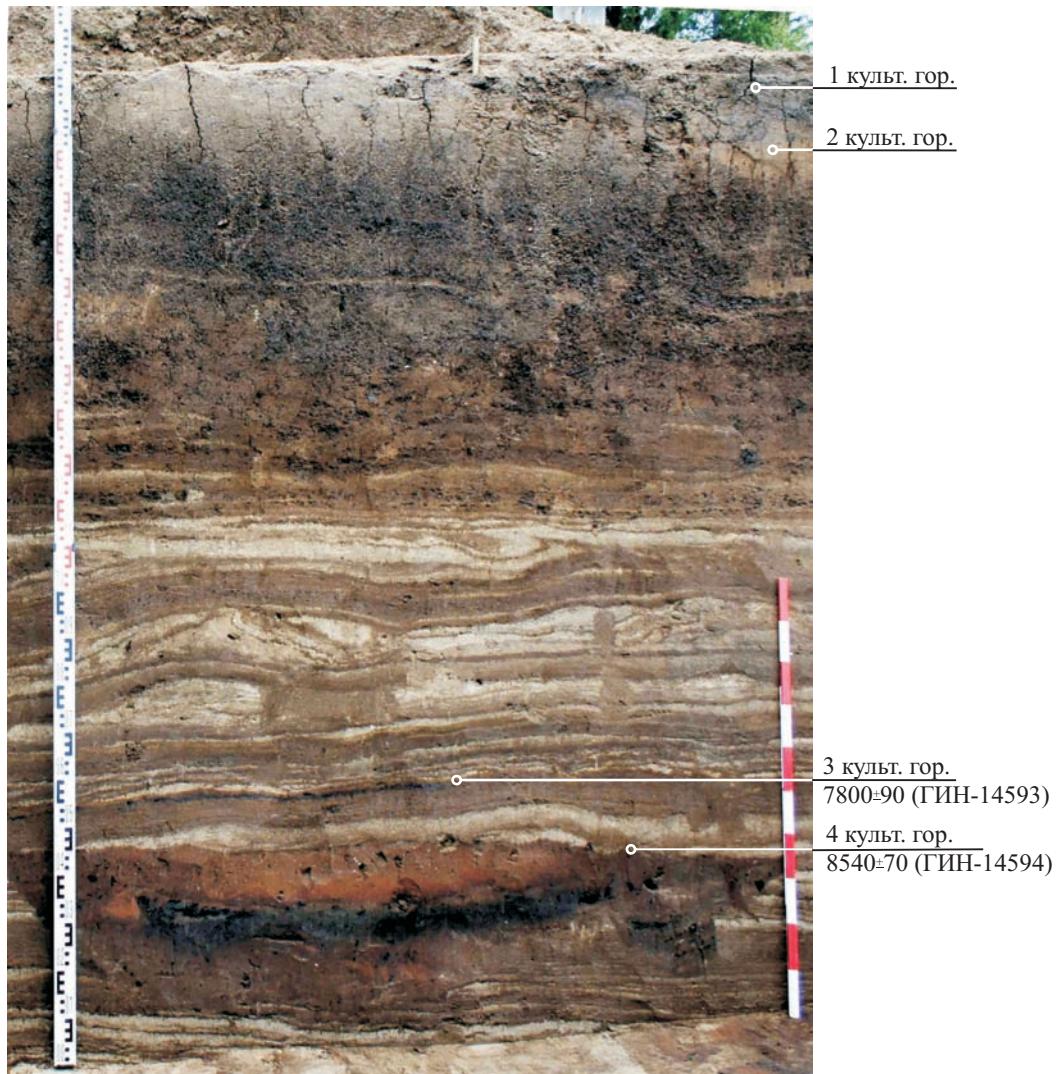

Рис. 2. Вылыс Том 2. Разрез отложений: фрагмент восточной стенки раскопа (фото).
К статье И. А. Будзанивского, А. В. Волокитина «Топоры четвертого культурного
горизонта многослойного памятника Вылыс Том 2 на Ижме».

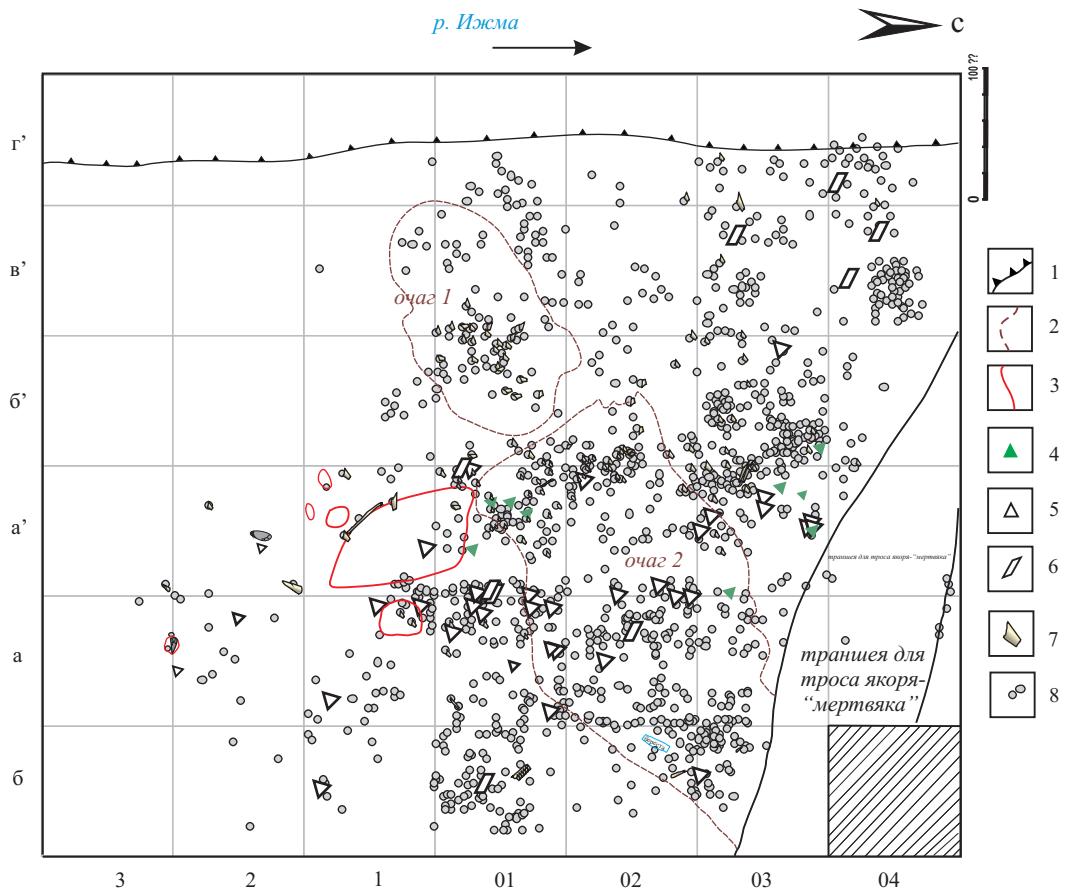

Рис. 3. Вылыш Том 2. План находок 4 культурного горизонта. Условные обозначения:
 1 – бровка обнажения; 2 – очертания очагов; 3 – граница пятен охры; 4 – отщеп эпидозита,
 5 – отщеп доломатизированного известняка; 6 – пластина доломатизированного известняка;
 7 – кость; 8 – кремневое изделие.

*К статье И. А. Будзанивского, А. В. Волокитина «Топоры четвертого культурного
 горизонта многослойного памятника Вылыш Том 2 на Ижме».*

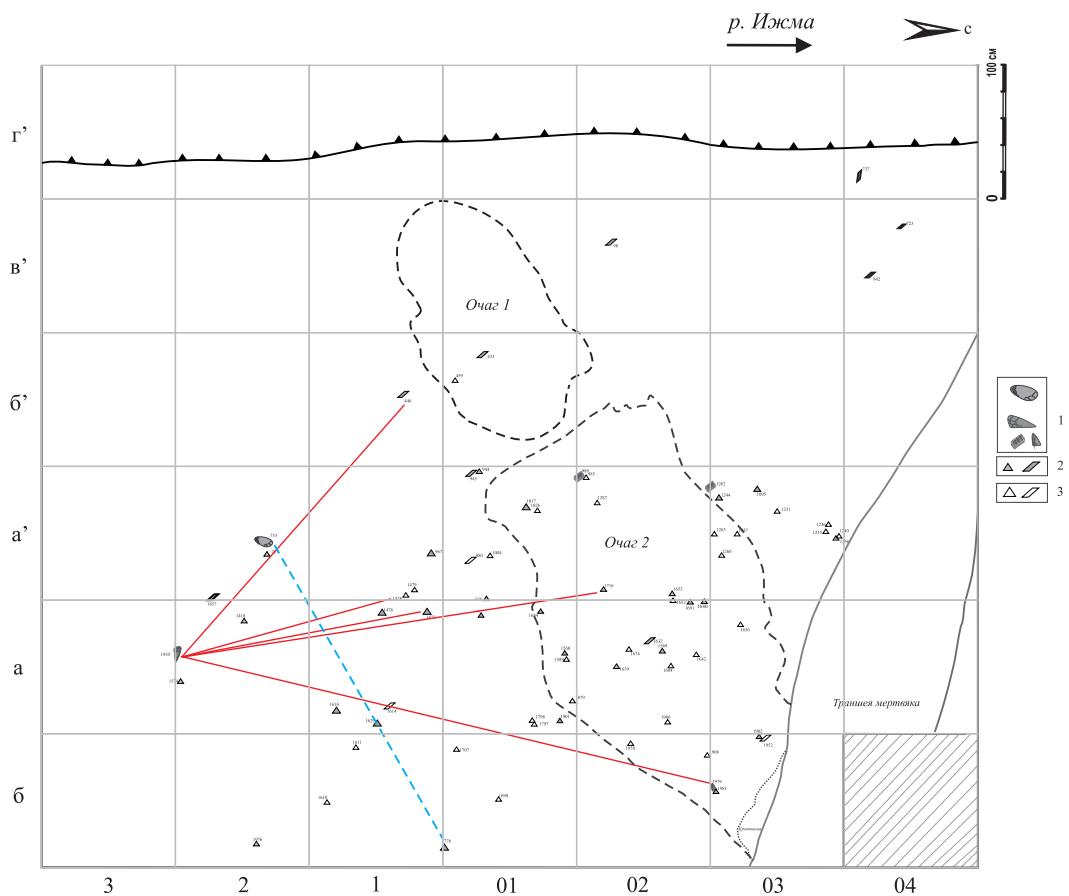

Рис. 4. Вылыш Том 2. 4 культурный горизонт, план находок изделий из доломатизированного известняка с векторами связей ремонтажа. Условные обозначения:
 1 – топоры и их обломки; 2 – отщепы и пластины со следами шлифовки;
 3 – отщепы и пластины без шлифовки.

Рис. 5. Вылыс Том 2. 4 культурный горизонт. 1 – топор; 1а – топор (ремонтаж).
*К статье И. А. Будзанинского, А. В. Волокитина «Топоры четвертого культурного
горизонта многослойного памятника Вылыс Том 2 на Ижме».*

Рис. 6. Вылыш Том 2. 4 культурный горизонт. 1 – топор; 1а, б – топор, процесс ремонта; 2 – отщеп из данного складня с ретушью на конце; 3 – отщеп эпилодита со следами шлифовки.
К статье И. А. Бузданинского, А. В. Волокитина «Топоры четвертого культурного горизонта многослойного памятника Вылыш Том 2 на Ильме».

Э.С. Логинова
Сыктывкар

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ ЭНЬТЫ III НА ВЫЧЕГДЕ

Описывается небольшая мезолитическая коллекция, связанная с остатками малого наземного жилища, выявленного при раскопках неолитического поселения Эньты III. Предпринята попытка определения возраста и культурной принадлежности материалов. Определено, что данная стоянка входит в круг памятников мезолита Вычегды с микролитическим инвентарем.

Ключевые слова: р. Вычегда, мезолит, жилище, микролитический инвентарь.

E. S. Loginova
Syktyvkar

MESOLITHIC ASSEMBLAGE OF THE SETTLEMENT ENTY III IN THE REGION OF THE RIVER VYCHEGDA

The article describes a small Mesolithic collection that characterizes a small aboveground dwelling excavated on the Neolithic settlement Enty 3. An attempt is made to date the collection and to define its cultural affiliation. It can be concluded that the Mesolithic dwelling has certain similarities with those Vychgda Mesolithic sites that have microlithic inventory.

Keywords: *Vychgda river, Mesolithic, dwelling, microlithic inventory.*

Поселение Эньты III находится на правом берегу р. Вычегда, в 2,2 км к востоку от пос. Седкыркеш (территория г. Сыктывкар), на I надпойменной террасе реки, примыкающей в настоящее время к проточному старичному озеру Эньты (рис. 1). Памятник входит в комплекс достаточно компактно расположенных поселений эпохи неолита и бронзы Эньты I-V. Памятник Эньты III исследовался с небольшими перерывами с 1976 по 1982 г. Общая вскрытая площадь составила 1892 кв.м. Раскопы разных лет закладывались, ориентируясь на видимые на поверхности «жилищные» впадины (рис. 2). Раскоп 1982 г. площадью 824 кв.м., охватил две жилищные впадины (4 и 5), ориентированные на СВ. Помимо этих объектов, за пределами жилищ в материке были прослежены: яма 3 (кв. 15, 16-м, н) в виде четырехугольника с четкими углами, ровным дном (на уровне 40-45 см), остатки небольшого наземного жилища (получившего порядковый номер 6) с выходом на запад, и находящаяся рядом яма 2 – возможно, след от столба, поддерживавшего кровлю жилища (рис. 3).

Таким образом, в раскопе 1982 г. на поселении Эньты III планиграфически и типологически выделены два разновременных комплекса – мезолита и неолита. Найдены среднего неолита – комплексы с гребенчато-ямочной кера-

микой – связаны с двумя жилищами (5 и 6). К мезолиту отнесен кремневый инвентарь с квадратов 15, 16-м, н. Здесь в желтом песке (верх иллювиального горизонта) на глубине 0-30 см и в заполнении ям 2 и 3 (жилище 6) найдено всего 134 кремневых предмета: 16 отщепов; 27 чешуек; 94 пластинки и их обломков, включая пластинки со следами использования и орудия, изготовленные из пластин; два отщепа со следами использования, небольшое «тесловидное» орудие с перехватом на тонкой плитке. Весь кремень серого цвета. Кроме того, обнаружен мелкий отбойник из некремневой гальки.

Вторичной обработке подверглись исключительно пластины, в общем количестве инвентаря они составляют 16,4%. Ассортимент орудий ограничен, но выразителен.

Более половины орудий выполнено на сечениях и обломках пластин, преимущественно длинных и средних. Предметы с вторичной обработкой подразделяются на группы – с ретушью по краю, на торце, углу и с резцовым сколом. Преобладают изделия с краевой ретушью – 31,3%, служившие режущими орудиями, скобелями и др. (рис. 4). Характерна обработка с брюшком одного края пластин, реже двух. В одном случае оформлена боковая выемка, слабо заметная. Ретушь применялась притупляющая, очень мелкая – на участке в 1мм умещалось до трех фасеток. Она охватывала весь край или только отдельные участки, встречалась как регулярная, так и нерегулярная. Значителен процент пластин с ретушью на торце – 25%. Выделяются две группы этих орудий: с узким, прямоусеченным концом (рис. 4:17-18) и широким, слегка скошенным (рис. 4:11, 13, 19). Для первых заготовками служили пластины с несколько утолщенным, суженным концом, треугольным в сечении. Те и другие затуплены мелкой крутой ретушью с брюшком лишь по рабочей кромке. В отдельную группу орудий (3,1 %) выделена пластина с ретушью на торце и углу (рис. 4, 10). Ее широкий конец усечен ретушью прямо, угол, примыкающий к нему, скошен под углом 45°. На одной пластине ретушью с брюшком скошен только угол (3,1%). Кроме обработки торца или угла, у половины данных изделий отмечается по боковому краю мелкая ретушь или следы использования в виде выщербин. Встречается ретушь двусторонняя прерывистая (рис. 4:10) и односторонняя со спинки – на участке, примыкающем к усеченному концу (рис. 4:19), или оформляющая боковую выемку у основания (рис. 4:17). Последнюю группу орудий (6,2%) составляют резцы на углу пластин (рис. 4:14-15). Резцовые сколы короткие, длиной 3-5 мм.

Таким образом, для этого небольшого комплекса характерна пластинчатая индустрия и микролитоидность инвентаря. Пластины составляют 70,1% всего кремневого инвентаря, а среди общего количества пластин и отщепов первых насчитывается 82,6%. Характерна также вкладышевая техника – деление пластин на части, получение сечений прямоугольной формы, преимущественно длинных. Широко распространено применение пластин и их частей без обработки, в меньшей степени отщепов – только 5,9% всех отщепов имеют следы пребывания в работе.

Малочисленному инвентарю соответствует и небольшое жилище. Оно устроено сравнительно далеко от воды – в 60 м от озера и 170 м от ручья. Незначительная площадь (около 6 кв. м), слабая углубленность пола в материк (10 см) и отсутствие следов очага позволяют предположить наличие легкого сооружения из жердей типа шалаша. Оно имело ромбовидную форму с выходом в противоположную от озера сторону (рис. 3). Очевидно, размеры его были несколько шире – на это указывает тот факт, что находки залегали на участке 16 кв. м, а также наличие столбовой ямки вне ромбовидного углубления. При таком предположении опорный столб, довольно значительного диаметра, к которому крепились верхние концы жердей, находился внутри сооружения и был смещен от центра, а нижние концы наклонных жердей очерчивали пространство на некотором расстоянии от углубленной части. Пол мог быть застлан жердями, от чего сохранилась четырехугольная форма.

Облик инвентаря и жилища свидетельствует о подвижном образе жизни небольшой группы охотников. Возможно, они занимались также рыбной ловлей и собирательством. Изготовление орудий на стоянке, очевидно, не производилось, на что указывает отсутствие осколков, нуклеусов, предметов с желвачной коркой. Это была кратковременная стоянка с временным жилищем, которое функционировало, вероятно, летом.

В целом стоянка входит в круг памятников мезолита Вычегды с микролитическим инвентарем [Буров, 1961; Логинова, 1985]. Их объединяет вкладышевая техника, состав инвентаря, характер вторичной обработки. Близки эньтыйским многие статистические показатели с основных вычегодских стоянок с микролитическим инвентарем, известных по раскопкам Г.М. Бурова (Курьядор I, Пезмог I, Ульяново, Кузьвомын). Это соотношение пластин и отщепов (83-88% пластин в общем количестве пластин и отщепов), процент орудий среди пластин (21,6-29,7%), процент орудий в кремневом инвентаре (10,8-17%). Техника производства пластин документируется конусовидными и карандашевидными нуклеусами. Близки также формы и пропорции вкладышей, технология обработки пластин – мелкая краевая ретушь и резцовый скол на углу [Буров, 1965, с. 47-57]. Наибольший интерес представляют параллели своеобразным орудиям – пластинам с узким усеченным концом, треугольным в сечении. На тех же вычегодских стоянках эти изделия составляют от 1,2 до 33% от числа всех пластин и назывались в литературе микроскребками, долотцами, резчиками с изношенным рабочим концом [Буров, 1965, с. 53-54, рис. 18:1-4; Буров, 1978, с. 108]. Несомненно, они предназначались для работы по твердому материалу, например, для прорезания пазов в деревянной или костяной основе вкладышевых орудий. От орудий Эньты III они отличаются большей массивностью и изогнутостью в профиле, а также характером ретуши на торце, которая покрывает весь торец, прямой или скошенный. Различия в толщине и технологии обработки, вероятно, являются хронологическими и отражают развитие этих орудий. Более ранним представляется тип орудий Эньты III, ввиду микролитоидности заготовки и архаичной ретуши.

В материале известных вычегодских памятников наблюдаются и другие отличия от мезолитического энтыйского комплекса. Так, при преобладании пластин шириной до 1 см в их коллекциях все же встречаются экземпляры шириной 2 см и более. Содержание пластин в кремневом инвентаре стоянок гораздо меньше (41,3-59,7%). Разнообразнее там и орудия на пластинах – есть двойные, тройные и даже четверные резцы на углах пластин, пластины с закругленными краевой ретушью углами или оформленным жальцем на конце, концевые скребки. Найдены (всего лишь два) обломки наконечников (?) и единственная трапеция с вогнутыми сторонами. Иногда значительно представлены орудия на отщепах (изделия с краевой ретушью, скребки), которых насчитывается от 0,4 до 15,7% от всех отщепов, а среди всех орудий – от 1,1 до 9% [Буров, 1965, с. 47-56]. Особенностью мезолитического комплекса на поселении Энты III, кроме его специфиичности, является большая архаичность по сравнению с другими вычегодскими стоянками с микролитическим инвентарем. Пластины здесь более тонкие, узкие и правильные, отсутствуют отщепы с вторичной обработкой, ассортимент орудий более ограничен, есть архаичные типы орудий. Эти особенности позволяют отнести стоянку у озера Энты к более раннему времени, чем Курьядор I, Пезмог I, Ульяново, Кузьвомын.

Список литературы

- Буров Г.М.** Стоянки с микролитическим инвентарем на р. Вычегде // СА. 1961. №1. С.247-255.
- Буров Г.М.** Вычегодский край. М., 1965. 193 с.
- Буров Г.М.** Категории и типы каменных изделий у племен крайнего Европейского Северо-Востока // Орудия каменного века / Под ред. Д.Я. Телегина. Киев: Наукова Думка, 1978. С. 107-121.
- Логинова Э.С.** Мезолитические стоянки средней Вычегды // Археологические памятники Северного Приуралья /Под редакцией В.С. Стоколоса. Сыктывкар, 1985. С. 16-29. (МАЕСВ. Вып. 9).

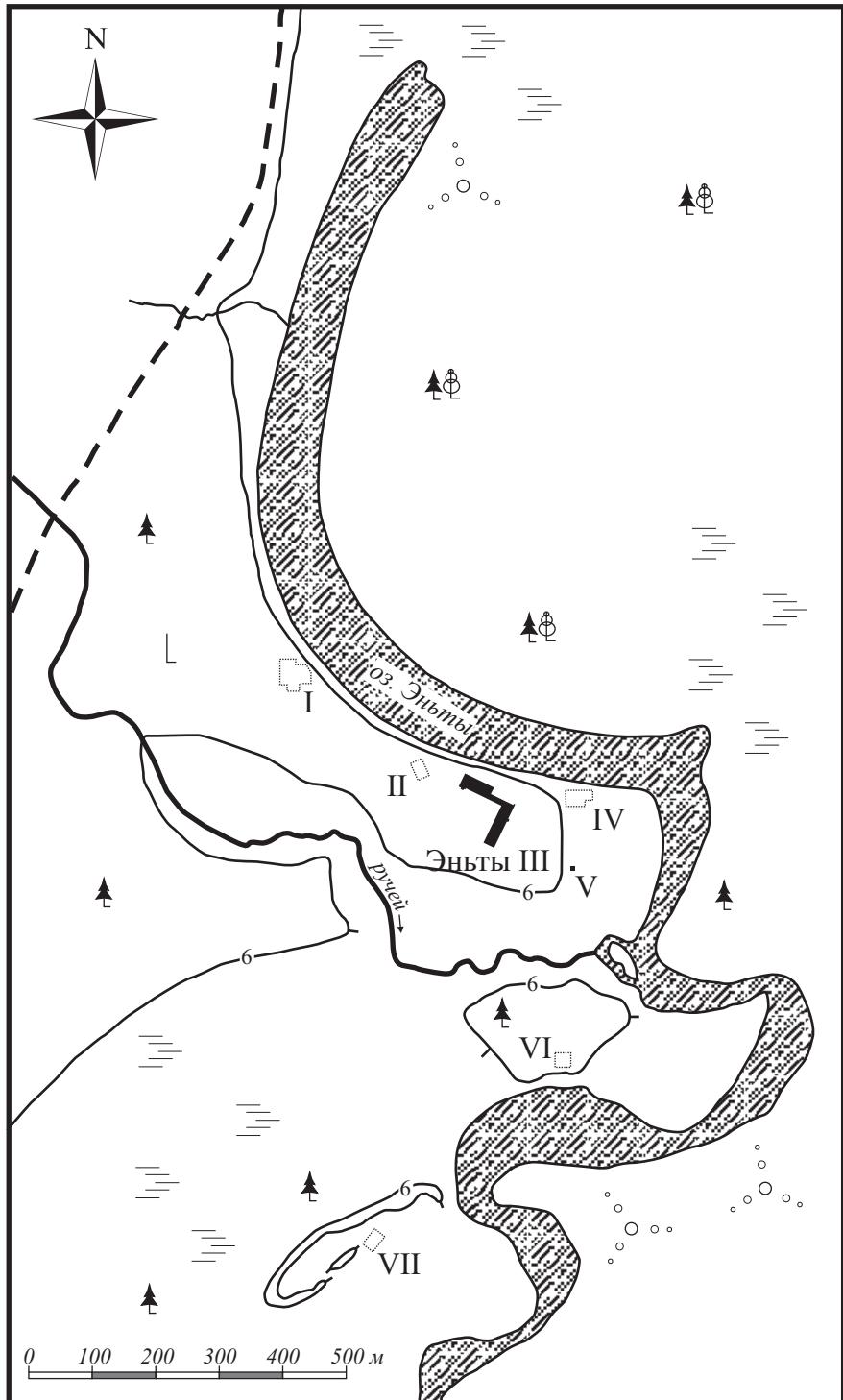

Рис. 1. Месторасположение поселения Энты III.

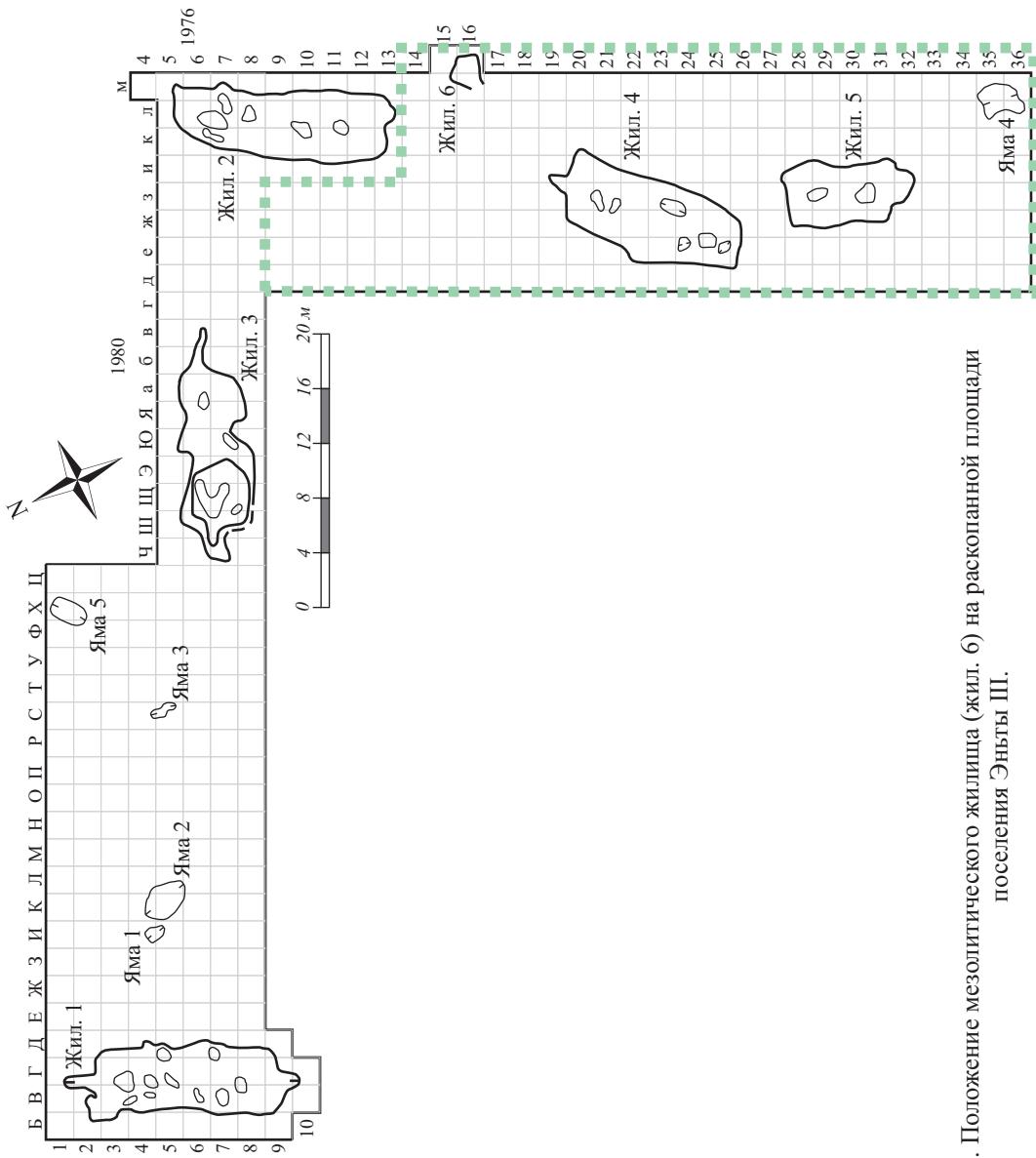

Рис. 2. Положение мезолитического жилища (жил. 6) на раскопанной площади поселения Энты III.

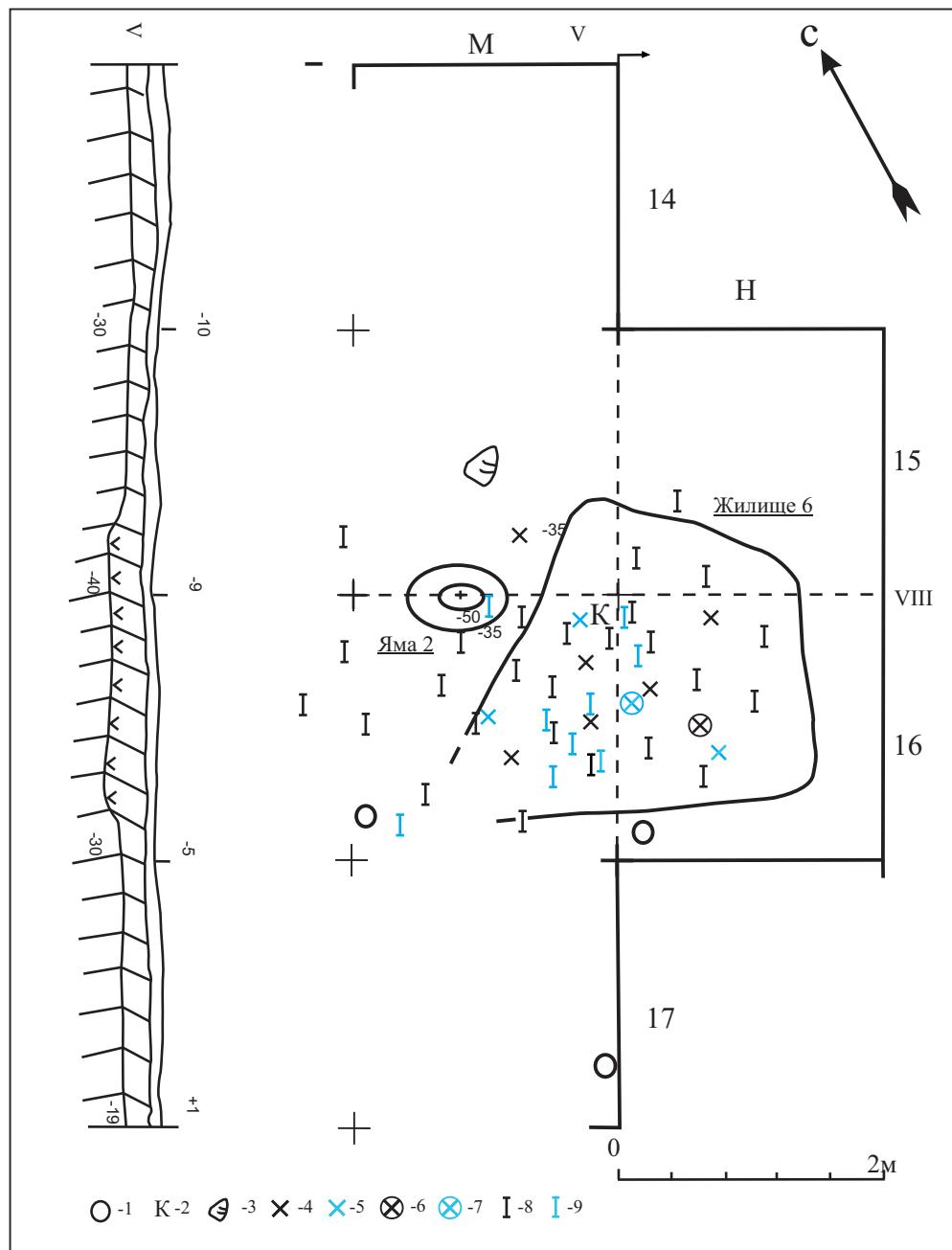

Рис. 3. План и разрез мезолитического жилища 6 поселения Энтьы III.

Условные обозначения: 1 – фрагмент керамического сосуда; 2 – кальцинированная кость; 3 – камень; 4 – отщеп, глубина залегания -0 – -20; 5 – отщеп, глубина залегания -20 – -40; 6 – орудие на отщепе, глубина залегания -0 – -20; 7 – орудие на отщепе, глубина залегания -20 – -40; 8 – пластина, глубина залегания -0 – -20; 9 – пластина, глубина залегания -20 – -40.

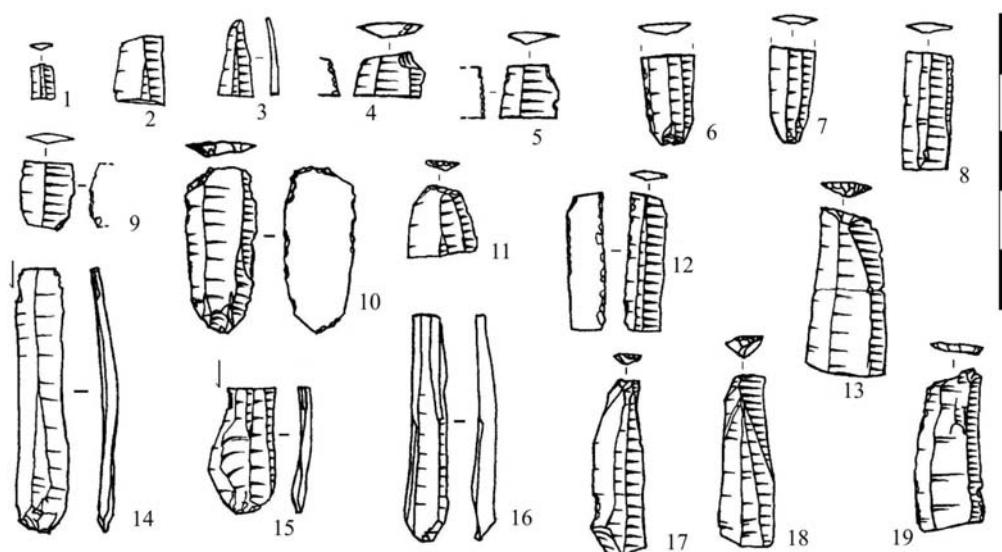

Рис. 4. Кремневый инвентарь мезолитического жилища 6 поселения Эньты III.

Таблица 1
Характеристика пластин мезолитического комплекса на поселении Эньты III

Пластины	Сечения и обломки	Проксимальные части	Дистальные части	Целые	Всего	
					Кол-во	В %
Без следов использования	22	29	7	4	62	66,0
Со следами использования	6	2	-	2	10	10,6
С ретушью по краю	8	1	-	1	10	10,6
С ретушью на узком торце	4	1	-	-	5	5,3
С ретушью на широком торце	3	-	-	-	3	3,2
С ретушью на торце и углу	-	1	-	-	1	1,1
С ретушью на углу	-	1	-	-	1	1,1
С резцовым сколом	-	2	-	-	2	2,1
Всего (кол-во)	43	37	7	7	94	
В %	45,8	39,4	7,4	7,4		100

Е.Л. Лычагина

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ ПОСЕЛЕНИЯ ОГУРДИНО (по материалам раскопок 2002 г.)

В статье подводятся итоги типологического анализа каменного инвентаря поселения Огурдино (по итогам раскопок 2002 г.), эталонного памятника камской мезолитической культуры. Делается вывод о схожести номенклатуры изделий с предыдущими исследованиями памятника. В качестве ведущих форм орудий выделяются скребки, резцы, пластины с ретушью. В тоже время, в качестве особенности, отмечается наличие значительной группы орудий, изготовленных на отщепах. Это могло быть связано как с локализацией небольшого по площади раскопа, так и примесью артефактов более поздних эпох.

Ключевые слова: камская мезолитическая культура, огурдинский этап, типологический анализ, каменный инвентарь.

E. Lychagina

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm

STONE INVENTORY OF THE OGURDINO SETTLEMENT (The results of 2002 excavation)

The article overviews the typological analysis of the stone inventory from the Ogurdino settlement. This settlement is the template site of the Kama Mesolithic culture. The findings made there in 2002 are not different to those obtained from the previous excavations. Most findings are scrapers, burins and retouched blades. However, there is a large group of tools remade from flakes. These tools make the collection from 2002 different to the previous collections. This difference can be explained by the localization of the small excavation unit inside the site as well as by the mixture of the findings with those from later epochs.

Keywords: Kama Mesolithic culture, Ogurdino stage, typological analysis, stone inventory.

Огурдинское поселение расположено на правом берегу р. Кама между д. Огурдино и пос. Орёл Усольского района Пермского Края. Оно занимает край высокой надпойменной террасы, возвышаясь над уровнем реки на 10-11 м, и простирается вдоль берега на 2-2,5 км. Памятник был открыт в 1949 г. известными пермскими археологами В.А. Обориным и В.П. Денисовым, и был первым мезолитическим поселением, выявленным на территории края. В 1951–1952 гг. памятник исследовался О.Н. Бадером, который считал его ключевым в изучении мезолита Среднего Прикамья. Опираясь на материалы поселения, исследователь характеризовал развитый мезолит Прикамья и назвал этот этап огурдинским. К сожалению, полностью материалы раскопок 1951–1952 гг. так и не были опубликованы, однако, общая характеристика памятникадается во многих работах О.Н. Бадера [Бадер, 1966].

Последующие раскопки проводились в 1984 г. А.Ф. Мельничуком и А.М. Белавиным. Итоги этих раскопок представлены А.Ф. Мельничуком [Мельничук, 1989]. Дальнейшие исследования на территории памятника были проведены в 1993–1996 гг. А.Ф. Мельничуком и А.М. Белавиным поочередно. Материалы этих раскопок частично введены в научный оборот [Мельничук и др., 1994; Лычагина, 1997]. Последние по времени исследования были проведены в 2002 г. под руководством Н.Б. Крыласовой и автора статьи. Площадь раскопа 2002 г.–96 кв.м.

Данная статья посвящена характеристике мезолитического комплекса из раскопок 2002 г. Стоит отметить, что целью раскопок этого года было изучение культурного слоя в северной части памятника, в непосредственной близости от дома отдыха «Огурдино». По предположениям О.Н. Бадера, в этой части поселения должны были концентрироваться артефакты, связанные с селищем эпохи средневековья. Однако наши исследования не подтвердили этого предположения. С эпохой средневековья были связаны только фрагменты неорнаментированной керамики и несколько крупных изделий из камня. Результаты исследований были частично опубликованы автором статьи [Лычагина, 2004].

В итоге, к мезолитическому комплексу было отнесено 374 изделия из камня. Сырьем для изготовления орудий служили галечниковый кремень различного цвета и качества (75% изделий) и серый полупрозрачный халцедон. В редких случаях использовались кремнистый сланец темно-серого цвета (около 1% изделий), сланец, кварцитопесчанник. Часть находок несла на себе следы воздействия огня.

К отходам производства было отнесено 217 экз. (58% от всего мезолитического комплекса):

- отщепы – 50 экз.,
- случайные сколы и осколки – 53 экз.,
- первичные сколы с галек – 62 экз. (краевые – 21, продольные – 28, поперечные – 13 экз.),
- чешуйки – 26 экз.,
- неправильные пластины – 9 экз.,
- ребристые пластины – 7 экз.,
- обломки площадок нуклеусов – 5 экз.,
- сколы с нуклеусов – 5 экз. (поперечные – 4, продольные – 1 экз.).

Ядрища (20 экз.) включают 12 преформ (кремневые гальки с негативами первичных сколов) и 8 нуклеусов. Законченные изделия представлены четырьмя коническими формами, тремя призматическими и одной карандашевидной. Большинство нуклеусов имеет негативы от снятия пластин. Их длина колеблется от 2,5 до 5 см, ширина ударной площадки от 1 до 3,5 см. Они были изготовлены из халцедона, кремня или кремнистого сланца, как впрочем, и найденные пластины (рис.1:1-2).

Пластины без следов вторичной обработки – 57 экз. Большинство изготовлено из кремня, но также встречены экземпляры из халцедона и кремнистого

сланца. Преобладают узкие пластины с шириной до 1 см (50 экз., 90%), также найдено шесть средних пластин (ширина до 1,5 см). Таким образом, мы можем констатировать, что для поселения Огурдино характерны узкие пластины, шириной 0,6-1,0 см. Подобная закономерность (преобладание узких пластин над всеми другими) характерная для развитого этапа камской мезолитической культуры в целом.

Предметов со следами вторичной обработки 80 экз. Из них на пластинах изготовлено 24, а на отщепах – 27 экз. Остальные орудия изготовлены либо на нуклеусах и сколах их переоформления, либо представлены неопределенными обломками. Такое большое количество орудий на отщепах не совсем характерно для данного памятника. Возможно, оно связано с поздними примесями, возможно, с небольшой площадью исследования и нерепрезентативностью выборки.

Перейдем к характеристике орудий. Пластины с ретушью обнаружено 17 экз. Изготовлены из серого и светлого кремня, две из них имели следы воздействия огня. По ширине пластины распределялись следующим образом: микропластины – 3 (ширина до 0,5 см), узкие пластины – 9 (до 1 см), средние – 4 (от 1,0 до 1,5 см) и массивная – 1 (с шириной 1,8 см). Все орудия были обработаны односторонней ретушью: вентральной (9) и дорсальной (8). При этом вентральная ретушь чаще была притупливающаяся, а дорсальная – приостряющая (рис.1:12-14). Сравнительно небольшое количество пластин с ретушью, а также незначительность вторичной обработки, скорее всего, свидетельствуют о том, что пластины использовались в качестве орудий без какой-либо доработки поверхности. Поэтому большую часть неретушированных пластин, о которых речь шла выше, можно считать вкладышами составных орудий.

Значительную категорию орудий составили отщепы с частичной ретушью или со следами шлифовки – 16 экз. Они изготовлены из кремня различных цветовых оттенков. Все отщепы средних размеров, 4 экз. относятся к пластинчатым отщепам. Ретушь, в основном, носила эпизодический характер – ретушь утилизации(?). На некоторых орудиях фиксируется не более 3-4 фасеток. Использовалась как дорсальная (чаще), так и вентральная ретушь. Следы частичной пришлифовки имели три отщепа.

Самую большую категорию орудий составляют скребки и обломки скребковых лезвий – 18 экз. Для их изготовления обычно использовался серый или светлый кремень. По одному орудию сделано из серого кремнистого сланца, окремнелого известняка и сердолика. В качестве заготовки использовались как отщепы (8), так и различные сколы с галек и пренуклеусов (6). Остальные орудия представлены обломками лезвий – 4 экз. Все найденные орудия сильно отличаются друг от друга. Отдельными группами представлены концевые скребки – 4 экз. (один из них двулезвийный, рис.1:6), высокие скребки – 4 экз. (изготовлены на сколах с галек и пренуклеусов, имеют высоту около 1 см, обработаны крутой ретушью, рис.1:4), небольшие скребочки с ретушью на 1/2 периметра – 3 экз., рис.1:10) Также в коллекции имеется

концевой скребок с ретушированными краями (рис.1:3), микроскребок с прямым лезвием. Один скребок представлен обломками. Следует отметить наличие в коллекции трех скребел, выполненных на массивных сколах с кремневых галек, с оформлением лезвий по краям заготовки. Их средние размеры: 4-6,5 x 1,5-3,5 см. По своим функциям они близки к скребкам.

В коллекции присутствуют 13 скребков и резцовый ощепок. Основным сырьем для их изготовления служил галечный кремень различных цветовых оттенков. На пластинах изготовлено три орудия, по одному – на отщепе и первичном сколе. Абсолютное большинство резцов – 8 экз., сделано на нуклевидных заготовках. Ведущей категорией резцов являются нуклевидные многофасеточные с неподработанной площадкой скола – 5 экз., еще три орудия относятся к нуклевидным однофасеточным. Угловых одинарных резцов выявлено только два. Один из них изготовлен на отщепе и имеет небольшой резцовый скол. Второй изготовлен на сечении широкой пластины и имеет два негатива резцовых сколов (рис.1:15). Также в коллекции имеется боковой резец на пластине и многолезвийный резец на первичном сколе с гальки. Кроме того, обнаружен и скобель-резец, изготовленный на сечении кремневой пластины. Один из торцов-обломов орудия обработан крутой ретушью. Едва намеченная подработка с противоположного конца делает данное изделие похожим на заготовку трапеции. Орудие имеет два резцовых скола по левому краю со стороны усечения пластины. Поэтому его можно атрибутировать как ретушной резец, не совсем типичной формы (рис.1:11).

Скобелей в коллекции памятника – три. Они изготовлены на краевых сколах – 2 экз., и ребристой пластине – 1 экз. (обожжен). Материалом служил серый кремень (в случае с ребристой пластиной, первоначальный цвет кремня не устанавливается). Орудия имели либо две (2 экз.), либо одну (1 экз.) выемку, размером около 0,5 см, обработанную ретушью. К долотовидным отнесены четыре орудия. Они изготовлены на продольных сколах с галек. Ширина их рабочего лезвия около 2 см (рис.1:18-19).

Два острия изготовлены на узких пластинах треугольного сечения из халцедона и кремнистого сланца. У обоих орудий ретушью обработан дистальный конец. Причем, если одно из них имеет только мелкую дорсальную ретушь, то второе обработано противолежащей ретушью (рис.1:16-17). По всей видимости, орудие, изготовленное из халцедона, могло использоваться в качестве проколки, а орудие, изготовленное из серого кремнистого сланца – в качестве сверла.

Единичной формой представлен резчик. Он имеет два рабочих лезвия, расположенных на противоположных углах сечения пластины серого кремня. Оба лезвия прямые, одно из них обработано дорсальной ретушью, а второе – вентральной (рис.1:20).

К комбинированным орудиям мы отнесли два изделия. Это скребок-скобель на отщепе из светлого кремня. Орудие имеет два скребковых лезвия по краям и одну ретушированную выемку. Скребок-резец на пластинчатом отщепе из

темно-коричневого кремня имеет два боковых резцовых скола по левому краю и обработанный скребковой ретушью дистальный конец (рис.1:7).

В целом можно говорить о том, что в ходе исследований 2002 г. на небольшой площади раскопа было найдено значительное количество разнообразных находок, большую часть из которых можно отнести к огурдинскому этапу камской мезолитической культуры. Интересно то, что значительное количество орудий сделано на отщепах, хотя индустрия памятника всегда считалась пластинчатой. Но это, как уже было отмечено, могло быть связано с небольшой вскрытой площадью памятника и примесью артефактов более поздних эпох.

Наши исследования показали, что изучение одного из крупнейших мезолитических памятников еще далеко от завершения. Периферийные районы памятника не менее богаты находками, чем центральные. Так как территория Огурдинского поселения разрушается вследствие береговой эрозии и антропогенного воздействия, то необходимо его дальнейшее изучение, пусть и не очень большими площадями.

Работа проведена при поддержке РГНФ, проект № 13-11-59003а/У.

Литература

Бадер О.Н. Мезолит лесного Приуралья и некоторые вопросы изучения мезолита // МИА. 1966. № 126.

Лычагина Е.Л. Новые исследования Огурдинского мезолитического поселения // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Материалы региональной конференции / Сост. А.С. Савельев. Кудымкар, 1997. С. 126-130.

Лычагина Е.Л. Новые исследования поселения Огурдино // Вопросы истории и культуры Пермского Прикамья. Усолье, 2004. С. 35-39.

Мельничук А.Ф. Материалы мезолитического Огурдинского поселения // СА. 1989. № 4.

Мельничук А.Ф., Волокитин А.В., Лычагина Е.Л. Огурдинское поселение и его место в мезолите Приуралья // Проблемные вопросы истории, культуры, образования, экономики Северного Прикамья / Отв. ред. В.В. Шилов. Березники, 1994. С. 16-18.

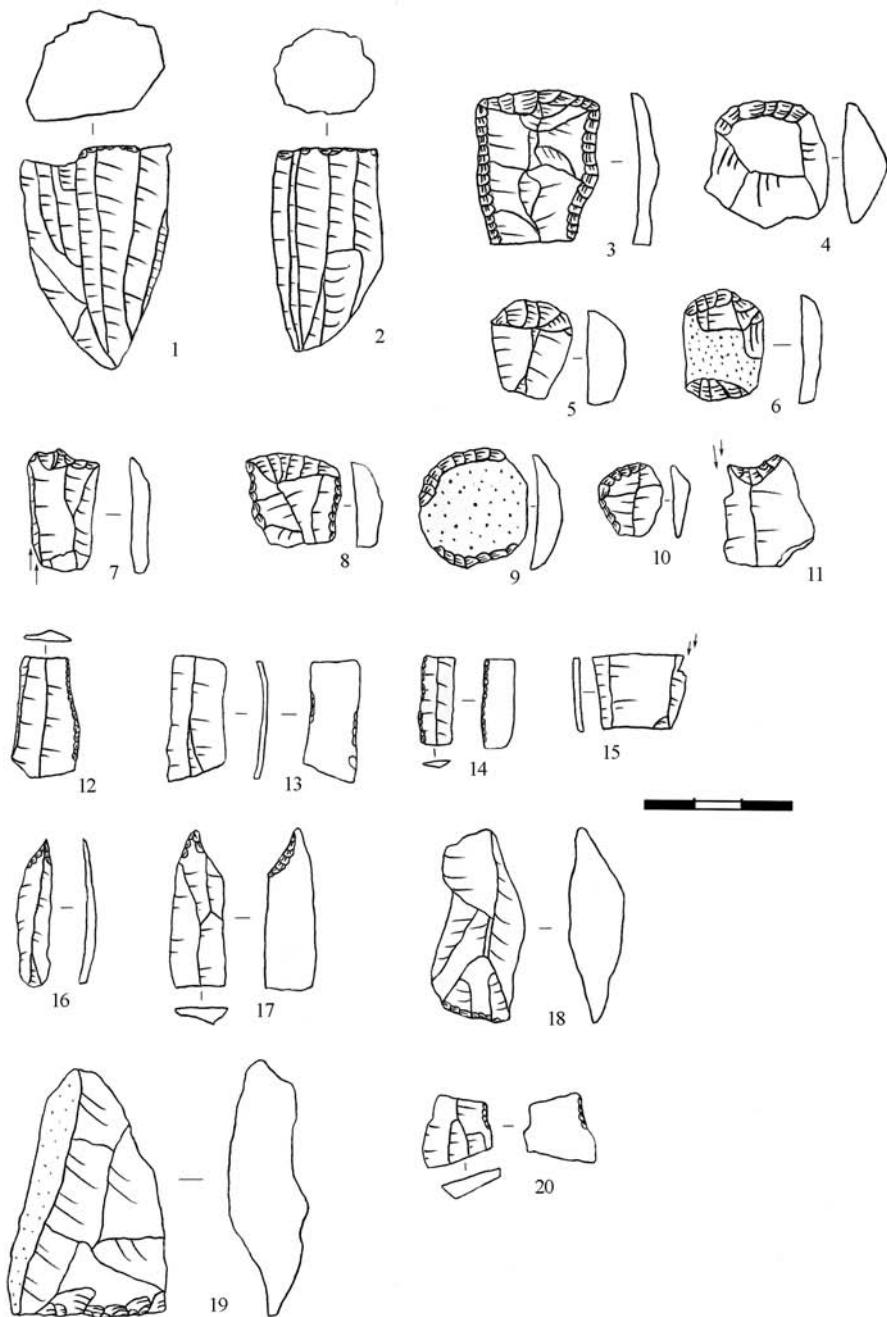

Рис. 1. Каменный инвентарь Огурдинского поселения:
1-2 – нуклеусы, 3-6, 8-10 – скребки, 7 – скребок-резец, 11 – скобель-резец, 12-14 – пластины с ретушью, 15 – угловой резец, 16-17 – острия, 18-19 – долотовидные орудия, 20 – резчик.

Ю.Б. Сериков

Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, Нижний Тагил

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ МАСТЕРСКИЕ ПО ИЗГОТОВЛЕНИЮ РУБЯЩИХ ОРУДИЙ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ

Две специализированные мастерские, исследованные автором на территории Среднего Зауралья, не только освещают процессы изготовления рубящих орудий в эпоху мезолита, но и дают возможность шире взглянуть на жизнь древнего человека. Полученные материалы позволяют коснуться вопросов первоначального заселения Урала, реконструировать некоторые аспекты адаптации древнего населения к окружающей среде, а также увеличить наши знания в области первобытного искусства.

Ключевые слова: Среднее Зауралье, эпоха мезолита, специализированная мастерская, рубящие орудия, каменное сырье, аспекты жизнедеятельности.

Yu. B. Serikov

The State Social-Pedagogical Academy of Nizhny Tagil, Nizhny Tagil

MESOLITHIC AXES AND ADZES PRODUCING WORKSHOPS IN THE MIDDLE TRANS-URALIC REGION

The two specialized workshop sites that I studied in the middle Trans-Urals have shed light on the process of making Mesolithic axes and adzes. They also widen our understanding of the ancient humans' subsistence. The materials from the sites provide new information on the initial colonization of Urals, allow reconstruction of some aspects of the initial population's environmental adaptation and contribute to our knowledge of the prehistoric art.

Keywords: Middle Trans-Ural, Mesolithic, Specialized workshop site, axes and adzes, stone raw material, aspects of subsistence.

Памятник **Амбарка I** открыт в 1978 г. экспедицией Уральского государственного университета под руководством автора. У подножья мыса, на котором расположена стоянка, было собрано два десятка отщепов туфопорфирита, заготовка рубящего орудия, отбойник и нуклеус. Комплекс находок оказался не совсем обычным, и для выяснения характера памятника на нем был заложен ряд шурfov. Выяснилось, что здесь представлены материалы трех эпох: мезолита, неолита и раннего железа. Мезолитический комплекс составляли два нуклеуса, скребок и десяток микропластиинок. Неолит был представлен четырьмя фрагментами стенок и двумя фрагментами венчиков от сосудов боборыкинского и кошкинского типов. К этому же времени были отнесены изделия из туфопорфирита: две массивные заготовки рубящих орудий, два отбойника, 59 крупных отщепов туфопорфирита, 10 отщепов черного углистого сланца и обломок шлифованного топора. Эти находки позволили предположить наличие на мысу специализированной мастерской по изготовлению

рубящих орудий из туфопорфириита, которая предварительно была отнесена к эпохе неолита [Сериков, 1988, с. 45].

Памятник находится на правом устьевом мысу р. Амбарка при впадении ее в р. Нейва, в 1,5 км к северо-востоку от с. Мурзинка Пригородного р-на Свердловской обл. Высота мыса 8 м, его поверхность сильно заросла мелколесьем. Мыс по площади очень большой, покатый к востоку, ярко выраженной площадки не имеет. В напольную сторону его высота возрастает до 15-18 м, причем находки идут на протяжении 25-30 м от борта мыса. Общая площадь памятника оценивается не менее чем в 3000 кв. м, что является совершенно необычным для речных стоянок Среднего Зауралья.

В 1994 г. на мастерской были проведены рекогносцировочные раскопки. На достаточно ровном участке площадки мыса был разбит раскоп площадью 56 кв. м. Он должен был положить начало широким исследованиям этого неординарного памятника. Однако 1994 г. был последним годом финансирования археологической практики в Нижнетагильском пединституте, следующие три года финансирования практики не проводилось. За это время научные интересы автора сместились на изучение древних святилищ, расположенных в пещерах и на вершинах гор. Больше камнеобрабатывающая мастерская на р. Нейва раскопками не исследовалась.

Раскопки мастерской выявили остатки наземного жилища с каменным очагом внутри. Диаметр жилища около 5 м, по его периметру обнаружены столбовые ямки. В 4 м к северу от жилища находился наружный очаг. Как и на поселение Выйка II он располагался с подветренной стороны жилища. В процессе научной обработки материалов еще в поле удалось выявить серию так называемых «связей» [Сериков, 1983, с. 121-130]. Они подтвердили одновременность зафиксированных объектов (наземного жилища и наружного очага), а также кратковременность памятника.

Стратиграфия памятника очень простая. Под дерновым слоем (10-15 см), в слое светло-коричневого суглинка мощностью до 35 см залегают культурные остатки в виде каменных изделий. Материком является плотная бурая глина.

В результате исследований получена коллекция находок из 1458 экз. Из них к мезолиту относится 1444 каменных изделия. С учетом материалов шурfov и сборов коллекция мезолитических находок составила 1531 экз. Распределяются они следующим образом: гальки – 39; пренуклеус – 1; нуклеусы – 12; расколотые нуклеусы – 2; нуклевидные куски – 2; технические сколы – 31; пластинки без ретуши – 180; пластинки с ретушью – 31; резцы – 11; резчики – 11; острия – 4; геометрический микролит – 1; скребки – 14; обломки шлифованных орудий – 3; отбойники – 3; отщепы – 1188.

Все нуклеусы торцевые, одноплощадочные (рис. 1:1-2, 12-16). Их высота колеблется от 1,5 см до 4,3 см. Преобладают (9 экз.) нуклеусы высотой до 3 см. Девять нуклеусов изготовлены из кремнистых сланцев (причём – все сланцы разного типа) и по одному – из халцедона, мелового кремня и черного углистого сланца. Расколотые нуклеусы выполнены из кремнистого сланца.

Отходы обработки нуклеусов представлены поперечными и ребристыми сколами и ребристыми пластинками. Среди поперечных сколов – две сколотые ударные площадки. Технических сколов из разнообразных кремнистых сланцев – 25 экз., углистого сланца – 3 экз., сургучной яшмы, мелового кремня и агата – по 1 экз.

Пластинчатый комплекс представлен 238 пластинками и орудиями из них. Ширина колеблется от 0,3 до 1,1 см. Преобладают пластинки шириной 0,5-0,8 см. Основную часть комплекса составляют пластинки без ретуши – 180 экз. (рис. 1:5-10). В большинстве своем они представляют собой отходы производства – сильно изогнуты в профиле, с первичной коркой, с конвергентными краями; а также верхние части пластин с ударным бугорком. По сырью пластинки распределяются следующим образом: из кремнистых сланцев изготовлено 138 экз., из углистого сланца и халцедона – по 13, из мелового кремня – 12, из светло-серой яшмы – 1, из туфопорфирита – 3 экз.

Пластинки с вторичной обработкой включают пластинки с ретушью утилизации (2 экз.), с ретушью со спинки (7), с ретушью с брюшка (8), с ретушью со спинки и с брюшка (2), с отретушированным концом (11) и с отретушированными выемками (1).

Все пластинки с ретушью со спинки (рис. 1:23-25) имеют ретушь по одному краю. Пластинки с ретушью с брюшка (рис. 1:26-29) обработаны ретушью как по одному краю (4 экз.), так и по обоим (4 экз.). Пластинки с обработанным концом (рис. 1:32-33) в десяти случаях отретушированы со спинки и лишь в одном – с брюшка. Большая часть ретушированных пластинок (25 экз.) изготовлена из разнообразных кремнистых сланцев, по две – из углистого сланца и светло-серой яшмы и по одной – из халцедона и мелового кремня.

Из резцов один относится к поперечно-ретушным (рис. 1:34), а остальные – к угловым. Они выполнены на углу сломанной пластинки (рис. 1:35-36). Среди них четыре одинарных, три двойных и один тройной. Два резца скомбинированы с резчиками (рис. 1:37). Все резцы изготовлены из кремнистых сланцев.

Из 11 резчиков семь одинарных (рис. 1:38-39), три двойных, а один имеет четыре рабочих кромки (рис. 1:40). Из кремнистого сланца изготовлено шесть резчиков, из углистого черного сланца – три и мелового кремня – два.

Все острия выполнены из кремнистых сланцев и относятся к разным типам. Одно из них – листовидное (рис. 1:41), второе – игловидное (рис. 1:42), третье – с намеченными плечиками и четвертое – скошенное.

Единственный в коллекции геометрический микролит представляет собой слегка асимметричную низкую трапецию, изготовленную из зеленоватого кремнистого сланца (рис. 1:11). Длина его 1,6 см, ширина – 0,5 см. Оба конца отретушированы со стороны спинки. На нижнем основании трапеции присутствуют две выемки, также отретушированные со спинки.

Из 14 скребков 10 изготовлено на отщепах (рис. 1:3,17-20), три – на гальках (рис. 1:21) и один – на ножевидной пластине шириной 1,5 см (рис. 1:22). Один скребок на отщепе имеет два широких рабочих лезвия (рис. 1:19). Размеры всех скребков невелики: 11 из них имеют максимальные размеры до 3 см. Шесть

скребков изготовлено из кремнистых сланцев, четыре – из углистого сланца, два – из халцедона и по одному – из туфопорфирита и агата.

Интересными находками являются обломки шлифованных орудий. Один из них представляет разрушенный топор. Длина сохранившейся части 5,3 см, ширина – 4 см, толщина – 2,1 см. Он был полностью отшлифован. Боковая поверхность (ребро топора) обработана техникой пикетажа. От второго орудия сохранился обломок расколотой вдоль средней части, поэтому классифицировать изделие не удается. Длина сохранившейся части 11, ширина – 4,6 см. Отшлифована только часть орудия, видимо, прилегавшая к лезвию. Сохранились участки галечной корки. Третий обломок является осколком верхней части долота. Эта часть забита и смята от сильных ударов по ней. Размеры обломка – 2,3×2,3 см. Сырьем для всех данных орудий послужил туфопорфирит.

Отщепы представлены 1188 экз., 773 из них (65%) – из туфопорфирита. Присутствует туфопорфирит как минимум 12 видов. На некоторых отщепах сохранилась галечная корка, что указывает на местное происхождение сырья. 13,5% отщепов туфопорфирита являются чешуйками размером до 1 см. 69,5% – имеют размеры от 1 до 3 см, 13% – от 3 до 5 см и 4% – от 5 см и больше. Следует отметить, что у заметной части отщепов их длина по оси скальвания в 2-2,5 раза меньше ширины. Подобные пропорции отщепов получаются при обивке боковой поверхности удлиненных орудий, в данном случае – топоров и тесел. Анализ всего комплекса отщепов туфопорфирита показывает, что на стоянке происходила не только обивка заготовок топоров, но и их окончательная отделка перед последующим шлифованием.

Отщепы углистого сланца – 265 экз. (22,3%), разнести по видам затруднительно вследствие большой однородности минерала. Далее по численности идут отщепы кремнистого сланца – 78 экз. (6,6%) как минимум восьми видов, халцедона – 69 экз. (5,8%) четырех видов, сургучной яшмы – 2 экз. двух видов и лимонита – 1 экз.

Также в коллекции присутствует гальки: 11 целых и 28 расколотых. Из туфопорфирита – 19 галек, из кремнистого сланца – 5, из кварцита – 15.

Отбойниками (3 экз.) служили гальки туфопорфирита. Особый интерес представляет один из них (рис. 2:2), который в процессе использования раскололся вдоль. Размеры отбойника: длина – 6,8 см, ширина – 4,7 см, толщина в средней (расколотой) части – 2,2 см. С двух концов гальки присутствует забитость и сколы. На галечной корке на относительно ровной боковой поверхности отбойника орудием типа резчика выгравировано изображение рогатого животного размером 2,5×2,3 см. Интерпретировать его можно двояко. Первый вариант: гравировкой изображена голова животного. Косая линия в правой части фигуры может изображать глаз. Заостренная морда и развесистые рога с множеством отростков позволяют видеть в данной фигуре изображение головы северного оленя. По второму варианту изображение читается как цельная фигура животного. В пользу этого предположения могут свидетельствовать куцый хвостик и треугольник под брюхом, изображающий,

возможно, половые органы. Ясно, что гравировка представляет собой рисунок рогатого животного, но какого – понять невозможно. Поэтому первый вариант интерпретации представляется нам предпочтительней [Литвиненко, Сериков, 1998, с. 225]. К этому можно добавить, что большая часть произведений искусства из камня на территории Среднего Зауралья представлена именно головами животных [Сериков, 2007, с. 38-51]. Следует также упомянуть, что в мезолите Среднего Урала известна аналогия данной гравировке. Это изображение головы лося, выгравированное на поверхности отбойника со стоянки Горная Талица в нижнем течении р. Чусовой [Мельничук, Павлов, 1987, с. 15; рис. 6]. Еще одна гравировка головы животного, правда, уже энеолитического времени происходит со Средней Волги. На поселении Волоконное (Республика Марий Эл) на обломке сланцевой плитки выгравирована лосиная головка [Никитин, Никитина, 2004, с. 22].

Интереснейшей находкой, обнаруженной в мезолитическом комплексе, но не относящейся к нему, является массивный пренуклеус, изготовленный из серо-зеленоватого алевротуфа (рис. 2:1). Его размеры $8,1 \times 6,0 \times 3,6$ см. Все сколы сильно заглажены. Изделие полностью покрыто глубокой патиной. Местами на нем сохранилась галечная корка.

Найденные изделия подобного типа за последние 20 лет уже достаточно хорошо известны на восточном склоне Урала [Сериков, 2000, с. 32-38]. Обычно выявляются они при раскопках памятника, расположенного на скалистом мысу, где почвенные отложения имеют незначительную мощность. Подобные артефакты в аналогичных стратиграфических условиях известны на памятниках горы Голый Камень, на стоянках III-я Береговая, Уральские Зори III, Уральские Зори V, Гаревая II. Относятся они к раннему палеолиту. Их анализ показывает, что появление на мезолитических памятниках и вторичное использование каменных изделий предшествующих эпох характерно, прежде всего, для камнеобрабатывающих мастерских, расположенных у выходов сырья [Сериков, 2011, с. 289-295].

Сыревая характеристика всего комплекса каменных изделий довольно необычна. 51% изделий изготовлен из туфопорфирита (в основном это отщепы), по 20% приходится на черный углистый сланец и кремнистые сланцы. Остальные включают халцедон (6%), меловой кремень, сургучную и светло-серую яшму, агат и лимонит. Причем последние четыре минерала представлены единичными изделиями.

Характеристика сырья позволяет сделать несколько выводов. Следует учесть, что все данные виды минерального сырья относятся к мезолитической эпохе. Они залегали в наземном жилище и возле наружного очага, связанного с жилищем. Использование туфопорфирита и чёрного углистого сланца не характерно для мезолита. Тем не менее, в комплексе присутствуют микропластинки, изготовленные из обоих видов сырья, и нуклеус, выполненный из углистого сланца. Следовательно, такое сочетание сырья может свидетельствовать об определенной хозяйственной направленности данного памятника.

Количественное соотношение находок (микропластинчатого комплекса и изделий из туфопорфирита) позволяет интерпретировать памятник как стоянку-мастерскую, а выявленное жилище как домашнюю мастерскую. Мастерская являлась специализированной, в ней изготавливали рубящие орудия (топоры и тесла) из туфопорфирита. Значительное количество чешуек и мелких отщепов показывает, что в мастерской происходила, в том числе, и окончательная отделка рубящих орудий, которые впоследствии могли и шлифоваться.

Исследование минерального сырья позволяет высказать предположение о сезоне функционирования памятника. Заметное количество местного сырья, большое разнообразие сырья по видам, а также значительное количество изделий с галечной коркой дают возможность определить сезон функционирования памятника как весну. Об этом же свидетельствует высокое (8-15 м) расположение памятника над рекой, распределение находок по площади раскопа, наличие на памятнике сезонного жилища с каменным очагом внутри. Памятник функционировал весной, когда прошел паводок, и вода, размыв берега, обнажила выходы галечника. Следует подчеркнуть, что гальки туфопорфирита до сих пор встречаются под стоянкой у основания мыса.

Подводя итоги рекогносцировочным раскопкам на Амбарке I, можно констатировать, что они дали обнадеживающие результаты. Выявлена специализированная камнеобрабатывающая мастерская по изготовлению рубящих орудий из туфопорфирита, функционирование которой относится к эпохе мезолита. Обнаружен редчайший образец мезолитического изобразительного искусства в виде гравировки фигуры животного. И наконец, находка пренуклеуса дает нам новые материалы по первоначальному заселению Урала в эпоху раннего палеолита.

В 1988 г. на восточном склоне Среднего Урала, в верховьях р. Тура был открыт археологический памятник **Запрудное**. Он занимает левый берег Верхне-Туринского пруда с высотой всего 1,5-2 м. На нем зафиксированы три впадины, которые первоначально были приняты за жилищные. Они располагались цепочкой друг за другом в направлении с северо-запада на юго-восток. Расстояние между впадинами № 1 и № 2 составляло 19 м, а между впадинами № 2 и № 3 – 25 м. Впадины № 1 и № 2 имели диаметр соответственно 2 и 2,5 м. В шурфах, заложенных возле этих впадин, находок не оказалось. Впадина № 3 была крупнее: с севера на юг ее диаметр равнялся 4,25 м, с запада на восток – 5 м. Глубина впадины составляла 0,4 м. Она располагалась на более возвышенном участке берега, высота площадки над водой доходила до 3 м. В 5 м к юго-востоку от впадины был заложен шурф № 4 размером 2×2 м, который дал неожиданно много находок – свыше 2200 (в основном, отщепы).

После этого было решено произвести рекогносцировочные раскопки памятника, которые и были проведены в 1989 и 1992 гг. [Сериков, 1994, с. 126-128]. На впадину № 3 был наложен раскоп площадью 33 кв. м. Стенки сооружения оказались сильно скошены внутрь, округлые его очертания превратились в овальные. Диаметр сооружения резко уменьшился. С северо-востока на юго-запад длина сооружения при первой фиксации границ равнялась 3,3 м, а шири-

на с северо-запада на юго-восток – 2,3 м. При дальнейшем углублении размеры сооружения продолжали уменьшаться, но уже не так значительно. При второй фиксации оно имело размеры $2,75 \times 2$ м, при третьей – $2,35 \times 1,7$ м, при четвертой – $1,9 \times 1,3$ м. Ровное дно сооружения имело прямоугольную форму со скругленными углами размером $1,43 \times 0,64$ м. Находилось оно на глубине 1,25 м ниже центра впадины (или 1,65 м от современной поверхности). Следует добавить, что сооружение было выбито в камне-рухляке желтовато-коричневого цвета.

План и профиль сооружения оказался полностью идентичным планам и профилям ловчих ям, исследованных свердловскими археологами на северо-западе Сибири [Кокшаров, 1993, с. 162-169; рис. 3]. Анализ особенностей сооружения на Запрудном позволяет предполагать, что оно также использовалось в качестве ловчей ямы. Большой диаметр котлована увеличивал возможность проваливания в него животного. Скошенные края ямы способствовали соскальзыванию животного в его центральную углубленную часть. В глубокой и узкой яме в центре котлована животное заклинивало, так как высокие (1,25 м) стенки центральной ямы не позволяли копытному поднять передние ноги. А без точки опоры под передними ногами животное не могло выбраться самостоятельно. Укрепления стенок ямы кольями (как в этнографических образцах) здесь не фиксируется. Возможно, это связано с тем, что яма выбита в плотном камне-рухляке. Попавшие в яму животные, видимо, добивались выстрелами из лука, о чем могут свидетельствовать найденные в ней наконечники стрел.

Чтобы прояснить ситуацию с характером и датировкой сооружения, в 5 м от раскопа 1989 г. в 1992 г. был заложен второй раскоп площадью 30 кв. м (рис. 1). Он включил в себя шурф № 4 1989 г., давший свыше 2000 находок. В процессе раскопок выявлено скопление находок диаметром около 4 м. Оно содержало свыше 4000 предметов, 94 % которых составляли отщепы. Можно предположить, что скопление является остатками рабочей площадки, на которой производилось изготовление рубящих орудий [Сериков, 1995, с. 236].

Стратиграфия памятника довольно проста: 0-10 см – дерн; 10-35 см – светло-коричневый суглинок, содержащий культурные остатки (каменные изделия). Интересно отметить, что мощность суглинка в центре скопления находок на 5-7 см превышала мощность суглинка у стенок раскопа, т. е. на периферии скопления находок. Материком является плотный бурый суглинок с большим содержанием мелких, средних и крупных камней.

Коллекция находок состоит из 4220 каменных предметов. Их можно условно разделить на два комплекса. Один комплекс состоит из типичных для средне-зауральского мезолита изделий микролитического характера: нуклеусов – 5, технических сколов – 20, пластинок с ретушью – 27 и без нее – 165, резцов – 11, резчиков – 5, острий – 2 и скребков – 2.

Один нуклеус относится к коническим, остальные – к торцевым. Их высота 2,4-2,7 см (рис. 3:10, 11). Изготовлены из кремнистого сланца.

Среди пластинок без ретуши (рис. 3:4-9, 19-20) преобладают пластинки шириной 0,5–0,7 см – 61,03 %. Однако, следует отметить, что пластинчатый

комплекс Запрудного четко делится на две части. Пластиинки, изготовленные из кремнистых пород камня (кремнистый сланец, халцедон, яшма), всегда более микролитоидны, чем пластиинки, изготовленные из местного алевротуфа. Например, пластиинки из кремнистых пород (с ретушью и без нее) шириной 0,5-0,7 см составляют 64,5 % комплекса пластиин по данному сырью, а у изготовленных из алевротуфа, этот показатель падает до 48,3 %. Ширину до 0,8 см имеют 85,3 % всех пластиинок. Этот же показатель для I группы (из кремнистых пород) равняется 90,65 %, а для II группы – 65,5 %. Суммарный показатель ширины пластиинок до 1 см в комплексе составляет 93,4 %. Для I группы он равен 97,2 %, а II-ой – 79,3 %. Ширина пластиин из кремнистых пород колеблется от 0,2 до 1,3 см, тогда как ширина пластиин из алевротуфа – от 0,4 до 2,3 см. Большая часть пластиин без ретуши изготовлены из кремнистых сланцев – 133 экз. Одна изготовлена из зеленой яшмы, две – из халцедона, 29 – из алевротуфа.

В орудийном комплексе преобладают пластиинки шириной 0,6-0,8 см – 68,4 %. Пластиинки с ретушью подразделяются на пластиинки с ретушью со спинки – 4 экз. (рис. 3:21-22, 32-33), с ретушью с брюшка – 3 экз. (рис. 3:24, 29-30), с усеченным – 1 экз.) и скошенным ретушью концом (5 экз.) (рис. 3:25-27), с вогнуто-отретушированным концом (1 экз.) (рис. 3:28), с отретушированными выемками (2 экз.) (рис. 3:36). К ним примыкают и пластиинки с ретушью утилизации (11 экз.). Изготовлены пластиинки с ретушью из кремнистого сланца (22 экз.), зеленой яшмы (4 экз.) и коричневого кремня (1 экз.).

Остальной орудийный комплекс памятника очень незначительный. Все резцы (7 экз.) изготовлены на углу сломанной пластиинки (рис. 3:38-39, 42). Один из резцов выполнен на отсеченной нижней части ребристой пластиинки (рис. 3, 17). Резцов, скомбинированных с резчиками, в коллекции четыре (рис. 3:40-41, 43). Рабочие края резчиков (5 экз.) оформлены ретушью, как со стороны спинки, так и со стороны брюшка (рис. 3:23, 31, 34-35, 37). Три резчика имеют клововидный рабочий край и по одному – скошенный и прямой. Все резцы и резчики изготовлены из кремнистых сланцев.

Из двух острий одно изготовлено на первичной пластиинке треугольного сечения (рис. 3:15). Острие оформлено мелкой краевой ретушью по одному краю со стороны спинки, по другому – со стороны брюшка. Второе острие представляет собой отломанный кончик изделия длиной всего 1 см (рис. 3:14). Со стороны спинки острие обработано крутой ретушью. Выполнено острие из местной серо-синеватой породы. Скребки изготовлены из отходов оформления нуклеусов. Один скребок сделан из технического скола с нуклеуса (рис. 3:13), а другой – из сколотой ударной площадки нуклеуса (рис. 3:12). Изготовлены они соответственно из серо-синеватой породы и черного кремнистого сланца хорошего качества. Вторую часть коллекции составляют обломки шлифованных орудий (2 экз.), отщепы и чешуйки (3958 экз.), отбойник и гальки (22 экз.). Оба обломка происходят от рубящих орудий. Один является фрагментом сколотого лезвия шлифованного топора, изготовленного из синеватого алевротуфа. А второй – от средней части топора, выполненного из плотного туфопорфирита (рис. 3:19).

94,55 % всего комплекса составляют отщепы и чешуйки. Чешуйками (длиной до 1 см) являются 1773 экз. – 44,9 %. К мелким отщепам (1-3 см) относится 1978 экз. (50 %), к средним – (3-5 см) – 180 (4,5 %), к крупным (свыше 5 см) – 22 экз. (0,6 %). Следует подчеркнуть, что, как и на Амбарке, у средних и крупных отщепов длина по оси скальвания часто в 2-2,5 раза меньше ширины. Двенадцать отщепов изготовлено из зеленой яшмы, 157 – из кремнистых сланцев и 3784 (95,7 %) – из местного алевротуфа. Из общего числа отщепов пять обработаны краевой ретушью.

Отбойником служила овальная кварцитовая галька размером 14×6×5 см. Все гальки, найденные на памятнике, кварцитовые. Среди них 20 галек целых и две расколотых.

Своебразна сырьевая характеристика каменного инвентаря памятника. Обращает на себя внимание ограниченный набор минерального сырья. По одному изделию изготовлено из туфопорфирита и коричневого кремня, два – из халцедона, 18 – из зеленой яшмы, 357 – из кремнистых сланцев и 3818 (90,97 %) – из местного алевротуфа. Причем алевротуфы также использовались в ограниченном наборе. Всего выявлено минимум шесть типов алевротуфов: синеватые, зеленоватые, светло-серые с желтыми пятнами и три типа светло-серых алевротуфов, различающихся степенью окремнелости.

Процент пластинчатости исследованного комплекса составляет 9,3 %. Такого соотношения изделий на отщепах и пластинах нет ни на одном из известных в Среднем Зауралье мезолитическом памятнике. Это еще раз подчеркивает специфический характер памятника.

Суммируя все выявленные факты, можно предложить следующую реконструкцию [Сериков, 2006, с. 80-83]. Три впадины, расположенные параллельно кромке берега реки на расстоянии примерно 20 м друг от друга, являются остатками ловчих ям. Появление их в этом месте далеко не случайно. В 20 м к северо-западу от ямы № 1 берег реки сильно понижается и заболачивается спускающимся к реке логом. К юго-востоку от ямы № 3 берег, наоборот, сильно повышается и в 50 м от нее заканчивается отвесной скалой. Берег реки в районе ям, в настоящее время залитый водой пруда, очень пологий: нужно не менее 20-25 м пройти по воде, чтобы погрузиться в нее по пояс. Отсюда следует, что в древности выход на коренной берег, где находились ловчие ямы, был очень пологим. Именно такие участки берега выбирали при переправах через реки во время своих сезонных миграций копытные животные: лоси или северные олени. Вышеописанная топография сыграла решающую роль при выборе мезолитическими охотниками места для устройства ловчих ям. Промежутки между ямами должны были быть перекрыты деревянным частоколом. Тогда присутствие за ямой № 3 мастерской по изготовлению рубящих орудий получает логическое объяснение: для устройства деревянного частокола требовалось значительное количество топоров и тесел, которые изготавливались на возвышенной площадке берега немного в стороне от ловчих сооружений. Найдена в ловчей

яме неолитических наконечников стрел свидетельствует об использовании ловушек и в более поздние эпохи. Это же является доказательством умелого использования местности для решения конкретной хозяйственной задачи, в данном случае – выбора места для ловушек на копытных животных.

Таким образом, раскопки на Запрудном выявили интереснейший комплекс ловчих ям и камнеобрабатывающей мастерской, исследование которых приоткрыли еще одну страницу хозяйственной жизни мезолитического населения.

Литература

Кокшаров С. Ф. Охотничьи ямы-ловушки на северо-западе Сибири // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. С. 162-169.

Литвиненко Ю.П., Сериков Ю.Б. Новые находки произведений первобытного искусства на территории Среднего Зауралья // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1998. Вып. 23. С. 216-227.

Мельничук А.Ф., Павлов П.Ю. Стоянка Горная Талица на р. Чусовой и проблема раннего мезолита в Прикамье // Проблемы изучения древней истории в Удмуртии. Ижевск, 1987. С. 5-18.

Никитин В.В., Никитина Т.Б. К истокам мариийского искусства. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. 152 с.

Сериков Ю.Б. Использование метода «связей» на мезолитической стоянке Выйка II (Среднее Зауралье) // СА. 1983. № 1. С. 121-130.

Сериков Ю.Б. Специализированные камнеобрабатывающие мастерские на территории Среднего Зауралья // Минералы в материальной культуре древних уральских народов (информационные материалы). Свердловск: УрО АН СССР, 1988. С. 39-44.

Сериков Ю.Б. Работы Нижнетагильской экспедиции // Археологические открытия Урала и Поволжья. Йошкар-Ола: Мариийский гос. ун-т, 1994. С. 126-128.

Сериков Ю.Б. Исследования камнеобрабатывающей мастерской Амбарка I в Среднем Зауралье // АО 1994 г. М.: Наука, 1995. С. 236.

Сериков Ю.Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил: НТГСПА, 2000. 431 с.

Сериков Ю.Б. Ловчие ямы эпохи мезолита на территории Среднего Зауралья // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка. Липецк, 2006. С. 80-83.

Сериков Ю.Б. «Культ голов» в обрядовой практике древнего населения Урала // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007. Вып. 5. С. 38-51.

Сериков Ю.Б. К вопросу о вторичном использовании изделий предшествующих эпох // ТАС. Вып. 8. Т. I. / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2011. С. 289-295.

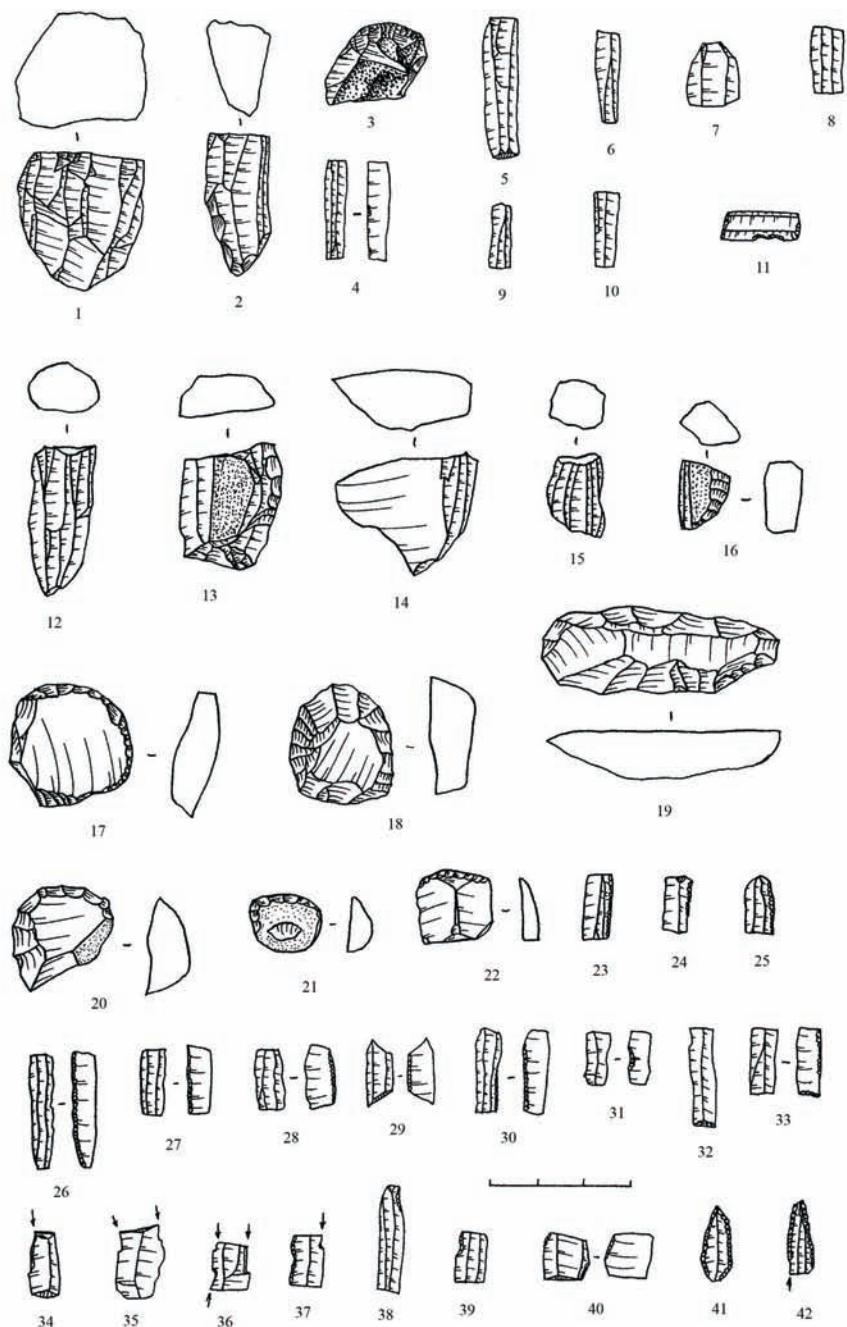

Рис. 1. Амбарка I. Каменные изделия (1-2, 12-16 – нуклеусы; 3, 17-22 – скребки; 4 – пластинка с ретушью утилизации; 5-10 – пластинки без ретуши; 11 – геометрический микролит; 23-25 – пластинки с ретушью со спинки; 26-29 – пластинки с ретушью с брюшком; 30 – пластинка с ретушью со спинки и с брюшком; 31 – пластинка с отретушированной выемкой; 32-33 – пластинки с отретушированным концом; 34-36 – резцы; 37 – резец-резчик; 38-40 – резчики; 41-42 – острия).

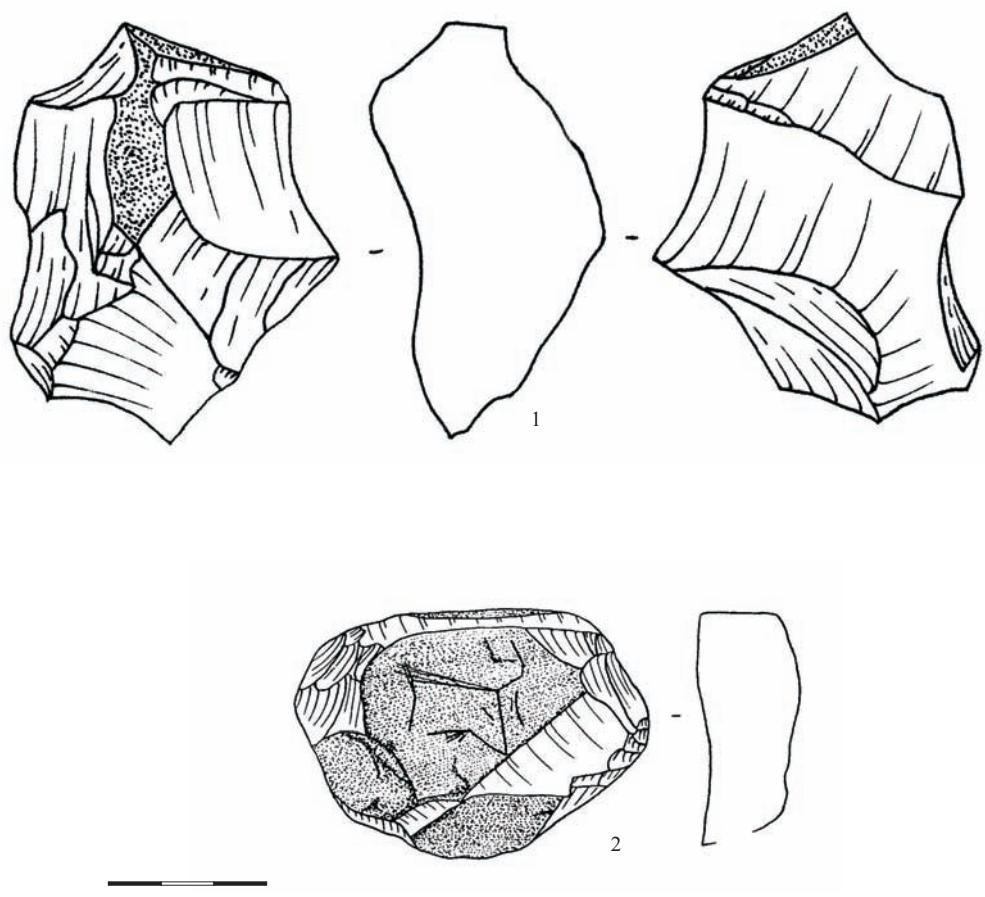

Рис. 2. Амбарка I. Каменные изделия: 1 – пренуклеус; 2 – отбойник с гравировкой животного.

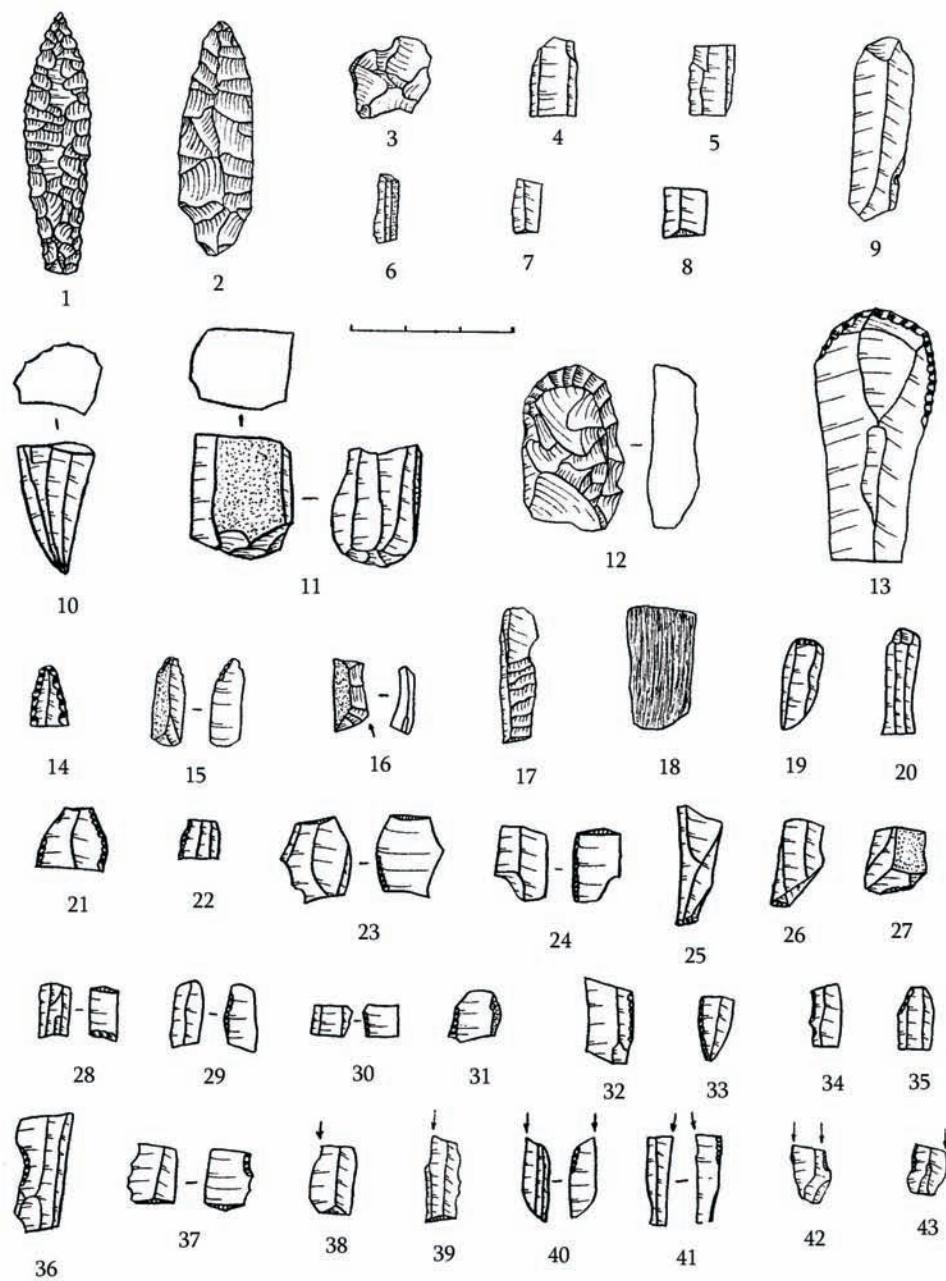

Рис. 3. Запрудное. Каменные изделия (1-2 – наконечники стрел; 3 – сколотая ударная площадка нуклеуса; 4-9, 19-20 – пластинки без ретуши; 10-11 – нуклеусы; 12-13 – скребки; 14-15 – острия; 16-17 – ребристые пластинки; 18 – обломок шлифованного орудия; 21-22, 32-33 – пластинки с ретушью со спинки; 24, 29-30 – пластинки с ретушью с брюшком; 25-28 – пластинки с отретушированным концом; 23, 31, 34-35, 37 – резчики; 36 – пластинка с отретушированной выемкой; 38-39, 42 – резцы; 40-41, 43 – резцы-резчики).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архив ИА РАН – Архив Института археологии РАН
АО – Археологические открытия
ВККМ – Вестник Карельского краеведческого музея
ГАВО – Государственный архив Вологодской области
ГИМ – Государственный исторический музей
ИАЭтСО РАН – Институт археологии, этнографии сибирского отделения РАН
ИГ РАН – Институт географии РАН
ИФС – Историко-филологический сборник
КСИА – Краткие сообщения института археологии АН СССР
МАЕСВ – Материалы по археологии европейского Северо-Востока
МарНИИЯЛИ – Архив научного рукописного фонда Мариинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории
МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого/Кунсткамера/РАН
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НА Коми НЦ УрО РАН – Научный архив коми научного центра уральского отделения РАН
РА – Российская археология
РГПУ им. Герцена – Российский Государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
СА – Советская археология
ТАС – Тверской археологический сборник
Тр. ИЯЛИ – Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО АН СССР
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук
GFF – Geologiska foreningen (The Geological Society of Sweden)

Сведения об авторах

Аверин Вадим Александрович – кандидат исторических наук, руководитель ООО «Ивановская археологическая экспедиция» (г. Иваново)

Аверина Анна Викторовна – кандидат исторических наук, начальник отдела государственной охраны объектов культурного наследия регионального значения Департамента культуры и культурного наследия Ивановской области (г. Иваново)

Будзанивский Иван Андреевич – аспирант отдела археологии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар)

Васильева Наталия Борисовна – кандидат исторических наук, педагог-организатор Областного центра детского и юношеского туризма и экскурсий (г. Вологда)

Волокитин Александр Васильевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар)

Герасимов Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера) (г. Санкт-Петербург)

Герман Константин Энрикович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и этнографии Историко-архитектурного музея-заповедника "Кижи" (г. Петрозаводск)

Жилин Михаил Геннадьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН (г. Москва)

Карманов Виктор Николаевич – кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар)

Косорукова Наталья Валентиновна – кандидат исторических наук, доцент Череповецкого государственного университета (г. Череповец)

Крийска Айвар – профессор, директор Института истории и археологии Тартуского университета (г. Тарту, Эстония)

Логинова Эльвира Серафимовна – младший научный сотрудник (1966-1999 гг.) отдела археологии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар)

Лычагина Евгения Леонидовна – кандидат исторических наук, доцент Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (г. Пермь)

Малинен Анssi – археолог, независимый исследователь (г. Оулу, Финляндия)

Недомолкина Надежда Геннадьевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Вологодского государственного историко-художественного и архитектурного музея-заповедника (г. Вологда)

Новиков Александр Викторович – генеральный директор ООО «Костромская археологическая экспедиция» (г. Кострома)

Сериков Юрий Борисович – доктор исторических наук, профессор Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии (г. Нижний Тагил)

Сорокин Алексей Николаевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН (г. Москва)

Такала Ханну – ассоциированный профессор археологии, Музей г. Лахти (Финляндия)

Тарасов Алексей Юрьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск)

Шахнович Марк Михайлович – кандидат исторических наук, заведующий сектором археологии, Национальный музей Республики Карелия (г. Петрозаводск)

Широков Владимир Николаевич – научный сотрудник сектора археологии каменного века Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Крийска А., Герасимов Д.В.	
Период позднего мезолита в восточной части Балтийского моря: формирование берегового расселения от Рижского залива до Выборгского.....	5
Шахнович М.М., Такала Х., Малинен А., Тарасов А.Ю.	
Стоянка Хетуоя I – новый мезолитический памятник в Северном Приладожье.....	37
Герман К.Э.	
Раскопки поселения Петрозаводск 1 (Республика Карелия).....	56
Шахнович М.М.	
Опыт поиска писаниц в Западной Карелии.....	64
Широков В.Н.	
Пещерное палеолитическое искусство Урала и Франко-Кантабрии: опыт сопоставления.....	69
Сорокин А.Н.	
О костяных и роговых изделиях участка 1 стоянки и могильника Минино 2 в Подмосковье.....	89
Аверин В.А., Новиков А.В., Аверина А.В.	
Новые мезолитические материалы из раскопок Фёдоровского поселения в Костромской области (по итогам исследований 2008 года).....	101
Жилин М.Г.	
Состав уловов, орудия промысла и роль рыболовства в хозяйстве мезолитического населения Волго-Окского Междуречья.....	112

Васильева Н.Б.	
А.Я. Брюсов и вологодская археология.....	128
Косорукова Н.В.	
О датировке торфяниковой стоянки Караваиха 4 в бассейне озера Воже....	142
Недомолкина Н.Г.	
Геометрические микролиты ранненеолитического поселения Векса III (Верхняя Сухона): проблема культурно-хронологической принадлеж- ности.....	147
Карманов В.Н.	
Исследование ранненеолитической стоянки Керос на средней Вычегде....	153
Будзанивский И. А., Волокитин А.В.	
Топоры четвертого культурного горизонта многослойного памятника Вылыс Том 2 на Ижме.....	169
Логинова Э.С.	
Мезолитический комплекс поселения Энты III на Вычегде.....	174
Лычагина Е.Л.	
Каменный инвентарь поселения Огурдино (по материалам раскопок 2002 г.)..	182
Сериков Ю.Б.	
Мезолитические мастерские по изготовлению рубящих орудий на территории Среднего Зауралья.....	188
Список сокращений.....	201
Сведения об авторах.....	202

CONTENTS

Introduction.....	3
Kriiska A., Gerasimov D.	
Late Mesolithic Period in the Eastern Baltic: the Formation of the Coastal Settlement System from the Riga Bay till the Vyborg Bay.....	5
Shakhnovitch M.M., Takala H., Malinen A., Tarasov A.Yu.	
The New Mesolithic Site Hettyöä (Khetuoia) to the North of Lake Ladoga.....	37
German K.E.	
Excavations Settlement Petrozavodsk 1 (Republic of Karelia).....	56
Shakhnovitch M.M.	
Searching for Rock Paintings in Western Karelia.....	64
Shirokov V.N.	
Uralic and Franco-Cantabrian Paleolithic Cave Art: an Attempt of Comparison.....	69
Sorokin A.N.	
On Bone and Antler Artefacts from the Locality 1 of the Minino 2 Camp and Burial Site near Moscow.....	89
Averin V.A., Novikov A.V., Averina A.V.	
New Mesolithic findings from the Fedorovo Dwelling place, Kostroma Province (The results of excavations made in 2008).....	101
Zhilin M.G.	
The Content of Fishing Yields, Fishing Tools and the Economic Role of Fishing among the Mesolithic Population of the Volga-Oka Interflow.....	112

Vasilyeva N.B.	
A. Bryusov and His Role in the Rise of Archaeology in the Vologda Region.....	128
Kosorukova N.V.	
On the Dating of Karavaikha 4 Wetland Campsite in the Lake Vozhe Basin.....	142
Nedomolkina N.G.	
Geometric Microliths from the Early Neolithic Settlement Veksa III on the Upper Sukhona River: the Problem of Its Dating and Cultural Affiliation.....	147
Karmanov V.N.	
Investigation of the Early Neolithic Campsite Keros, Middle Vychegda.....	153
Budzanivskiy I.A., Volokitin A.V.	
Axes from the 4th Cultural Layer of the Multilayered Site Vylys Tom 2 on Izhma River.....	169
Loginova E.S.	
Mesolithic Assemblage of the Settlement Enty III in the Region of the River Vychegda.....	174
Lychagina E.L.	
Stone Inventory of the Ogurdino Settlement (The Results of 2002 Excavation).	182
Serikov Yu.B.	
Mesolithic Axes and Adzes Producing Workshops in the Middle Trans-Uralic Region.....	188
Index.....	201
Meet the contributors.....	202

Научное издание

**ОТ БАЛТИКИ ДО УРАЛА: ИЗЫСКАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ КАМЕННОГО
ВЕКА**

Рекомендовано к изданию ученым советом
Института языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН

Редактор В.Н. Карманов
Оригинал-макет – И.М. Тимушева

Подписано к печати 22.05.2014. Формат. 70*100/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Times. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 18,85. Заказ № 2754. Тираж 300 экз.

Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография»
167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81
Тел.: (8212) 28-46-72, 28-46-73
E-mail: planeta7@komitip.ru

ISBN 978-5-906394-10-1

9 785906 394101